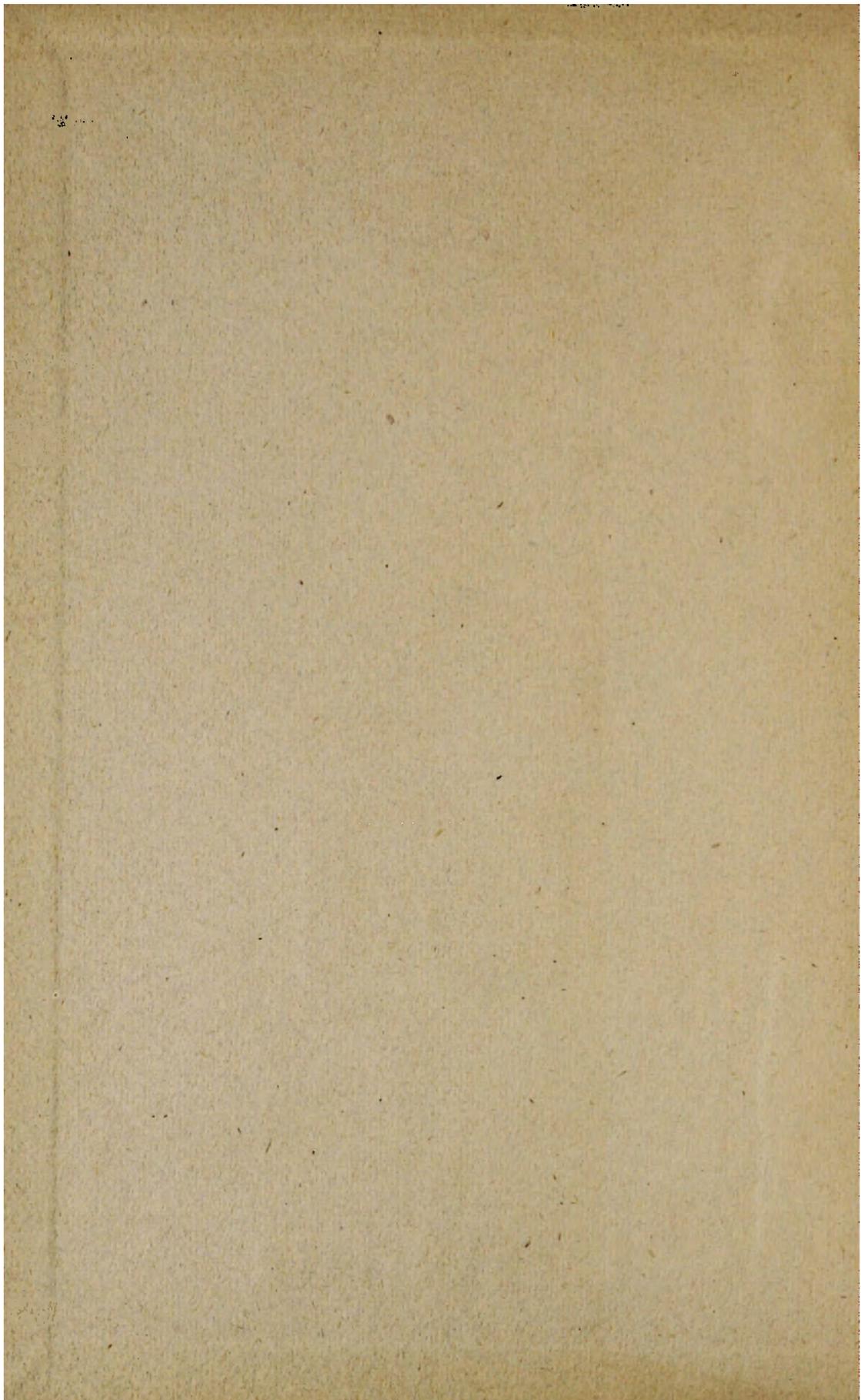
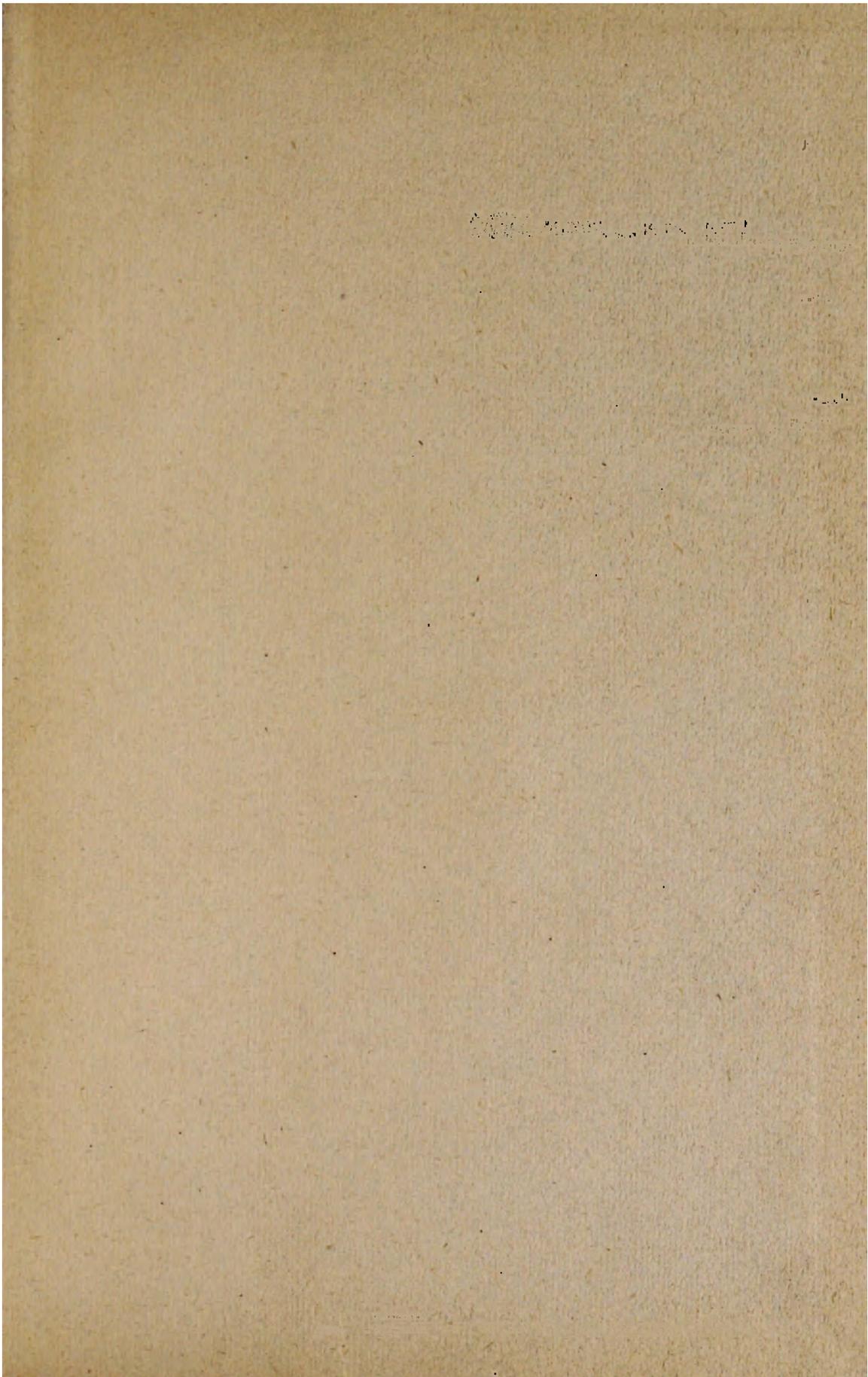

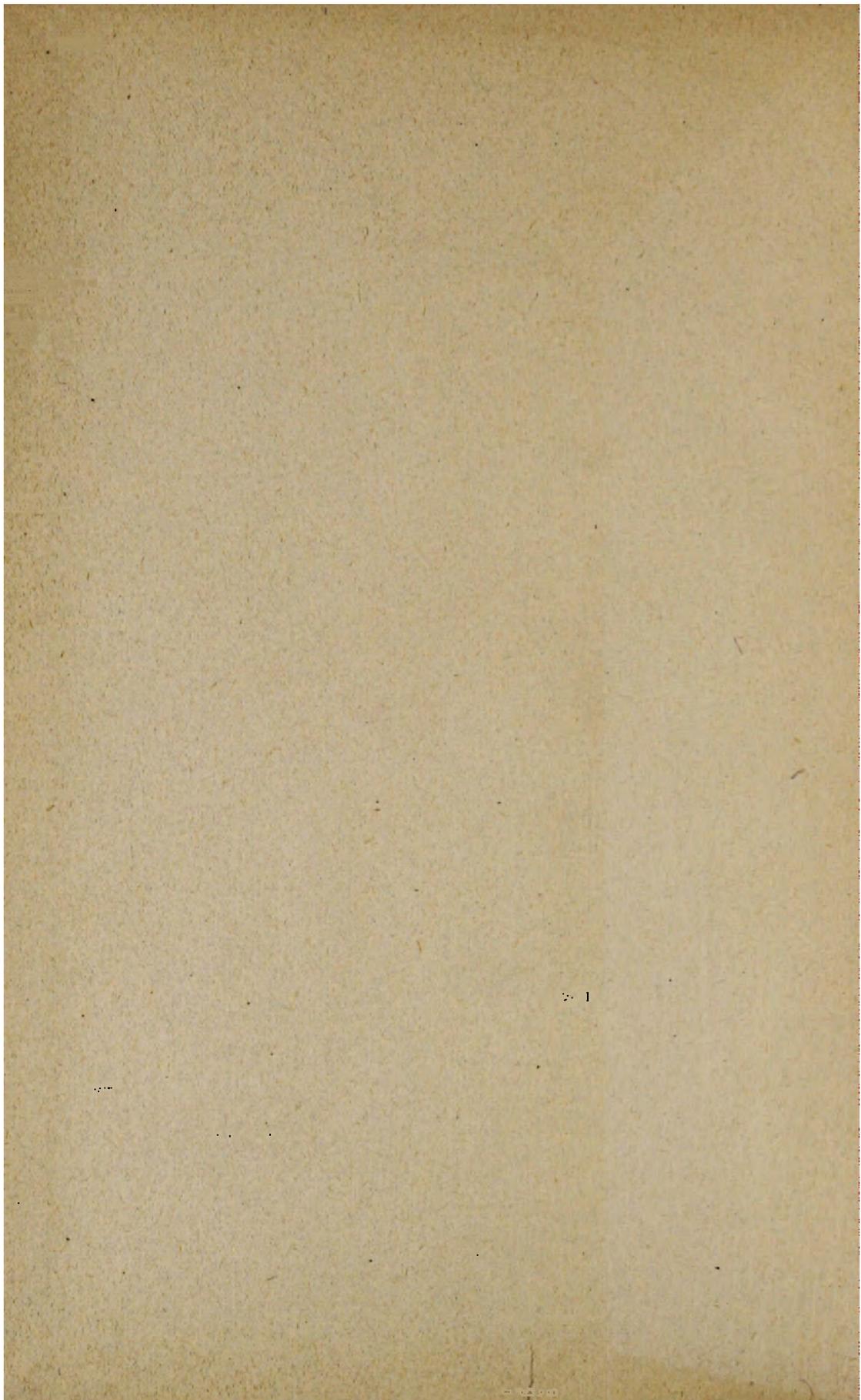
КАРМИР-БЛУР
II

Б. В. ПИОТРОВСКИЙ
РЕЗУЛЬТАТЫ
РАСКОПОК
1949-1950

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 2

ԿԱՐՄԻՐ - ԲԼՈՒՐ

II

Բ. Բ. ՊԻՆՏՐՈՎՍԿԻ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԱՄԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ
ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ԵՎ ՊԵՏԱԿԱՆ ԷՐՄԻՏԱԺԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԷՔՍՊԵԴԻՑԻԱՅԻ
1949—1960 թթ.

ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐ ԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1952

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 2

КАРМИР-БЛУР

II

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК АРМ. ССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
1949—1950 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1952

*Печатается по постановлению Редакционно-
издательского совета АН Армянской ССР*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологическая экспедиция Института истории Академии наук Арм. ССР и Государственного Эрмитажа в 1949 и 1950 гг. продолжала раскопки Кармир-блур—цитадели и кварталов древнего города Тейшебаини. Раскопки в цитадели открыли ряд хозяйственных помещений, давших значительный археологический материал свидетельствующий о том, что Тейшебаини являлся крупнейшим урартским административным центром в Закавказье. Результаты работ 1949 и 1950 гг. в основном подтвердили и дальше развили положения, высказанные в предыдущем отчете о раскопках Кармир-блур. С каждым годом раскопок увеличивается количество высокохудожественных урартских памятников искусства, умножается число клинообразных надписей. Все отчетливее выявляются связи урартов не только с племенами Закавказья и скифами Прикубанья, но и с более отдаленными от Кавказа областями, в частности, с Приднепровьем. Все рельефнее вырисовывается жестокая эксплуатация урартской государственной властью закавказских племен, сопутствовавшая расцвету урартских административных центров, закончившаяся в нач. VI в. до н. э. падением Тейшебаини. Археологический материал из Кармир-блур выступает важнейшим источником изучения интереснейшего этапа древнейшей истории Закавказья. Раскопки Кармир-блур все еще далеки от окончания, но археологический материал, полученный в результате работ последних лет, в частности кампаний 1949—50 гг., дает возможность с достаточной полнотой обрисовать значение этого древнего урартского административного центра, характерного для рабовладельческих государств древнего Востока.

В работе экспедиции принимали участие: Б. Б. Пиотровский (нач. эксп. 1949—50), К. Л. Оганесян (зам. нач. эксп. 1949—50), А. О. Мнацаканян (1949), А. П. Султан-Шах (1949—50), Г. А. Меликшвили (1949—50), А. А. Мартиросян (1949—50), В. С. Сорокин (1949—50), А. У. Погосян (1949), Г. Х. Саркисян (1949), Н. Т. Тораманян (1950) и М. Б. Погосян (пом. нач. по хоз. части, 1949—50). Активное участие в раскопках принимали студенты-практиканты Ереванского государственного университета им. В. М. Молотова и Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (З. Касабян, Г. Бартикян, С. Есяян, Г. Тирацян, А. Бабаян, Р. Бучахчян, В. Григорян, И. Булгакова, А. Иерусалимская, Р. Покровская, С. Баццева, Ж. Грушанская, Г. Максименков, И. Хлопин и др.).

Фотографические работы выполнял А. П. Булгаков (1949—50), реставрацию археологических материалов производили реставраторы Государственного исторического музея Академии наук Арм. ССР В. Газазян и Г. Аревшатян.

Слаженная работа этого коллектива обеспечила успешное выполнение тех заданий, которые стояли перед Кармирблурской археологической экспедицией.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ҚАРМИР-ВЛУРА

Раскопками 1949 и 1950 гг. были открыты и исследованы две большие кладовые (№ 25 и 28), предназначенные для хранения вина. В них были обнаружены крупные сосуды-карасы, наполовину вкопанные в земляной пол и расположенные в четыре ряда. В кладовой № 25 открыто 82 караса, а в кладовой № 28, отделенной от первой промежуточным помещением, 70 карасов. По подсчету, произведенному на основании отметок емкости на сосудах, в двух исследованных кладовых хранилось около 150 тысяч литров вина (в урартских мерах, около 600 акарки). Кладовые для вина постоянно встречаются в урартских административных центрах. При раскопках на Топрах-кале в Ване были обнаружены остатки кладовой, в которой сохранялось около 20—25 крупных карасов, по внешнему виду и по наличию на них иероглифических отметок емкости весьма сходных с кармирблурскими.

Надпись урартского царя Менуа, сына Ишпуини, найденная на холме Востан-Кая, около Мелазгерда, где в настоящее время имеются обширные виноградники, рассказывает о постройке крупной кладовой для вина, общей емкостью в 900 акарки, т. е. превышающей кармирблурскую кладовую, примерно, в полтора раза.

Текст большой таблички ассирийского царя Саргона, происходящей из города Ашура, рассказывает о винных погребах во дворце, построенном урартским царем Руса I в городе Улху. Текст описывает, как ассирийские воины, проникшие в потайные винные погреба, черпали и пили душистое вино как речную воду.

Исследование обширных кладовых урартского административного центра, города Тейшебаини, свидетельствующих о большом его хозяйственном значении, представило значительный интерес. Раскопки выяснили, что в момент гибели цитадели винные кладовые пустовали. Видимому, урартский центр находился уже в упадке и дань перестала регулярно в него поступать. Археологические материалы устанавливают, что после того, как сам город был уже взят скифами, цитадель находилась в осадном положении, во дворе ее были наспех устроены легкие жилища с большими запасами продовольствия, как в глиняных сосудах, так и в ямах. В этих жилищах разместились жители, перешедшие из неукрепленного поселения под защиту крепких крепостных стен. На время осады люди размещались также и в кладовых цитадели, наскоро приспособившая их под жилье. Пользуясь отсутствием порядка в цита-

дели, новые ее обитатели, а быть может и сами кладовщики, разграбили оставшуюся без должного надзора храмовую кладовую, растащили оттуда бронзовые высокохудожественные предметы с посвятельными надписями урартских царей богу Халди и запрятали их в разных углах хозяйственных кладовых. Именно поэтому раскопки помещений хозяйственного назначения на Кармир-блуре дали нам большое количество таких бронзовых урартских предметов, которые в мирной обстановке, в период нормальной жизни крепости, никак не могли находиться в этих помещениях.

В некоторые порожние карасы было засыпано зерно. Так, из 82 карасов кладовой № 25 в семи карасах была обнаружена пшеница, ячмень, просо, а в кладовой № 28 в четырех карасах находились зерна пшеницы, ячменя и кунжута, в пятый же была засыпана пшеничная мука крупного помола.

Во многих карасах оказывались сложенными также деревянные и костяные изделия, бусы и различные украшения, бронзовые и железные предметы, как целые, так и в виде металлического лома. Два караса кладовой № 28, в которых были сложены металлические предметы, были прикрыты сверху крупными бронзовыми щитами; отдельные предметы лежали на полу кладовой.

Раскопки Кармир-блур 1949 и 1950 гг. дали не только интересный археологический материал, но и уточнили некоторые проблемы, стоящие перед его исследователями, подтвердили целый ряд высказанных положений.

Город Тейшебаини, названный по имени бога войны Тейшебы, стал урартским административным центром во втором периоде урартской истории (VII—начало VI вв. до н. э.), в том периоде, когда Ванское царство уже потеряло первенствующее положение среди государств Передней Азии. Поражения, нанесенные ассирийцами урартам во время Сардури, сильно ослабили положение центральной государственной власти.

В последней четверти VIII в. до н. э. в Урарту произошел мятеж, поднятый против царя военачальниками, туртанами, правителями окраинных областей царства, власть которых на местах чрезмерно возросла. О ходе этого мятежа и его подавлении довольно подробно рассказывают ассирийские документы (донесения разведчиков), сохранившиеся в Ниневийском архиве ассирийских царей. В ответ на мятеж, Руса I, сын Сардури, провел реформу управления окраинными областями, выразившуюся в разукрупнении старых наместничеств, в замене крупных административных центров более мелкими.

В Закавказье, повидимому, именно в это время потерял свое прежнее положение крупнейший центр VIII в. до н. э., крепость Аргиштихинили (на Армавирском холме), значение которого при урартских царях Аргишти I и Сардури II было особенно велико. Пришли в упадок и некоторые крепости, построенные этими царями. Возможно, что именно к тому же времени следует отнести перенесение царской резиденции в

урартской столице, городе Тушпе, с Ванской скалы на высоты Топрак-кале.

На то, что исследуемое экспедицией на Кармир-блуре большое здание относится ко второму периоду урартской истории, указывает как обломок камня из стены с именем царя Русы, сына Аргишти, так и надпись этого же царя на бронзовом запоре одной из кладовых¹.

Но вместе с тем, в кладовых дворца урартского наместника, жившего в Тейшебаини, оказалось много бронзовых предметов с надписями урартских царей VIII в. до н. э. В одном из карасов кладовой, раскопанной в 1949 г., было найдено 97 бронзовых чаш с надписями четырех царей: Менау, Аргишти I, Сардури II и Русы I. Эпиграфические особенности надписей на чашах доказывают несомненную одновременность этих предметов, несмотря на большое сходство самих чаш по форме.

В 1947 и 1950 гг. в разных кладовых были обнаружены два шлема царей Сардури II и Аргишти I, являющиеся выдающимися памятниками урартского искусства. На нижних краях обоих шлемов помещены клинообразные надписи, указывающие на то, что шлемы являлись посвященными дарами богу Халди царей Сардури II и Аргишти I. Обе надписи имеют существенные эпиграфические различия и, кроме того, совершенно отличные группы иероглифических знаков, поставленных после клинописного текста и служивших, по видимому, метками мастера. Действительно, даже при беглом взгляде бросается в глаза стилистическое отличие совершенно одинаковых на обоих шлемах изображений; изготовление их различными мастерами—вне сомнений. Три бронзовых колчана, украшенных изображениями урартских боевых колесниц и всадников, а также пять бронзовых умбонов от плетеных щитов имели посвященные надписи Аргишти I и Сардури II, а три крупных декоративных щита имели на себе надписи Аргишти I (раскопки 1940 и 1950 гг.) и Русы I (раскопки 1950 г.).

Таким образом, оказывается, что все бронзовые предметы, найденные в кладовых Тейшебаини, относятся не к VII в. до н. э., как это следовало ожидать, а к значительно более раннему времени.

Казалось, что это обстоятельство противоречит принятой датировке города и цитадели Тейшебаини, заставляет постройку исследуемого на Кармир-блуре памятника отнести к гораздо более раннему времени, изменить его датировку на 100 или даже на 150 лет. Но именно в том обстоятельстве, что вся эта группа высококачественных урартских памятников целиком принадлежит выдающимся царям VIII в. до н. э., следует искать подтверждение моему мнению о принесении этих предметов после реформы административного управления в кладовые Тейшебаини из других мест, из старых административных центров, в частности, из Аргиштихинили.

Раскопки 1950 г. подтвердили это предположение. Один из карасов в кладовой № 28 оказался покрытым бронзовым щитом с надписью Ар-

¹ Кармир-блур, I, стр. 20.

гишти I, сына Менуа, указывающей, что этот щит принадлежал городу Ирпуни, который был известен по одной надписи Аргишти I из центральной части Урарту. Определение точного местоположения этого города Ирпуни не заставило себя долго ждать.

25 сентября 1950 г. на холме Арин-берд, на противоположной Кармир-блuru окраине Еревана, во время консервационных работ, производимых участниками Кармир-блурской экспедиции архитектором К. Л. Оганесяном и А. У. Погосьяном, была открыта клинообразная надпись Аргишти, сына Менуа, рассказывающая о постройке мощной крепости, названной городом Ирпуни. Даже по тексту эта новая надпись была весьма близка к надписи из центральной части Урарту, и нет сомнения, что в их основе лежит общий текст. Надпись Аргишти из Вана в заключительной своей части содержит весьма интересные сведения о том, что в новом, построенном в Закавказье городе было поселено 6.600 пленных из стран Хате и Цупани, т. е. из северной Сирии и района западной излучины р. Евфрата.

Практика переселения покоренных на далекие расстояния обычна на древнем Востоке, и указание на заселение административных центров переселенцами мы встречаем постоянно. Оказывается эта практика имела место и в Урартском государстве. Теперь нам становится совершенно понятным и характер древнего поселения у холма Кармир-блур. Раскопки этого поселения отчетливо выявили тот факт, что его жители находились на государственном довольствии¹. В жилищах не обнаружены сколь-нибудь ощутительные следы собственного хозяйства семей, отсутствуют помещения для скота, места хранения запаса продуктов. В кварталах намечаются даже обособленные кладовые, как будто не входящие в отдельные жилища.

Я предполагаю, что в поселении у Кармир-блур жили урартские воины с их семьями, многочисленные ремесленники, трудившиеся над переработкой громадной дани, поступающей в Тейшебаини, а также земледельцы, работавшие на полях в садах, принадлежавших Урартскому государству, о которых подробно рассказывает клинообразная надпись. Русы, сына Аргишти, из Звартноца. Естественно, что жители указанных категорий, т. е. воины, ремесленники и земледельцы, находившиеся в зависимом положении от урартской государственной власти, состояли на государственном довольствии и не имели собственного хозяйства, обеспечивавшего их существование. Поселение у Кармир-блур было типичным городским поселением древневосточного рабовладельческого общества.

В текстах ассирийского царя Ашурнаирпала II, относящихся к постройке города Калху, говорится: «Этот город я вновь построил и в нем поселил людей, захваченных моей рукой из стран, которые я победил». Строительные надписи Синахериба и Асархаддона также постоянно приводят перечни местностей, где были захвачены пленные, участвовавшие

¹ Кармир-блур, I, стр. 18.

в строительных работах. Ассирийские тексты и изобразительные памятники указывают на то, что переселенцы двигались из своих мест целыми обозами, со своим скарбом.

Город Тейшебаини, по материалам раскопок, выступает как крупный хозяйственный центр, в который поступала собранная в Закавказье дән, переправлявшаяся после переработки в центр Урарту. Раскопки дворца наместника в цитадели вскрыли три больших помещения, предназначенных для изготовления кунжутного масла, закрома для зерна и обширные винные кладовые. Слитки бронзы определенной формы, но различного веса, и каменные литейные формы свидетельствуют о наличии в крепости металлургического ремесла.

На четкую организацию работы и строгий учет ее указывает наличие клинописного, хозяйственного архива, обломки отдельных глиняных документов, которые были найдены в 1946 и 1949 гг. Находка буллы от папируса дает основание предположить о наличии в Тейшебаини, так же, как и в ассирийских административных центрах документов, написанных арамейским письмом. На связь Тейшебаини со странами древнего Востока указывает сравнительно большое число привезенных с юга предметов—ассирийских (цилиндрические печати, каменные бусы, металлические изделия), египетских (амулеты с иероглифами, статуэтка богини Сохмет из египетского фаянса), а также малоазийских и средиземноморских (каменные печати, золотые серьги).

Но особенно интересны культурные связи, устанавливающиеся между урартским административным центром в Закавказье и скифами. В кладовых Тейшебаини найден целый ряд скифских предметов: части конских уборов, бронзовые наконечники стрел, украшения из рога и бусы. Среди частей конского убора имеются железные удила с костяными пластинчатыми псалиями, украшенные на концах копытами (противоположные концы с головками животных не сохранились), характерные для культуры скифов Приднепровья. Обнаружен и другой конский убор с длинными железными псалиями, имевшими три отверстия, часто встречающийся среди архаических скифских памятников.

Связи скифов, даже скифов Приднепровья, с Закавказьем в настоящее время документируются уже большим археологическим материалом. Совершенно несомненно, что через Закавказье скифы получали металл и что именно этим путем шли их связи с древним Востоком. Ряд памятников архаического скифского искусства, как, например, знаменитые золотые обкладки ножен акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов, как удастся теперь доказать, был связан с тем искусством, которое выработалось во время походов скифов в Переднюю Азию. В этом отношении особый интерес представляет клад золотых и серебряных предметов, найденный около города Саккыза, в Иранском Курдистане¹. Среди предметов этого клада имеются изделия чисто ас-

¹ R. Ghirshman, Notes Iraniennes, IV, Le Trésor de Sakkez, Artibus Asiae, том XIII, вып. 3, 1950, стр. 181—206.

сирийские, скифские и наряду с ними те, которые сочетают характерные черты искусства древнего Востока и Скифии. К их числу относится золотая пластинка с изображением священного дерева и стоящих перед ним фантастических крылатых львов с рогами и с хвостами скорпионов. Позади львов помещены крылатые божества с птичьими головами, которым на ассирийских памятниках надлежало находиться непосредственно около дерева. По стилю и характеру изображений эта пластинка весьма близка к золотым ножнам Келермесского и Мельгуновского курганов. Характерное по своей форме священное дерево, фантастическое изображение животного и обрамляющий орнамент в виде плетенки особенно подчеркивают связи предметов из клада у Саккыза с этой группой памятников скифского искусства. Золотая рукоятка келермесской секиры находит себе аналогию в круглой серебряной пластине из клада, украшенной характерным листовидным орнаментом, распространенным в урартском искусстве, фигурками скорченных, с сильно подогнутыми ногами животных, разнообразно представленными на рукоятке келермесской секиры. Совершенно исключительный интерес представляет обломок золотого пояса из клада, со своеобразной орнаментальной разделкой поля, характерной для группы урартских поясов, найденных в Закавказье¹, и с чисто скифской фигурой оленя. Подобная же фигура оленя помещена на боковых выступах ножен из Келермесского и Мельгуновского курганов. Находки на Кармир-блуре, в частности, обломки бронзовых поясов, дали целый ряд орнаментальных элементов, особенно изображения священных деревьев, связывающих указанную группу скифских памятников с древневосточным искусством². Изображения таких же деревьев на золотой пластинке и пекторали из Саккызского клада хорошо дополняют приведенные сопоставления. Место находки клада, а именно в Иранском Курдистане, на территории древней страны Мана, представляет также значительный интерес. По ассирийским источникам времени Асархаддона известно, что в стране Мана находились киммеры и скифы, повидимому, с вождем которых Асархаддон вел переговоры. В имени этого вождя, переданного в клинописи как Бартатуа, можно узнать Протогия греческих источников, сын которого, Мадий, по сведениям Геродота, в решительный момент привел скифские войска к стенам Ниневии. В текстах-оракулах Асархаддона ассирийский царь спрашивал бога Шамаша об исполнении замышлов скифских отрядов, находящихся в странах Мана, которые через перевалы страны Хубушкиа могут выйти к границам Ассирии. Среди табличек Ниневийского архива имеется донесение Белушезиба Асархаддону, в котором рассказывается о пребывании киммеров в стране Мана и говорится о необходимости укрепления перевалов для защиты Ассирии от нападения врагов³. Из тех же ассирийских источников нам из-

¹ Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 313.

² Кармир-блур, I, стр. 89.

³ Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 297—298.

вестно, что Асархаддона тревожили также «замыслы Урсы (Русы), правителя Урарту», т. е. Русы, сына Аргишти, с чьим именем связано усиление значения Тейшебаини, как урартского административного центра в Закавказье.

Раскопки на Кармир-блуре красноречиво свидетельствуют о связи скифов с урартами во время жизни города Тейшебаини. Они наглядно иллюстрируют взаимоотношения урартов с киммерами, скифами и другими кочевыми племенами, которых ассирийские тексты называют «умман-манда». Это союз особенно беспокоил ассирийских царей и о нем упоминает Ашурбанипал в собственноручно написанном им гимне богу Ашуру. Союз урартов и «умман-манда» имел исключительное значение в политической обстановке Передней Азии, приведшей в конце VII в. до н. э. Ассирийское государство к гибели.

Хроника вавилонского царя Набупаласара, перечисляющая события его правления в период с 616 по 619 гг. до н. э., рассказывает о последних годах существования Ассирии и о падении в 612 г. до н. э. Ниневии. Из текста хроники видно, что исход осады Ниневии вавилонскими и мидийскими войсками был решен появлением отрядов «умман-манда», которых Геродот (1,103) называл большим скифским войском.

Армянская историческая традиция к этому времени, т. е. ко времени падения Ниневии, относит и первого армянского царя Паруйра, сына Скайорди, оказавшего «немалую помощь мару Варбаку, который отнял у Сарданапала его царство»¹. Мне уже приходилось защищать историческую достоверность элементов рассказа об армянском князе Паруйре, жившем при Ашурбанипале, который назван Сарданапалом, собирательным именем последних ассирийских царей, употребляемым античными писателями. Этот армянский князь, названный сыном Скайорди, оказал якобы помощь мидийцу Варбаку, повидимому, одному из военачальников Киаксара, и за это получил царский венец. Рассказ о помощи князя, а не царя одной из мелких стран Передней Азии (возможно, князя страны Арме, которая с прибавлением обычного в урартском языке суффикса страны получает форму Арме-ни, упоминаемой в надписи Сардури, сына Аргишти) вполне согласуется со сведениями хроники Набупаласара и Геродота о приходе «умман-манда» или скифов к стенам осажденной Ниневии. Среди «умман-манда» мог быть также отряд воинов из страны Арме с их начальником, который в армянской исторической традиции получил имя Паруйра, сына Скайорди. Заслуживает особого внимания имя его отца, означающее в переводе «сын исполина» или «сын скифа». И не следует удивляться, если окажется, что Скайорди было первоначально совсем не именем отца князя, а прозвищем самого Паруйра, которое следует понимать как «принадлежащий к скифам», т. е. отрядам «умман-манда».

Раскопки на Кармир-блуре открывают нам жизнь урартского адми-

¹ Моисей Хоренский, История Армении, кн. 1, гл. 21.

административного центра, современника этих крупнейших событий в истории Передней Азии, завершившихся гибелью некогда могущественного Ассирийского царства. Последний период истории древневосточных государств Передней Азии, т. е. рубеж VII и VI вв. до н. э. представляет для нас исключительный интерес и в том отношении, что именно в это время особенно усилился процесс выделения из царства Урарту отдельных стран, входивших в его состав, и образования новых союзов, на основе которых начал складываться армянский народ. Раскопки крепости последнего периода истории урартского царства Тейшебаини дают нам возможность изучить интереснейшие заключительные страницы истории государств древнего Востока Передней Азии, а также попытаться выявить те новые силы, которые пришли им на смену.

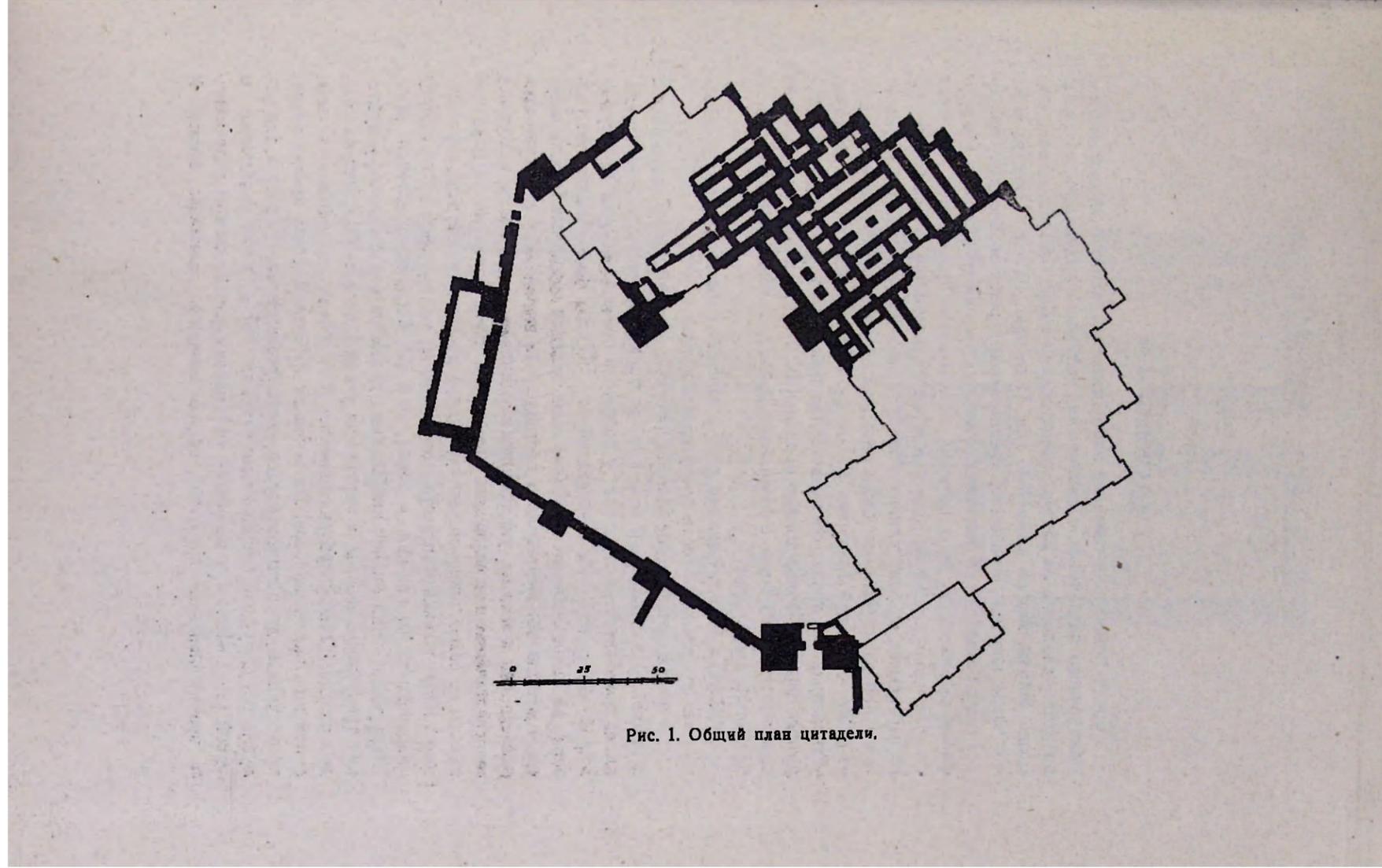

Рис. 1. Общий план цитадели.

КЛАДОВАЯ № 25

Среди помещений северной части цитадели, занятой комнатами хозяйственного назначения и кладовыми, особенно выделялась по своим размерам кладовая № 25. Она представляла собою большое помещение, свыше 300 кв. метров площадью (дл. 31 м, шир. 10,3 м). Ввиду того, что такое широкое помещение трудно было перекрыть балками, кладовая была разделена на две части путем сооружения трех столбов и контрфорса, размещенных по ее средней оси. Бревна, уложенные на этих столбах вдоль кладовой, давали возможность применять для поперечного перекрытия не одну длинную балку, а две. Такие балки были обнаружены при раскопках, они были обтесаны с одной стороны и имели ширину 30—40 см при толщине—10—15 см. Конструкция потолка кладовой устанавливается точно; он представлял собою клетку из крупных поперечных балок и более тонких продольных. На эту клетку укладывался слой тростника и сучьев, а поверхность крыши состояла из плотно утрамбованного слоя земли.

Раскопки 1948 г. выявили контур этого большого помещения, основные же его раскопки были произведены в 1949 г.

В помещении было открыто 82 крупных сосуда-караса, вкопанных в земляной, утрамбованный пол. Карасы были размещены в четыре ряда, вдоль помещения; первый ряд, у восточной стены, содержал 19 сосудов, второй—20, третий—22 и четвертый—21. Карасы были различного размера, но одинаковые по типу. Они представляли собою конические сосуды, с массивным, вертикально поставленным венчиком, с характерными рельефными поясками, украшенными защипами; один поясок находился непосредственно под венчиком, два пояска ниже, примерно на половине высоты от самой широкой части сосуда и до венчика. Карасы, украшенные такими поясками, известны не только из центральной части Урарту (раскопки на Топрах-кале в Ване), но и из Ассирии (раскопки Дур-Шаррукина). Над линией наибольшего диаметра карасы имели углубления треугольной формы, с округлыми углами, по восьми-десяти на каждом сосуде. Такие углубления имелись и на нижних, вкопанных в земляной пол, частях карасов. На венчиках карасов имелись иногда знаки, прочерченные до обжига сосудов—пятилучевая звезда, крест и три углубления. Сосуды с одинаковыми знаками, как правило, находились в одном ряду. Несмотря на общий тип, карасы иногда сильно отличались по своему внешнему виду; так, карасы северной половины восточной

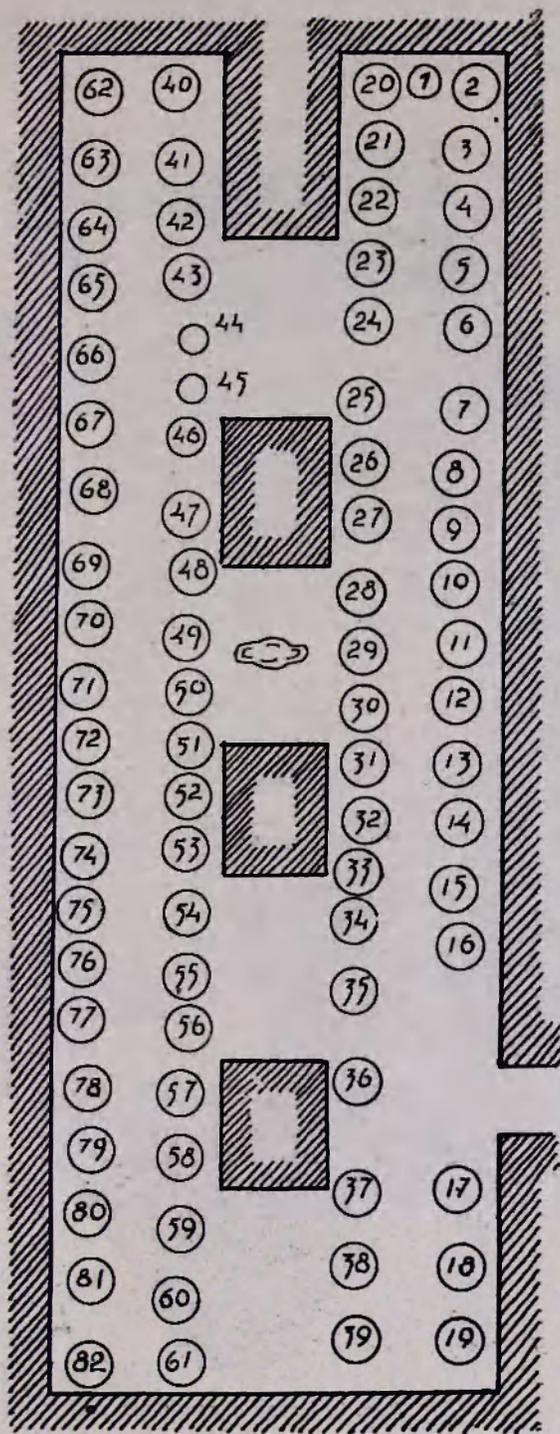

Рис. 2. Кладовая № 25 (схематичный план).

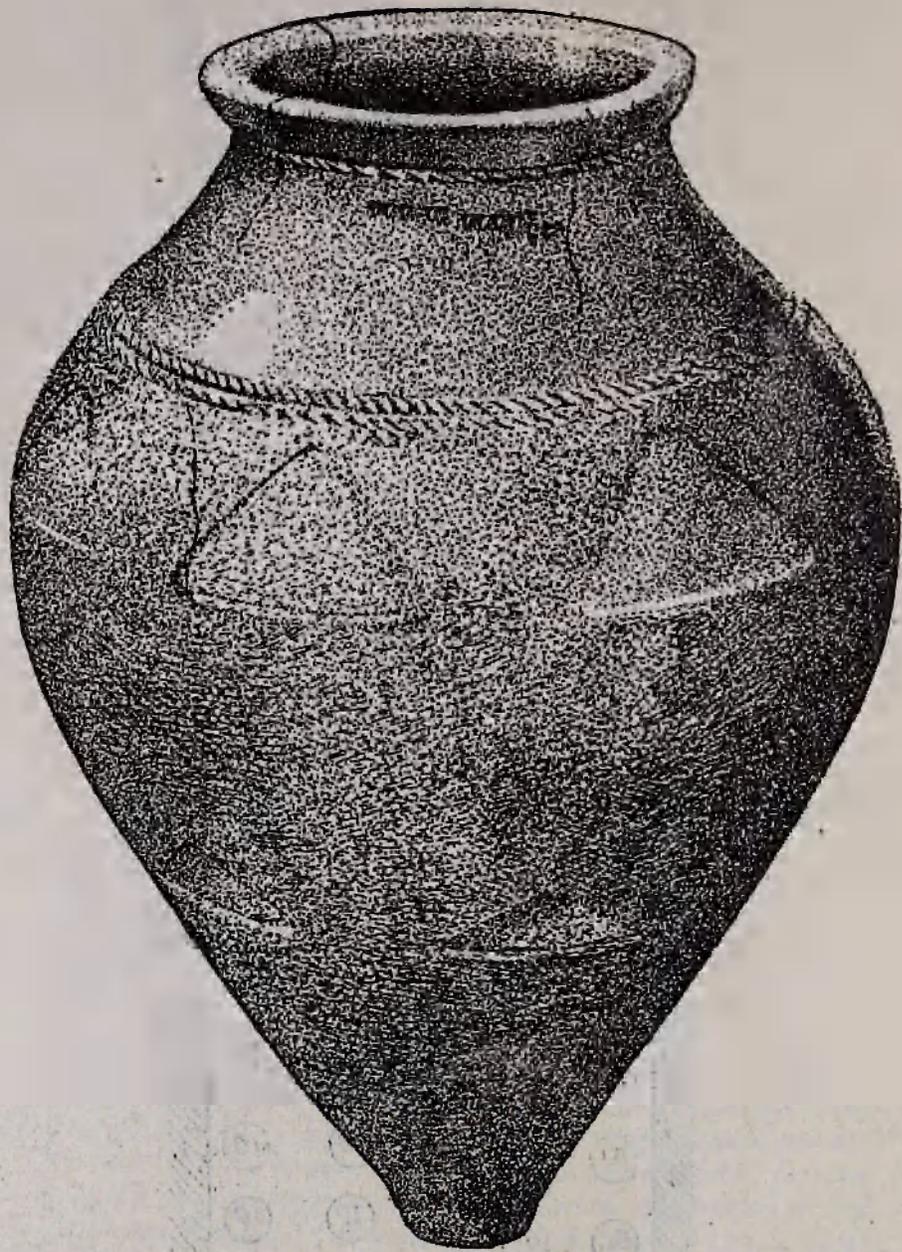

Рис. 3. Карас с клиеописью.

части выделялись хорошо выработанными формами и тщательно выполненным рельефным орнаментом, в то время, как крупные карасы южной половины имели иной внешний облик, с небрежно выработанными рельефными поясками.

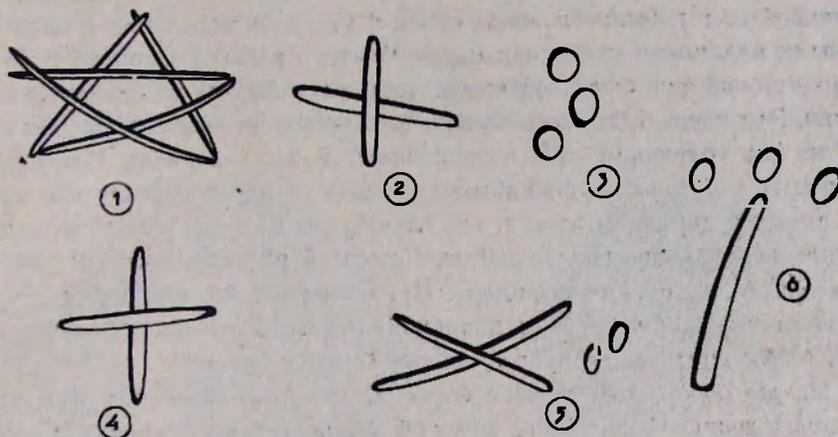

Рис. 4. Знаки на венчиках карасов из кладовой № 25 (№ 1—3) и кладовой № 26 (№ 4—6).

Все карасы имели под венчиком отметки их емкости, высеченные по обожженной глине. Девятнадцать карасов северной части восточной половины и один карас в средней части западной половины имели клинописные обозначения, в урартских мерах акарки и теруси, на остальных сосудах емкость была отмечена иероглифическим письмом, встреченным и в центре Урарту. Отсутствие отверстий на дне карасов, обычных для сосудов, предназначенных для хранения зерна, и наличие на них обозначений урартских мер емкости жидких, а не сыпучих тел, дает нам основание полагать, что эта кладовая была предназначена для хранения вина. Это предположение подтверждается также крупной глиняной воронкой, найденной на полу кладовой между карасами № 69 и 70.

В момент гибели крепости кладовая пустовала, карасы были порожними и шесть из них использованы для хранения зерна. В карасы № 48,

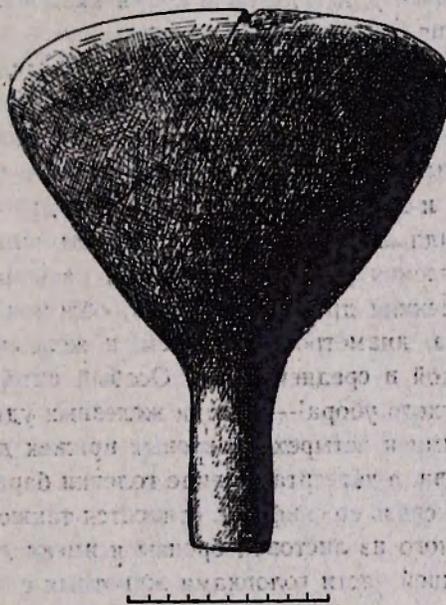

Рис. 5. Глиняная воронка.

72 и 73 была засыпана пшеница, в № 42—ячмень, в № 49—просо, а в карасе № 45 находилась мука.

В одном из карасов (№ 5), в северной части восточной половины наиболее удаленной от двери в кладовую, находившейся в южной части восточной стены, были сложены стопкой 97 бронзовых чаш с клинообразными надписями урартских царей Менуа, Аргишти, Сардура и Русы. Сверху стопка чаш была перекрыта досками, повидимому, для их маскировки. Эти чаши были, несомненно, торжественного назначения, некоторые из них сохранили свой первоначальный блеск и следы тщательной их чистки в древности, повидимому, песком, а на нескольких экземплярах имеются царапины ножом, как случайного порядка, так и преднамеренные, передающие несложный схематичный рисунок, в одном случае вроде рыбы, в другом—штандарт. Нет сомнения, что во время осады крепости порожним карасом кладовой для вина воспользовались для того, чтобы спрятать от врагов ценные бронзовые чаши.

На дне некоторых карасов были обнаружены скелетики грызунов, по определению С. К. Даля, домового мыши, серого хомячка и землеройки-белозубки. В карасе № 82, самом крайнем в западном ряду карасов, оказался костяк прирученной степной, длиннохвостой кошки. Наличие в этом же карасе костей мыши (определение С. К. Даля) указывает на то, что кошка попала в карас при погоне за мышью и, естественно, не смогла выпрыгнуть из высокого и имеющего узкое горло сосуда.

Характеру полутемной и сыроватой кладовой соответствуют также кости зеленой жабы, найденные С. К. Далем у одного из карасов. По-видимому, и в дневное время кладовая была полутемной и для ее освещения употреблялись светильники в виде чаш с вертикальной перегородкой, имеющей отверстия для фитиля. Три таких светильника были обнаружены лежащими между карасами.

В северной части западной половины кладовой, непосредственно у стены, между двумя рядами карасов была обнаружена группа бронзовых и железных вещей. Тут были два крупных железных серпа, два тесловидных орудия, изогнутые ножи, кинжал с тремя заклепками для прикрепления рукоятки, имеющий расширение в нижней части клинка, наконечники дротика и стрелы, обломок пилы. Тут же лежала железная чаша, диаметром ок. 16 см, и железный диск, с выступом, возможно, ручкой в средней части. Особый интерес представили части скифского конского убора¹—остатки железных удил, длинных псалий с тремя отверстиями и четырех бронзовых пряжек для ремней,—три в виде птичьего клюва, а четвертая в виде головки барана. К группе предметов, отмечающих связь со скифами, относятся также обломки бронзового сосуда, склепанного из листовой бронзы и имеющего литые ручки, украшенные в верхней части головками животных с поднятыми ушами².

¹ Кармир-блур, I, рис. 62.

² Там же, рис. 60.

Среди металлических предметов оказался также бронзовый колокольчик (выс. ок. 7,4 см), с железным язычком, имеющий прорез на боку и украшенный горизонтальным рифлением.

В верхней части группы предметов лежал разбитый глиняный кувшинчик, в котором вероятно хранились три пастовые и сердоликовые урартские бусы, каменные печати, костяная баночка, украшенная резьбой, и костяная печатка, подражающая по форме урартским каменным, с неразборчивым изображением на нижней плоскости (летающая птица?).

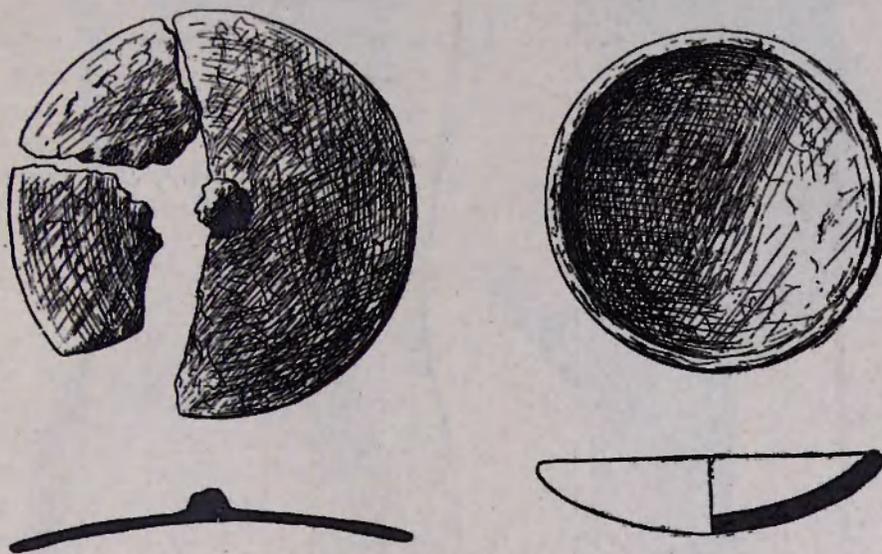

Рис. 6. Железные диск и чаша.

В каресе № 40 оказались также отдельные предметы, вероятно, упавшие из этой кучки. Там была найдена урартская дисковидная печать, отдельные, вырезанные из рога, части инкрустаций (треугольник, ромбы, диски, квадраты), куски дерева, украшенные этой инкрустацией, и костяная пряжка в виде удлиненной палочки с вырезом в средней части.

В средней части кладовой, между двумя столбами был помещен небольшой жертвенник, вылепленный из глины (дл. 1,8 м, шир. ок. 0,6 м и высота 0,23 м). Плоский жертвенник, удлиненной формы, имел три овальных углубления, одно глубокое (ок. 0,12 м) и два мелких, сливающихся вместе. Жертвенник имел следы сильного обжига и в углублениях остатки золы и пережженных костей животных. У столба, к северу от жертвенника из глиняных кирпичей был сложен ящичек для золы, а на противоположной стороне, около другого столба, имелась невысокая приступка для сидения, подобная приступке в северо-западной части кладовой, образованной за счет выступающего фундамента контрфорса.

Небольшое помещение (№ 26), примыкающее к кладовой № 25 с восточной стороны, было заполнено громадным количеством пережжен-

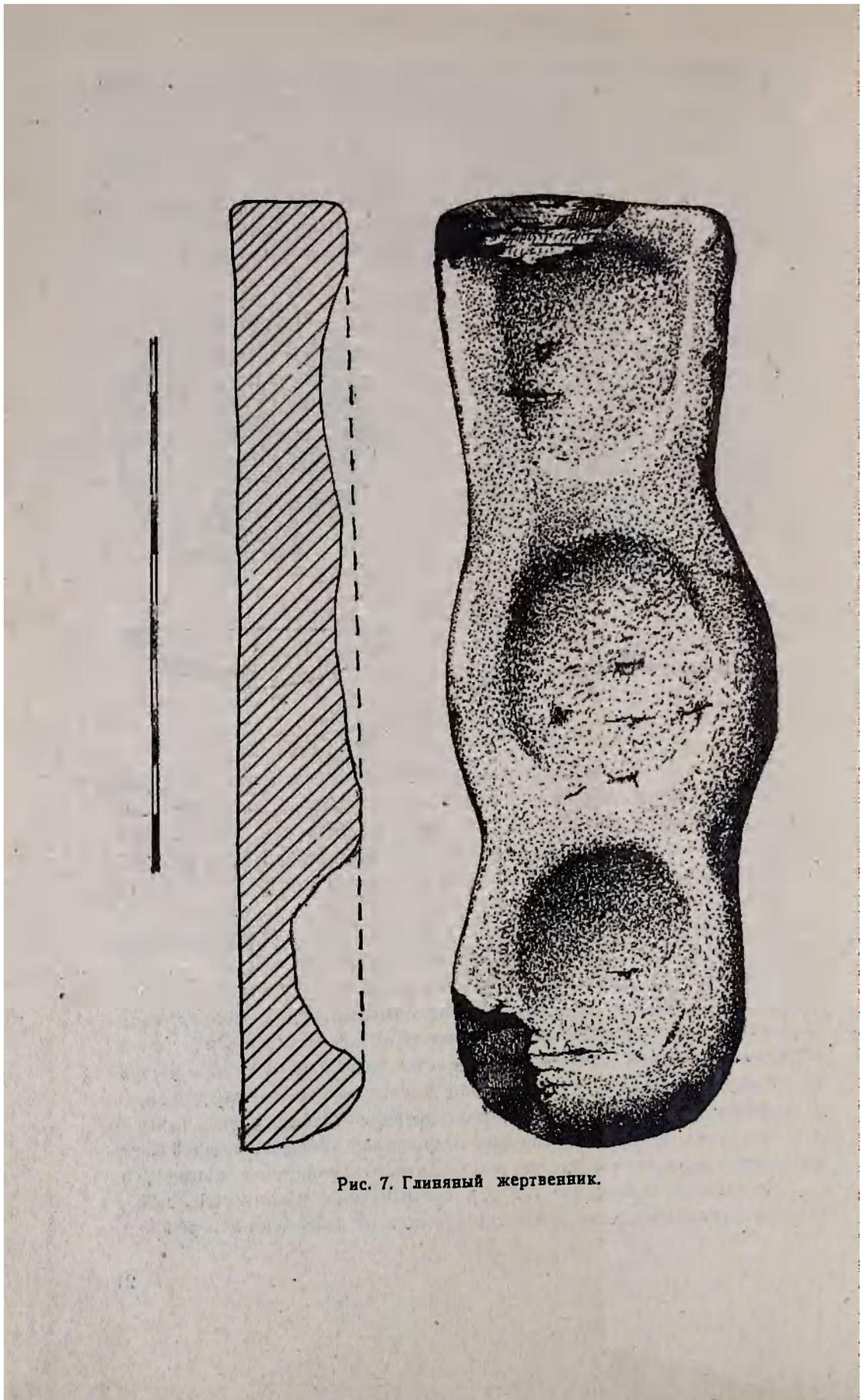

Рис. 7. Глиняный жертвенник.

ных костей крупного и мелкого рогатого скота. Обработка значительно числа этих костей, произведенная С. К. Далем, установила, с одной стороны, отсутствие костей черепов и нижних частей конечностей, а с другой стороны—наличие костей молодых особей, в возрасте нескольких дней, употребление которых в пищу было бы весьма нерациональным.

Невольно возникает предположение, что это громадное количество пережженных костей, сложенных в особое помещение, является остатками жертвоприношения, вероятно на жертвеннике кладовой № 25. С этим согласуется и отсутствие костей черепа и нижних частей конечностей, остающихся при шкуре жертвенного животного, что иллюстрируется большим этнографическим материалом. Наличие костей молодых особей также согласуется с жертвенным ритуалом, требующим иногда приношения молодых, недавно родившихся телят, козлят и барашков. Об этом говорят ассирийские и вавилонские ритуальные тексты. Наличие жертвенника в хозяйственной кладовой для вина указывает на то, что жители крепости считали необходимым оградить пищевые запасы от вредного воздействия злой силы. Около жертвенника, на котором приносились жертвы, стояла также курильница в виде чаши на высокой ножке, с вертикальными прорезами на стенах чаши.

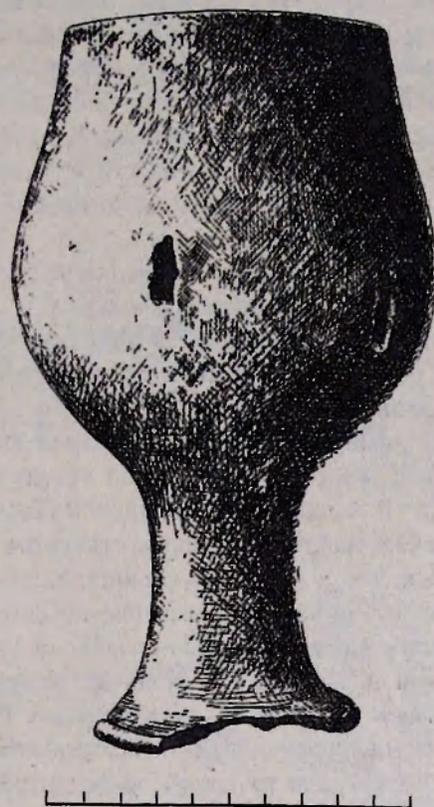

Рис. 8. Глиняная курильница.

Тут же, вероятно, на глиняной приступке, размещались и глиняные фигурки божеств. При раскопках были найдены три фигурки и еще обломки от подставок двух других фигурок. Дело в том, что, повидимому, уже во время пожара, враги проникли в кладовую. Мы не знаем, что было ими захвачено в этой кладовой, но, повидимому, около жертвенника стояла корзина с какими-то предметами, которая была целиком унесена. На полу кладовой, около жертвенника, лежала глиняная подвесная печать—булла с двумя оттисками печатей и тремя неразобранными, из-за плохой сохранности буллы, клинописными знаками. Люди, проникшие в кладовую, сорвали и бросили на пол буллу, запечатавшую корзину. Вместе с тем они произвели погром жертвенного места, разбили на мелкие куски и разбросали в разные места глиняные фигурки богов и ут-

варь, находившуюся около жертвенника. Именно поэтому глиняные статуэтки были найдены разбитыми на мелкие куски и не все их части были обнаружены.

Статуэтки богов однотипны; они представляют собою стоящие бордатые человеческие фигуры, с одной выдвинутой вперед рукой, а другой покоящейся на животе. В правой, выдвинутой руке, находилось, вероятно, копье или же ветка дерева, так как на всех обломках подставок имеются углубления, в которых закреплялся этот предмет, представлявший собою круглую в сечении палочку. Головы и спины этих божеств были покрыты рыбьей кожей, причем голова рыбы использовалась как головной убор. В древности статуэтки были раскрашены, на их спине сохранились еще следы яркоголубой краски, очень непрочной, осыпающейся как порошок.

Эти статуэтки изображали богов, хранителей здоровья, отгонявших злых духов, приносящих болезнь. Подобные глиняные фигурки были найдены во дворцах ассирийских царей; боги в одеянии рыб, связанных с богом Эа, нередко встречаются на изобразительных ассирийских памятниках, особенно магического назначения, где они находятся обычно около ложа больного. Подобная фигура божества или жреца в одеянии рыбы известна и на одной урартской каменной печати¹.

В верхнем слое кладовой № 28, в северо-западном ее углу, была также найдена глиняная статуэтка божества, но на этот раз не рыбообразного, а в виде скорпиона. К сожалению хвост отбит, но его остаток и следы от прилепа на спине не оставляют сомнения в том, что фигурка изображала божество-скорпиона, широко распространенного в вавилонской и ассирийской религии. Древнейшие изображения этого бога мы имеем на памятниках из царских гробниц в Уре; особенно часты они на поздних вавилонских и ассирийских печатях.

Фигурка из кладовой № 28 хорошо сохранила следы окраски. Лицо было окрашено белой краской, глаза красной, а борода и волосы—бурой. Головной убор имел яркоголубую окраску, аналогичную той, которая имела на спине рыбообразных существ.

На стенке столба, к северу от жертвенника, сохранились следы росписи в виде красной полосы, повидимому, от обрамления. Глиняная обмазка, покрывавшая столб, обвалилась, и при раскопках не были найдены фрагменты обмазки с росписью, которые можно было бы с уверенностью отнести именно к этому месту.

При исследовании кладовой № 25 во многих ее местах, особенно в юго-восточной части, было найдено значительное количество мелких обломков глиняной обмазки стены со следами росписей, но, очевидно, они не относились к этому помещению, а попали в кладовую при обвале верхних частей стен, может быть из соседних помещений или же из построек второго этажа. В этих росписях, на которых мы остановимся ни-

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 282.

Рис. 9. Глиняные фигурки богов (кладовая № 25).

же, имелись изображения крылатых божеств около дисков и орнаментальные мотивы, близкие к тем, которые имеются на обломках каменной облицовки стены, найденных И. А. Орбели на Топрах-кале, в Ване. Кладовая № 25 носит следы сильного пожара, возникшего во время штурма

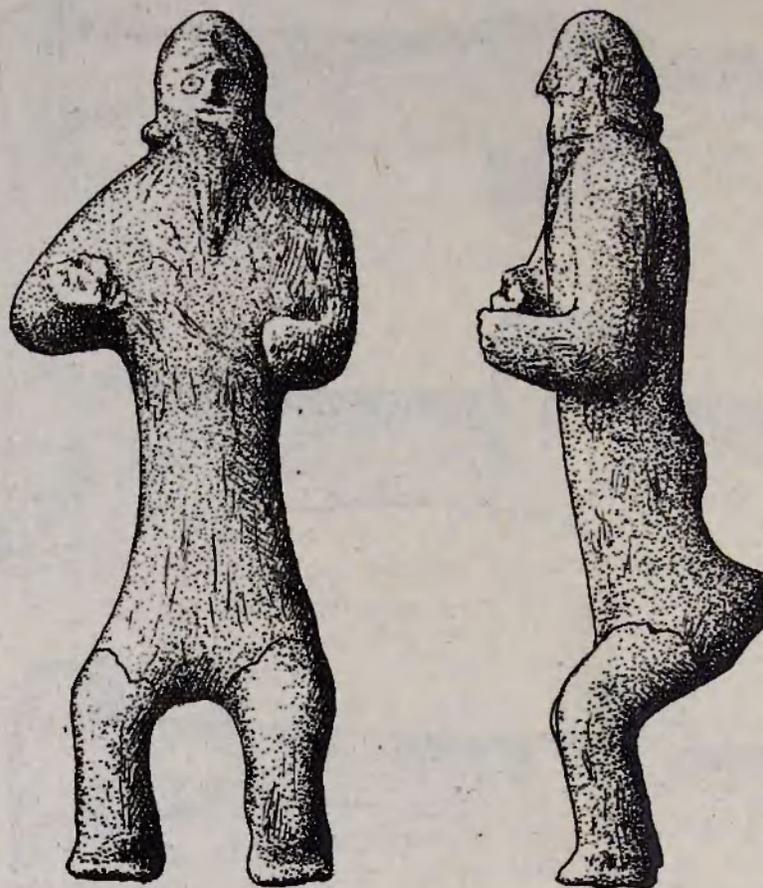

Рис. 10. Глиняная фигурка бога-скорпиона (кладовая № 28).

крепости, балки перекрытия сильно обуглены, земляной пол обожжен и покрыт слоем углей и золы от перекрытия. Обломки глиняной обкладки с остатками росписей также имеют следы воздействия огня.

В двух карасах были обнаружены бронзовые наконечники стрел, попавшие в них, вероятно, при обрушении кровли. В карасе № 68 оказался бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа, а в карасе № 37—наконечники иного типа; плоский, с очень длинным стерженьком для насадки, обломок подобного же наконечника был найден на полу кладовой около караса № 49.

Раскопки кладовой № 25, предназначенной для хранения больших запасов вина, отчетливо показывают, что она в момент гибели крепости была уже пустой, ни один из карасов не носит следов вина, кладовая, повидимому, была хорошо убранной, на что указывает и незначительное количество глиняной посуды, найденной при раскопках. Повидимому во время штурма крепости этот урартский административный центр в Закавказье находился уже в состоянии упадка.

КЛАДОВАЯ № 28

Раскопки 1950 г. открыли вторую кладовую для вина, аналогичную первой (кл. № 25), но несколько меньшую по размерам (дл. 27 м, шир.

10,3 м). Кладовая находилась между помещением № 25 и помещением № 3, с каменным чаном для вымачивания кунжутных зерен, но ее ось была перпендикулярна осям помещений № 2 и 25, так как имела направление юго-запад—северо-восток.

Широкое помещение имело в средней своей части, по оси, два контрфорса, отходящих от узких стен, и центральный столб, служившие для поддержки кровли и делящие кладовую на две равные части—южную и северную. Стены кладовой, сложенные из сырцового кирпича на каменном цоколе, сохранились на полную их высоту (27 рядов кирпичей). На контрфорсах и центральном столбе сохранились остатки бревен, лежавших продольно, на которых держались балки поперечного перекрытия. Конец одной из поперечных балок сохранился *in situ* в верхней части северной стены, а верхний край южной стены со слоем галечника хорошо обрисовывается под слоем обвалившейся стены помещения, примыкавшего к кладовой с юга. Стены этого, исследованного в 1951 г. помещения были значительно выше перекрытия кладовой № 28 и имели, вероятно, одинаковый уровень со стенами помещений № 3 и 25. Таким образом, крыша кладовой № 28 представляла площадку, ограниченную с трех сторон стенами и открытую с северной стороны.

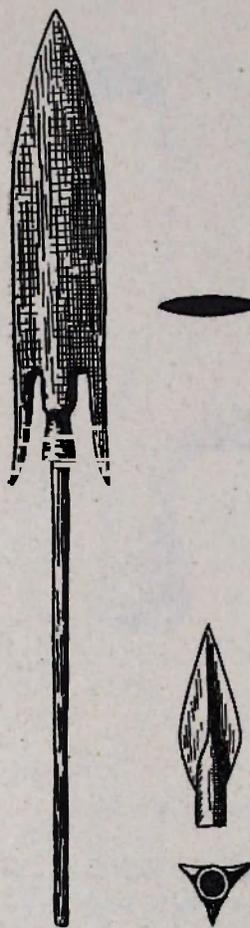

Рис. 11. Бронзовые наконечники стрел.

Верхняя линия стены помещения, примыкавшего к кладовой № 28 с юга, была украшена тремя декоративными башенками, сложенными из трех рядов хорошо обтесанных блоков базальта. Эти башенки при

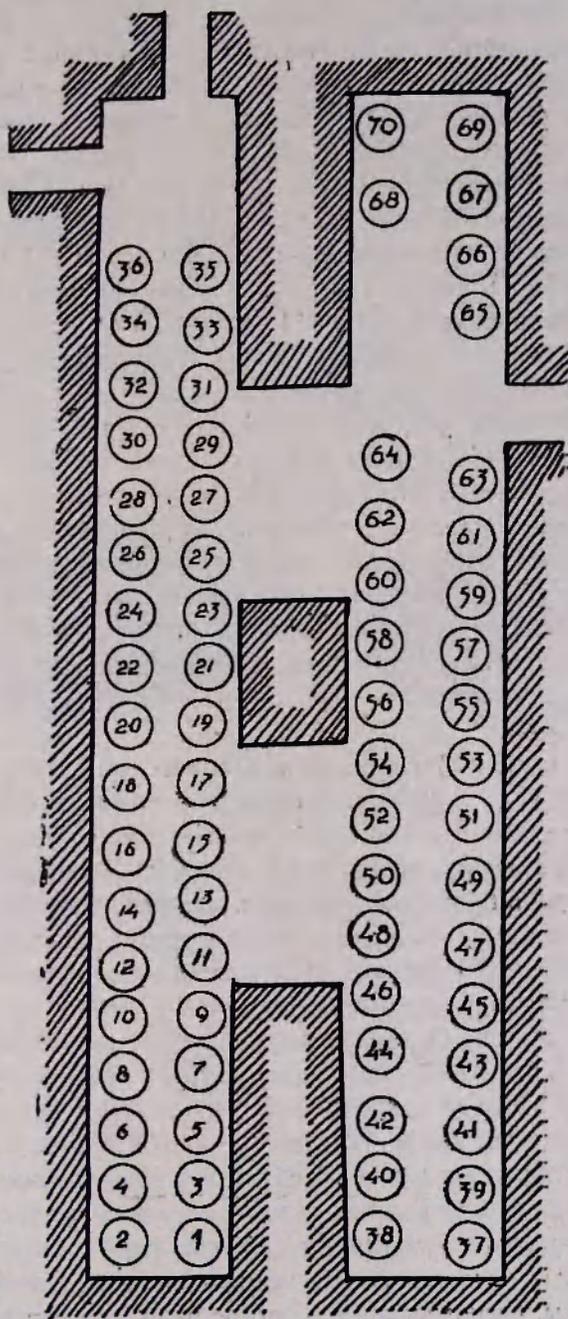

Рис. 1. Кладовая № 28 (схематичный план).

обрушении стен провалились в южную часть кладовой № 28, и были обнаружены при раскопках упавшими на бок, но сохранившимися несмотря на то, что они были сложены сухой кладкой, расположение камней. Две такие же башенки находились, повидимому, и на контрфорсах непосредственно над перекрытием. Они обрушивались с меньшей высоты, и башенка западного контрфорса, несмотря на падение, сохранилась полностью. От удара при падении с высоты, а также от пожара базальтовые блоки, из которых она была сложена, раскололись. Без особого труда башенка была извлечена по отдельным венцам кладки и вновь сложена в восстановленном виде. Она состояла из трех рядов блоков, причем высота каждого из них равнялась одному локтю (51,8 см), так что вся башенка имела в высоту 155,4 см. В плане она имела форму прямоугольника, со сторонами в 260 и 210 см, причем ее углы имели выступы соответственно общему стилю архитектуры исследуемого здания. Башенка была сложена насухо без применения какого-либо вяжущего материала, но тщательная обработка камней создавала большую силу сцепления, которая сохранила даже всю эту небольшую постройку от разрушения при падении с высоты стены. Внутренняя часть башенки была забутована камнем. Тщательная обработка базальтовых блоков, сохранивших следы обработки бучардой, свидетельствует о высоком мастерстве обработки камня. Нет сомнения в том, что исключительно точная обработка базальтовых блоков могла быть достигнута только при применении железных, имевших закалку, орудий. Таким образом, раскопки кладовой № 28 дали нам возможность судить и о внешнем виде отдельной части цитадели.

Кладовая № 28 имела три двери. Одна из них, расположенная в северной части, вела в узкое и длинное помещение, в котором было обнаружено несколько высоких, удлиненной формы сосудов, употреблявшихся как для хранения зерна, так и для приготовления пива¹, а также группа железных и бронзовых изделий и пиленные куски рога. Две другие двери находились в юго-западном углу кладовой; одна из них вела в помещение № 27, отделявшее эту винную кладовую от первой (кл. № 25), а вторая в помещение, примыкающее с юга. Интересно, что дверные проемы первоначально были широкими, а затем уменьшены дополнительной кладкой. В восточной стене южной части кладовой имелся слуховой канал, который выходил в помещение № 3 над желобом каменного чана².

Стены кладовой, как и большинство помещений этой части цитадели были покрыты слоем глиняной обмазки с прочерченными контурами кирпичной кладки, являвшимися примитивным видом украшения стен, но в общих чертах соответствующими действительной кладке стен.

Пол, как и в кладовой № 25, был земляным, в него были вкопаны крупные карасы, расположенные в четыре ряда. Все карасы имели обозначения емкости, выполненные иероглифическими знаками. Обозначения

¹ Кармир-блур. I, стр. 28, рис. 10.

² Там же, стр. 47.

эти были врезаны глубоко, причем на карасах южной части они были значительно крупнее, чем в северной. Карасы двух частей кладовой отличались также и знаками, нанесенными до их обжига на венцах. Так, на карасах южной половины встречены исключительно знаки в виде крестов, поставленных вертикально, тогда как в северной половине имелись знаки двух типов—косой крест с двумя лунками справа и вертикальный знак с тремя лунками, помещенными над ним. Эти знаки не совпадали и с теми, которые были обнаружены на карасах кладовой № 25. Там кроме вертикального креста встречены еще знаки в виде пятилучевой звезды и группы из трех круглых лунок. Следует отметить, что сосуды, имеющие одинаковые знаки, как правило, располагались рядом. Всего в кладовой № 28 было 70 карасов: в южной части два ряда по 18 штук, а в северной части один ряд состоял из 16-ти, а другой, у внешней стены, из 18-ти карасов. Сохранность карасов северной части кладовой была значительно лучшей, чем сохранность сосудов южной части, сильно пострадавших при обрушении стен и базальтовых башенок.

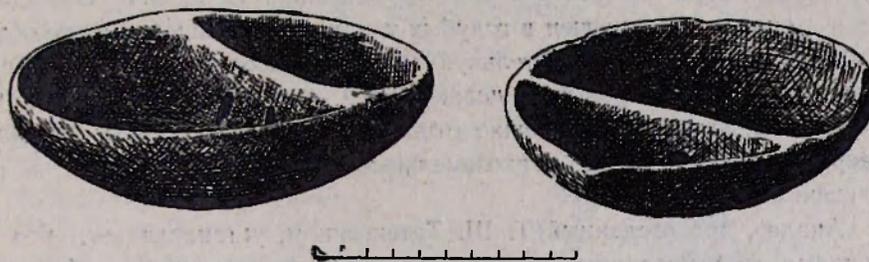

Рис. 13. Глиняные светильники.

Материалы раскопок позволяют с полной достоверностью дать реконструкцию внутреннего вида кладовой. Мы имеем и полную высоту стен и остатки перекрытия, глиняную обмазку стен с прочерченными по ней швами кирпичной кладки; все карасы были на своем месте.

На полу кладовой, в разных ее частях, обнаружено много предметов, отдельных или же расположенных группами.

Большое число глиняных сосудов оказалось в северо-западной части кладовой, там, где карасы были расположены значительно реже. У самого угла контрфорса стоял, сохраняя вертикальное положение, высокий сосуд продолговатой формы, наполненный зерном (ячмень). Рядом, в обломках, находилось много глиняных сосудов красного цвета—чашки, небольшие кувшинчики без ручек, грубые сосуды—горшки. Среди обломков сосудов лежало много обломков совершенно разрушенных железных предметов.

В западном углу кладовой, около северной стены, также находилось много обломков глиняных сосудов, среди которых хорошо сохранились два глиняных светильника, формы, известной и по раскопкам на

Топрах-кале, в Ване. Светильники представляют собою круглые чаши с несколько уплощенным дном и с поперечной стенкой, делящей чашу на две неравные части: одну меньшую для горящего фитиля и другую для масла. Эта поперечная стенка имеет отверстия, через которые протягивался фитиль. Первый светильник с небольшим, слабо выраженным носиком, имел одно такое отверстие, а второй—два. Подобные светильники были найдены и в кладовой № 25, в условиях полутемных помещений они, естественно, являлись необходимой их принадлежностью.

У северной стенки около караса № 66 стоял глиняный сосуд, высотой около 70 см. Он оказался наполненным комками глины, формованными от руки, имевшими синеватый цвет. Таких комков было около 250 штук. Все они имели продолговатую форму (дл. 7—8 см) с одной утолщенной, а другой выпуклой стороной. Среди этих комков обнаружен также кусок пемзы, служивший терочником. Проф. Т. Ш. Татевосян произвел анализ одного комка и дал следующее заключение: (исследованный образец) «состоит из глинистого вещества, мелких совершенно неокатанных зерен кварцита и одного, редкого для Армении, минерала... Под микроскопом минерал обнаруживает коротко-призматический габитус, совершенную спайность и прямое погасание; удлинение совпадает с N_p , сильно плеохроичен в голубых тонах... В сходящемся свете обнаруживает одноосную отрицательную интерференционную фигуру. Сила двупреломления $N_g - N_p$ в пределах 0,020 — 0,022. Минерал это по предварительным данным можно отнести к бацциту. Баццит—силикат, содержащий Sc и другие редкоземельные элементы, а также Fe и небольшое количество Na».

Анализ, произведенный Т. Ш. Татевосяном, указывает, что в глиняных, формованных от руки комках был замешан дробленный, очень твердый минерал. Учитывая данные анализа и форму этих загадочных глиняных предметов, можно высказать предположение об абразивном их назначении. Возможно эти комки являлись терками, употреблявшимися при шлифовке дерева или камня. Во всяком случае физические свойства их таковы, что ими без труда можно отточить металлический нож. Присутствие в сосуде обломка пемзы подтверждает предположение, что комки представляли собою терочки.

Около сосуда находились совершенно разрушенные части крупных железных предметов.

У караса № 65, около двери, ведущей в помещение № 4, оказался глиняный сосуд без дна, впущенный в пол. Возможно, он являлся очагом наподобие армянского тондыра, но следов золы в нем обнаружено не было. Остатки плоской жаровни прямоугольной формы с вертикальным бортом, постоянно встречавшейся при раскопках временных жилищ во дворе цитадели, были найдены у противоположной стены рядом с сосудом, наполненным ячменем.

У северной стены кладовой, между карасами № 55 и 57 оказались сложенными кучей глиняные грузила (высотой ок. 9 см), пирамидаль-

ной, со срезанным верхом, формы. Общее их число было 30 (два грузила найдены вне этой группы). Форма грузил позволяет считать их грузилами ткацкого станка, но их массивность заставляет скорее полагать,

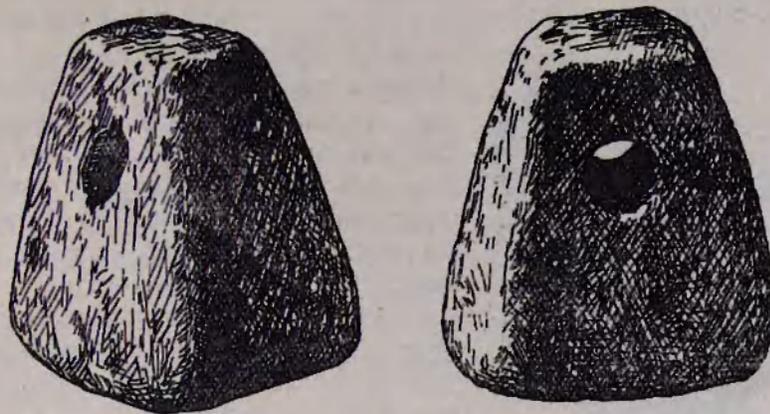

Рис. 14 Глиняные грузила.

что они принадлежали станку, предназначенному для пряжи не ткани, а грубых цыновок. Под грузилами была обнаружена небольшая головка козла (дл. 5,5 см), вырезанная из кости и служившая, вероятно, ручкой какого-то предмета.

В северо-восточном углу кладовой среди карасов также было обнаружено много отдельных глиняных сосудов и железных предметов. У караса №43 была найдена бедренная кость крупного рогатого животного, повидимому, остатки куска мяса, грубый горшок с семячковым орнаментом и два кувшина красного цвета с ручками, на которых имеются круглые углубления, в одном случае четыре, а в другом — три. Подобный же сосуд с тремя углублениями на ручке был найден и в восточном проеме, между северной и южной частями кладовой. Такие отметки на ручках кувшинов красного цвета встречались при раскопках и других помещений цитадели. Оказалось, что два сосуда с обозначением на ручке трех точек по своей емкости не совпадали. Это обстоятельство заставляет нас заключить, что на сосудах отмечалась не их емкость, как на карасах, а объем влитой в них жидкости.

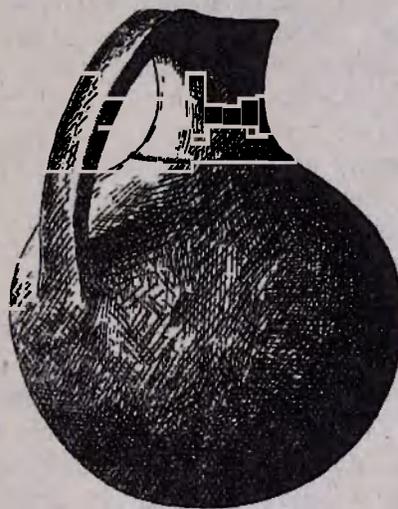

Рис. 15. Глиняный кувшин.

Между карасами № 8 и 10 лежала глиняная курильница в виде чаши на высокой ножке с вертикальными прорезами на стенке, подобная той, которая была обнаружена около жертвенника в кладовой № 25. Неподалеку лежала и другая курильница в виде баночки цилиндрической формы, с круглыми отверстиями в верхней ее части, также аналогичная

Рис. 16. Глиняный кувшин.

второй курильнице из кладовой № 25. Около восточного контрфорса был найден крупный железный наконечник копья и бронзовый браслет-обруч со своеобразным закреплением конца, имеющего выступ наподобие головки змеи, входящего в застежку второго конца браслета.

Большая группа предметов находилась в восточном проеме кладовой. Там обнаружено большое число глиняных сосудов разной формы и сильно разрушенные железные и бронзовые предметы, в частности, сосуд из тонкого листа бронзы. Среди глиняных сосудов обращают на себя внимание глиняный кувшин с ручкой красного цвета с лощеной поверхностью и высокий сосуд удлиненной формы, имеющие одинаковое клеймо, известное нам уже по четырем сосудам, найденным на Кармир-блуре. Клеймо это овальной формы, с тремя иероглифическими знаками¹. Весьма интересен тот факт, что одно и то же клеймо ставилось как на кувшинах высокого качества, с блестящей лощеной поверхностью, так и на сосудах, предназначенных для хранения зерна.

Кроме этого сосуда для хранения зерна с клеймом в верхней части тулова, тут же был обнаружен и второй сосуд, также высокий, удлиненной формы, с отверстием в дне. В верхней его части имелись знаки в виде деревьев, наведенные лощением до обжига, и группа иероглифов, выполненная уже после обжига. Последняя состоит из изображения сосуда с коническим дном и венчиком в виде раструба. Слева от иероглифов размещены семь углублений, т. е. цифровое обозначение. Подобные иероглифические обозначения мер емкости, отличные от тех, которые

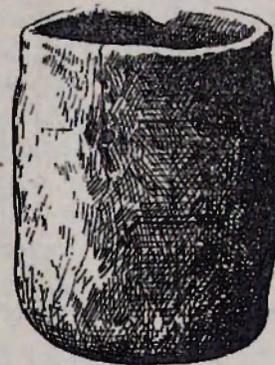

Рис. 17. Глиняная курильница.

¹ См. Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 181, рис. 44, клеймо слева.

помещены на карасах, были встречены и при раскопках на Топрах-кале, в центре Урарту. Судя по характеру сосуда, на котором помещена эта иероглифическая группа, можно заключить, что она передавала меры емкости не жидких, а сыпучих тел, возможно, дробные части урартской меры «капи».

В кладовой № 28 были найдены исключительно интересные бронзовые предметы с клинообразными надписями, точно их датирующими. Карас № 46 был прикрыт крупным (диам. около 1 м) щитом декоративного назначения, совершенно подобным тому, который был обнаружен в 1940 г. в помещении № 5¹. Щит был совершенно разрушен обвалившейся кровлей, его борта сильно придавлены к венчику караса, а средняя часть с тремя ручками, одной массивной, центральной, и двумя меньшими, боковыми, провалилась внутрь караса. На борту щита оказалась двустрочная клинообразная надпись царя Аргишти, сына Менуа, указывающая на то, что этот щит, принесенный в дар богу Халди, принадлежал городу Ирпуни.

У южной части караса № 50 лежал второй бронзовый щит, меньший по размерам (диам. 70 см), который, вероятно, так же как и первый щит, прикрывал карас, но при обвале кровли был с него сброшен. Щит этот имел выпуклую среднюю часть, но не коническую, как крупные щиты Аргишти, и борт по краю, шириной в 11 см. На борту была вырезана однострочная клинообразная надпись царя Русы, сына Сардури. Этот щит имел две железные ручки (дл. в 20 см), приклепанные бронзовыми гвоздями ко внутренней части, железный обруч, закрепленный в загибе внешнего края борта. Щит в своей средней части имел две пробойны, нанесенные с наружной стороны.

Так же как и щит Аргишти, щит Русы был раздавлен на мелкие куски обвалившейся кровлей, кроме того, на плохую его сохранность повлияло также наличие железных частей.

В центре западного проема, непосредственно на полу лежал бронзовый колчан, украшенный полосами с узором в виде зигзага, аналогичными орнаментальным полосам на колчане и шлеме Сардури². В верхней части колчана, непосредственно под бортом, имеется клинообразная надпись, отмечающая, что этот щит является посвятельным даром царя Аргишти, сына Менуа.

Подобный колчан, но без клинописи, был найден в 1945 г. при раскопках жилища у северо-западных ворот цитадели³. Большинство карасов кладовой было порожним, но некоторые из них были использованы год зерно или же для хранения различных предметов. Так, в карасах № 26 и 58 была обнаружена пшеница, причем в последнем из карасов лежал также крупный сосуд удлиненной формы, предназначенный для хранения зерна. Повидимому, сосуд, которым засыпалось зерно, был

¹ Кармир-блур. I, стр. 62, рис. 39.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 24.

также намеренно спрятан в карасе. В других карасах с зерном встречались остатки плетеных корзин. На дне караса № 62 имелось небольшое количество мелкой пшеницы, а в карасе № 59—пшеничная мука крупного помола, размолотая вероятно на ручных зернотерках.

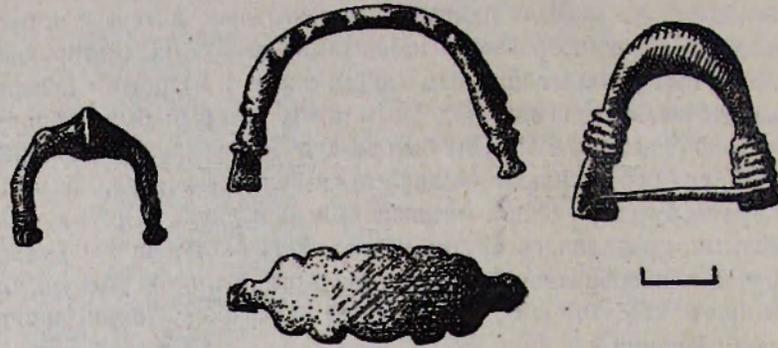

Рис. 18. Бронзовые фибулы.

Карас № 63 содержал ячмень, а карас № 56 кунжут. Небольшое количество зерен конских бобов находилось в карасе № 15, где были найдены пять урартских печатей, остатки баночки из резной кости, деревянные и костяные рукоятки, деревянная пуговица или пряслице, украшенное кружками, бронзовая фибула, бронзовая булавка, железный ножичек и большое количество сердоликовых и пастовых бус.

В карасе № 60 были сложены распиленные куски оленьих рогов, по-видимому,—заготовки для изготовления роговых изделий. Подобные заготовки встречались во многих помещениях цитадели.

Группа карасов северной части кладовой была использована под хранение металлических предметов. Так, в карасе № 46, прикрытом щитом с надписью Аргишти, сына Менуа, обнаружено большое количество железных предметов очень плохой сохранности. Тут были обломки наконечников копий, не менее четырех экземпляров, обломки железных втульчатых топоров или молотов, крупных серпов и стержней. Среди лучше сохранившихся предметов были характерные кривые ножи с деревянной или костяной накладкой на рукоятке, тесла двух видов, одно с прямоугольным, другое с клинчатым лезвием, браслеты. Вместе с железными предметами в карас были положены также бронзовые изделия, целые и в обломках.

Из этих изделий большой интерес представляет пояс из бронзовой пластины, типа, характерного для урартского периода¹. Пояс украшен пятью полосами, заполненными точечным узором. На конце пояса в обрамлении помещено сильно стилизованное священное дерево, аналогичное изображению на поясе из Ани-Пемза². Таким образом, это распав-

¹ Кармир-блур, I, стр. 42, рис. 24.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 313, рис. 46.

шея уже в процессе стилизации изображение священного дерева связывает с одной стороны этот пояс закавказского типа с хорошо известной группой урартских поясов, а с другой стороны—с той группой памятников скифского искусства, которые имеют элементы древневосточного характера¹.

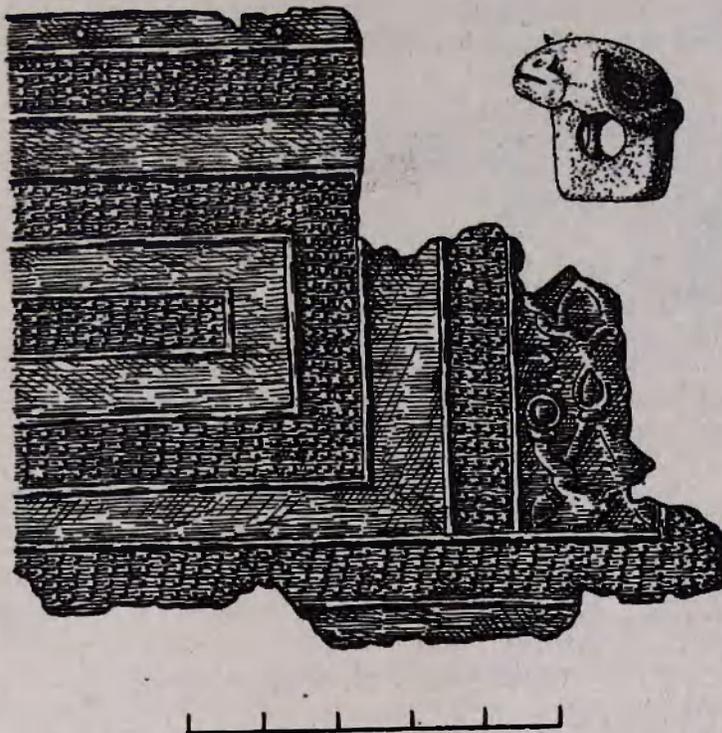

Рис. 19. Пояс из листовой бронзы и головка барана из рога.

Раскопки 1950 г. на Кармир-блуре дополнили материал, отмечающий связи скифов с Тейшебаини. В помещении № 27 были найдены две пряжки для ремней от конских уборов, имеющие форму головок баранов, одна бронзовая, а другая роговая. Подобные пряжки встречаются на широкой территории, но ближайšie аналогии к роговой головке дают материалы из Келермесских курганов, на Кубани.

Кроме обломков пластинчатого пояса в каресе оказались также небольшие обломки колчана великолепной работы, украшенного изображениями животных. Сохранились остатки двух рядов—верхнего, в котором помещены львы, и нижнего, с быками. Фигуры разделены орнаментальным поясом, состоящим из бутонов. Изображения львов и быков по своему стилю весьма характерны; они полностью совпадают с теми изображениями, которые помещены на обломках бронзовых декоративных

¹ Кармир-блур, I, стр. 89, рис. 57.

щитов, найденных на Топрах-кале¹. Этот обломок колчана еще более связывает памятники искусства, найденные на Кармир-блуре, с урартскими памятниками, происходящими из центральной части Урарту.

Среди предметов в собрании Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа, потерявших свою паспортизацию, мною был обнаружен обломок колчана, несомненно урартского происхождения с характерным орнаментом в виде полосы с зигзагом и фигурой урартского воина, ана-

Рис. 20. Обломки бронзового колчана.

логичной тем, которые имеются на колчанах и шлеме Сардури. В этом случае изображен пеший воин с поднятой рукой. По всей вероятности, этот обломок бронзового колчана поступил в Эрмитаж в 1885 г.² вместе с другими предметами, в частности, бронзовыми фигурами крылатого льва с человеческим торсом и крылатого барана, найденными в 1884 г. на холме Топрах-кале, в Ване.

Бронзовые предметы были положены также и в карас № 48. Из него была извлечена половина большого котла (выс. ок. 60 см) из бронзового листа, с приклепанным дном, имеющего в верхней части отогнутый борт. Вторая половина этого котла в совершенно разрушенном состоянии была обнаружена в карасе № 54. Очевидно, целый котел не мог быть положен в карас через узкое горло, и поэтому пришлось бронзовый котел, представлявший ценность как металлический лом, разломать на две части.

На дне караса № 48, под бронзовым котлом, лежал бронзовый шлем прекрасной сохранности, несколько сплюснутый. Шлем этот по своей форме и изображениям совпадал со шлемом Сардури, найденным в

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 137, рис. 13.

² Архив Эрмитажа, дело № 20, 1885.

1947 г. в кладовой № 10, но клинообразная надпись на нижнем крае его указывала, что этот шлем является посвященным даром богу Халди урартского царя Аргишти, сына Менуа.

Как и шлем Сардури, шлем Аргишти украшен тонкими чеканными изображениями священных деревьев, по сторонам которых стоят боже-ства в головных уборах с рогами, одни безбородые, другие бородатые и с крыльями, а также изображения урартских боевых колесниц и всадников.

Бронзовые предметы оказались также и в карасе № 55. Там были обнаружены шесть вложенных друг в друга бронзовых, конической формы, умбонов от плетеных щитов. Три подобных умбона были найдены в 1945 г. в жилище, расположенном во дворе, у северо-западной угловой башни цитадели¹. На умбонах были вырезаны изображения голов быков, а на одном—птицы. Кроме того, на пяти из них были помещены короткие клинообразные надписи с именами Аргишти, сына Менуа, и Сардури, сына Аргишти. Один из умбонов, с изображением головы быка; надписи не имел. находка этих умбонов подтвердила наличие подлинных надписей, а не имитации клинописи на умбонах, найденных в 1946 г., а также позволила распознать на них изображения, сильно поврежденные вследствие плохой сохранности головок бычков.

Вместе с умбонами в карас № 55 были положены различные мелкие бронзовые вещи, в частности, дисковидные пуговицы, с петлей на оборотной стороне.

Раскопки кладовой № 28 дали нам яркую картину ее обстановки. Многие из обнаруженных на полу предметов оказались в ненарушенном состоянии, а сохранность стен и расположение разбитых сосудов позволяли без труда дать реконструкции внутреннего вида кладовой.

Комната № 27, соединяющая обе кладовые для вина, была раскопана также в 1950 г. и в ней обнаружено много предметов, в частности, значительное количество бронзовых чаш, к сожалению, очень плохой сохранности, среди которых имелись обломки фиал ассирийского типа, с крупными ложчатыми выступами. Там же оказалось большое количество украшений—каменных и пастовых бус, подвесок, фибул и браслетов, в частности имелись браслеты с головками змей на концах.

У двери в кладовую № 25, на полу, обнаружены сильно разрушенные окисью бронзовые обивки, на одной из которых различима фигура быка, с парящим над ним крылатым солнечным диском.

Кроме дверей в кладовые для вина, помещение № 27 имело еще небольшую дверь в южной стене, ведущую в небольшую по площади, но высокую кладовую (№ 29), в которой хранились керамические изделия. Раскопки 1951 г. открыли в кладовой целый склад красных лощеных кувшинов для вина, аналогичных тем, которые были найдены в винных кладовых. Вся восточная половина кладовой № 29 была занята кувшинами, сложенными на боку в пять рядов. Таких кувшинов оказалось

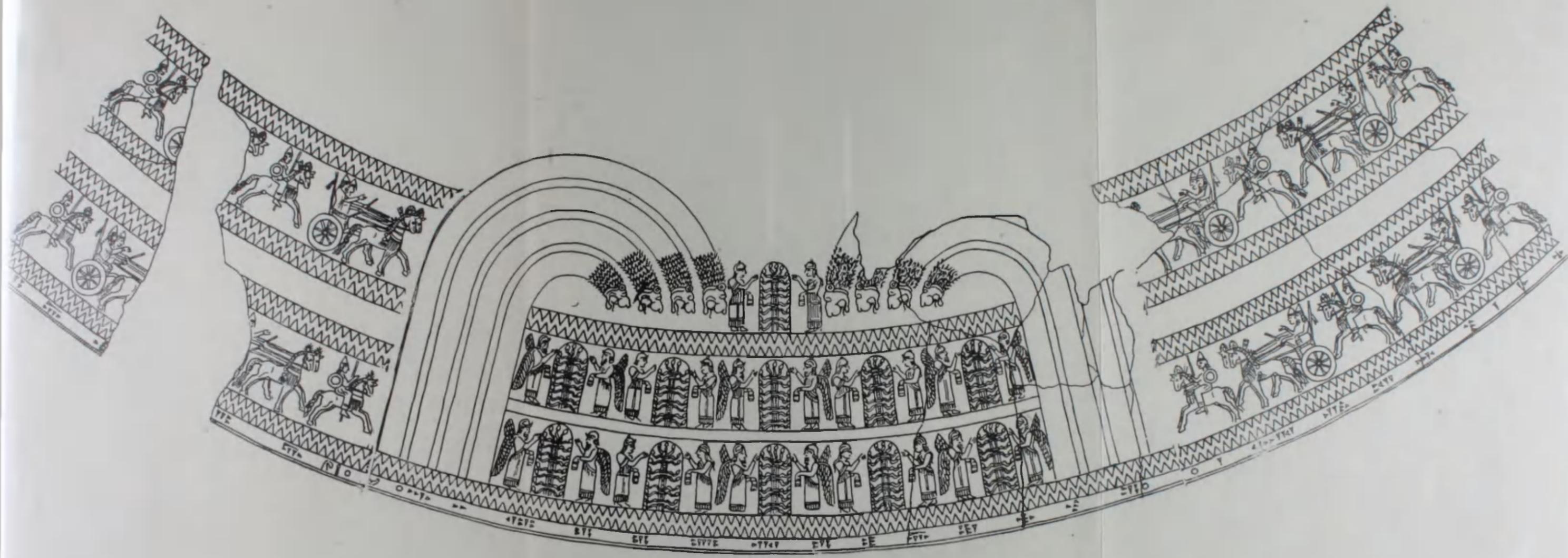
¹ Кармир-блур, I, стр. 24.

1036, причем более сотни кувшинов было извлечено совершенно целыми. Кроме кувшинов там находилось 40 светильников, 55 плоских мисок и 16 сосудов других типов.

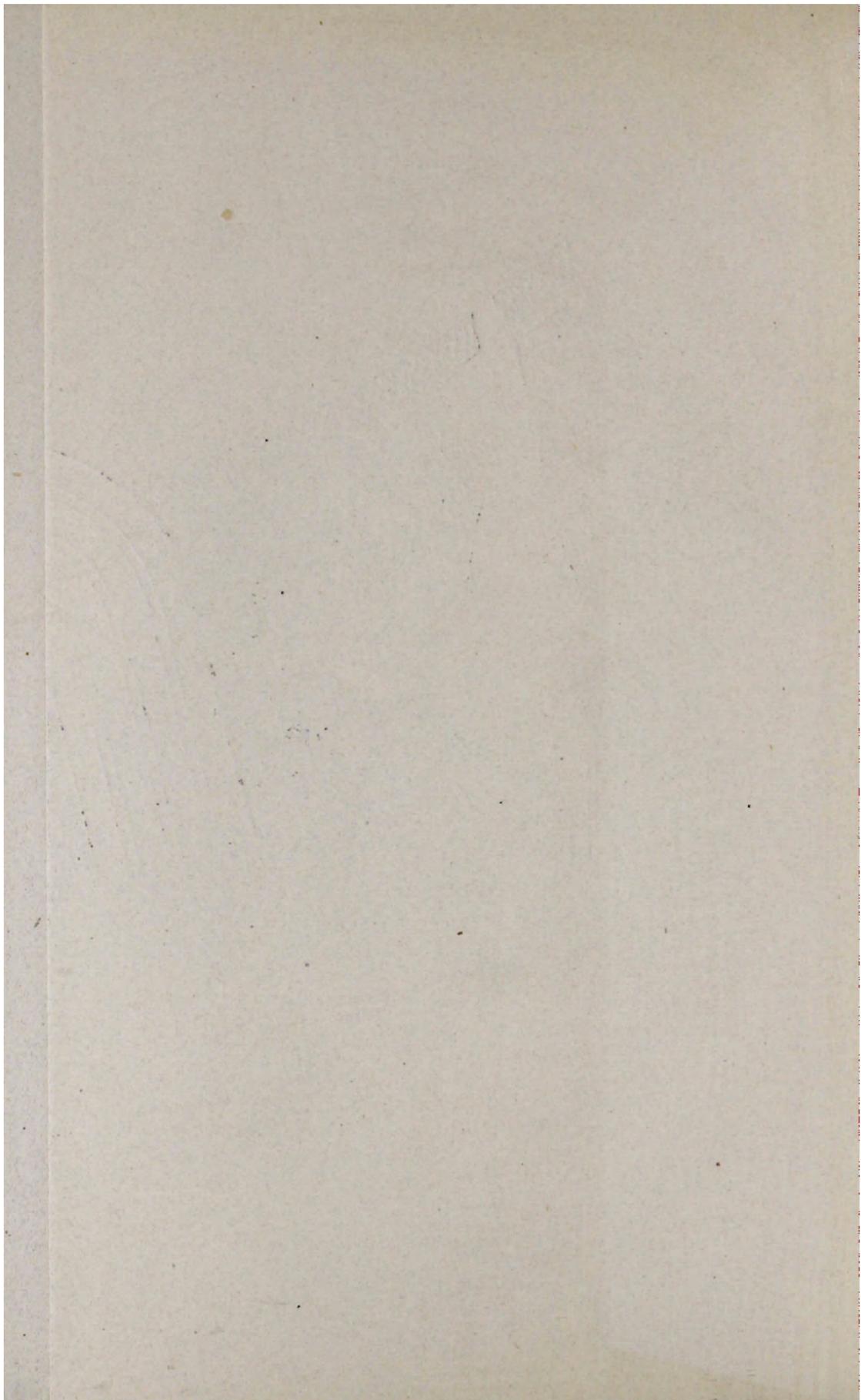
Такое громадное число кувшинов для вина соответствовало тому количеству вина, которое хранили карасы обеих кладовых.

Раскопки кладовых для вина свидетельствуют о высоком уровне урартского земледелия. Раскопки на Кармир-блуре дают нам большое разнообразие сортов винограда. Обнаружены косточки винограда не только сортов Воскеат (Харджи), но и Мсхали, Арарати (Хачабаш), а также некоторых сортов черного винограда (определение С. А. Погосяна). А при расчистке кладовой № 33 около карасов, не вкопанных в пол, а установленных в беспорядке в одной ее части, оказались куски серы, что указывает на окуривание карасов серой еще во времена урартов.

Таким образом, наши раскопки дают интересный материал не только для изучения урартской культуры, но и для ряда разделов истории техники.

Шлем Аргишти (изображения в развернутом виде)

ОБЛОМКИ СТЕННЫХ РОСПИСЕЙ

В помещении № 25, в средней его части, обнаружено большое количество обломков глиняной обмазки стен с остатками росписей. Эти обломки не лежали непосредственно на полу помещения, а находились, в очень нарушенном состоянии, на разных уровнях, создавая впечатление, что роспись помещалась в верхней, обрушившейся позже, части стены или же в помещениях второго этажа.

На стенах помещения № 25 следов росписей не сохранилось. Только в центральном проеме около жертвенника на северной стенке столба, на высоте ок. 1,20 см сохранилась полоса, выведенная красной краской, представлявшая, по видимому, часть обрамления, но по своему характеру эта роспись отличалась от той, которая имелась на обломках глиняной обмазки.

Очень небольшие обломки росписей содержат орнаментальные мотивы (круги, с вписанными в них крестами, перекрещенные полосы, связанные кругами с розетками в центрах), части фигур крылатых божеств (лицо, части крыльев и платья, украшенного квадратами, с вписанными в них розетками) и обломки диска с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки¹. Сильный пожар изменил цвет росписей, но исследования, произведенные В. Н. Кононовым, позволяют дать реконструкцию красок. Роспись выполнялась на белом фоне, представлявшем собою огнестойкую белую глину (каолин), нанесенную толстым слоем. Для прочерчивания контуров росписи применялась черная краска (сажа), также неизменяющаяся при высокой температуре. Из природных минеральных красок для росписей использовались две красные краски: одна—ярко красная, богатая железом красная охра, потерявшая при высокой температуре пожара свою яркость и приобретшая красно-коричневый тон, и другая—красная краска, более светлая, чем первая, желтая охра, перешедшая под влиянием высокой температуры в тусклую красную краску.

Особый интерес представило исследование темной краски, сохранившейся в виде сморщенного, растрескавшегося слоя. Это была ярко-синяя фритовая лазурь (смальта), окрашенная соединениями меди, широко применявшаяся на древнем Востоке, в Египте и в Ассирии. Сама краска (толченая смальта) в исследованных образцах сохранилась, но

¹ Кармир-блур, I, табл. 16.

она сильно замаскирована обгоревшим клеящим веществом, на котором была замешана.

Таким образом, основными цветами росписей были синий и два красных, различных оттенков, на белом фоне, при черных контурах рисунка. На древнем Востоке стенная роспись была широко распространена, раскопки ассирийских памятников дали нам ряд образцов таких росписей. Дворец в Кар-Тукульти-Нинурта (XIII в. до н. э.) имел росписи стен, выполненные синей и красной красками по белому фону. Наряду с разнообразными орнаментальными мотивами, там имелись изображения священных деревьев, со стоящими по их сторонам крылатыми божествами, имевшими птичьи головы¹.

Остатки росписей были встречены и при раскопках дворцов ассирийских царей—Ашурбанипала и Саргона, производившихся в середине XIX в., но там богатые каменные рельефы, украшавшие стены парадных зал, отодвинули на второй план росписи, расчистка и фиксация которых были неизмеримо более сложны, чем расчистка и зарисовка каменных рельефов, и вследствие этого о росписях ассирийских дворцов IX—VIII вв до н. э. мы располагаем лишь отрывочными сведениями и отдельными публикациями².

При последних раскопках в Дур-Шаррукине, в здании в юго-востоку от храма Набу (в помещении № 2 здания К), были обнаружены остатки стенной росписи, выполненной синей, красной и черной красками по белому фону³. Сохранились остатки росписи, громадные, в два раза превышающие человеческий рост, фигуры бога Ашура и стоящих перед ним царя Саргона с приближенными. Вся группа была обрамлена орнаментальным фризом и фигурами крылатых божеств, стоящих над дисками, подобными помещенным на архивольтах восточных ворот в основном дворце Саргона. Панель стены, ниже этой группы, расписанная на высоту ок. 6 метров, содержала три фриза изображений, разделенных орнаментальными полосами. Центральный фриз состоял из фигур быков, попарно помещенных перед дисками, обрамленными дугообразными линиями. Верхний и нижний фризы были заполнены фигурами коленопреклоненных крылатых божеств, с плодом в правой руке и корзиной в левой, стоящими перед дисками, заменявшими в композиции священные деревья.

Прекрасные образцы ассирийских стеновых росписей были открыты при раскопках дворца ассирийского наместника в Тил-Барсибе, на Евфрате⁴. Кроме целых сцен, изображающих приношение даров, привод пленных и царскую охоту, там имелись также декоративные панно, на которых изображены хорошо знакомые по ассирийским росписям фигуры быков, козлов и коленопреклоненных крылатых божеств, помещенных

¹ W. Andrae, *Farbige Keramik aus Assur*, 1923, табл. 3.

² См. G. Contenau, *Manuel d'archéologie Orientale*, III, 1931, стр. 1324.

³ G. Loud, Ch. Altman, *Khorsabad*, II, табл. 89.

⁴ F. Thureau-Dangin, M. Dunand, *Til-Barsib*, 1936.

перед дисками. Здесь божества изображены безбородыми и держащими в руках не плод и корзинку, а цветы¹.

Раскопки в Тил-Барсибе показывают, что на окраинах Ассирийского царства в дворцовых постройках каменные раскрашенные рельефы заменялись стенными росписями.

В центральной части Урарту, в Тушпе, остатки росписей обнаружены не были. На Топрах-кале, при раскопках И. А. Орбели, произведенных в 1911—12 гг., были найдены обломки каменной (из красного мрамора) облицовки стен, с остатками изображений быков, деревьев и орнаментальных фризов². Следует предположить, что дальнейшие раскопки в центре Урарту откроют нам стенные росписи, образцы которых известны нам в Закавказье, не только на Кармир-блуре (др. Тейшебаини), но и на Арин-берде (др. Ирпуни).

Небольшие разведочные раскопки, произведенные К. Л. Оганесяном на Арин-берде, установили, что постройка на холме представляла собою громадное сооружение дворцового типа, напоминающее ассирийские дворцы.

Вокруг большого, квадратного в плане внутреннего двора были расположены помещения, об одном из которых мы имеем более или менее ясное представление. Это—длинная и сравнительно узкая комната, примыкающая к западной части двора и напоминающая по своему характеру первое помещение ассирийских дворцов, особенно украшенное.

При разведочных раскопках, произведенных 1/XI 1950 г., в разрушенной части этого помещения удалось обнаружить остатки замечательных росписей его стен, выполненных в основном синей и красной красками по белому фону. Эти раскопки не были повреждены пожаром, как на Кармир-блуре, и лучше сохранили свои цвета, хотя краски потеряли свою прежнюю крепость и легко осыпались, особенно синяя краска. Раскопки в юго-западном углу помещения позволили нам установить последовательность орнаментальных элементов. В верхней части стены, на выступающем вперед карнизе, располагались круги, со вписанными в них многолучевыми звездами, наподобие розеток. Ниже шел ряд пальметок, характерного ассирийского орнамента, с чередованием красных и синих цветов, а под ним поле из ряда ступенчатых башенок, также обычных в ассирийских росписях. Под этими тремя орнаментальными рядами шел неширокий фриз, заполненный фигурками бычков и баранов, а еще ниже роспись, изображающая священные деревья со стоящими по их сторонам божествами. По форме деревья напоминают изображения на шлемах Аргишти и Сардури, но выполнены они гораздо схематичнее; синей краской отмечены внешний контур, ствол и ветви, оканчивающиеся круглыми плодами. Фигуры божеств также напоминают изображенные на шлемах; они безбородые и без крыльев, в руках держат плод и корзинку.

¹ F. Thureau-Dahin, M. Dupand, Til-Barsib, 1936, табл. XVI.

² Материалы по археологии России, № 34, табл. XVII и XVIII.

Нижняя часть стеной росписи представляла собою широкую панель, закрашенную синей краской.

Приведенные образцы ассирийских и урартских стеной росписей позволяют нам реконструировать и росписи помещений цитадели Тейшебаини, дошедшие в мелких обломках.

Хорошо восстанавливается крупный (диам. 66 см.) диск, украшенный пальметками и гранатовыми плодами. Повидимому, по сторонам такого диска располагались фигуры безбородых крылатых божеств. Судя по размерам диска и голов божеств, эти фигуры должны были быть коленапреклоненными, так как изображение божества во весь рост не соответствовало бы размерам диска.

Сверху и снизу фигуры божеств около диска были обрамлены орнаментальными полосами, от которых сохранились отдельные части.

Дальнейшие раскопки на Кармир-блуре, несомненно, дадут нам еще материал, который позволит нам с большей полнотой реконструировать найденные в 1950 г. обломки стеной росписей.

УРАРТСКИЕ ПЕЧАТИ

Раскопки 1949 и 1950 гг. на Кармир-блуре увеличили число найденных там урартских печатей.

В кладовой № 25 под кучкой металлических предметов, обнаруженной в северо-западном углу помещения, были найдены три печати, описанные в первом отчете под № № 7, 9, и 10¹. Две из них, каменные, имели коническую форму с отверстием в верхней части. Такая форма печатей широко распространена по всей Передней Азии и доходит до Палестины². Третья печать керамическая, имеет гиревидную форму, с ушком в верхней части, особенно характерную именно для урартских печатей.

7. Печать каменная, коническая (выс. 2 см). На нижней части грубое изображение птицы или грифона.

9. Печать каменная, коническая (выс. 2 см). На нижней части, по краю круга, изображение змеи с собачьей головой, внутри голова чело-века и два символических знака.

10. Печать керамическая, гиревидная (выс. 1,5 см), ушко обломано. На нижней части вырезаны два концентрических зубчатых круга, с точкой посередине.

В кладовой № 25, в каресе № 62, вблизи от группы металлических предметов, была найдена печать сравнительно редко встречающейся дисковидной формы.

16. Печать керамическая, дисковидная (диам. 2,3 см). На одной стороне изображение жертвенника или же сильно схематизированного двухголового животного, с деревом над ним, по сторонам которого помещены полумесяц и крест. На другой стороне—изображение животного (лошади?), над ним полумесяц, по бокам два креста, край украшен точками.

В кладовой № 28 (раскопки 1950 г.) группа печатей была найдена в каресе № 15, среди большого числа пастовых и сердоликовых бус, мелких костяных и деревянных изделий и металлических предметов.

19. Печать каменная, цилиндрическая, с ушком в верхней части (выс. 3,5 см). На боковой плоскости—группа фигур: два стоящих друг против друга крылатых божества, один в рогатом головном уборе, дру-

¹ Кармир-блур, I, стр. 74.

² A. Rowe, A catalogue of egyptian scarabs, scarabeoids, seals and amulets in the Palestine archeological Museum, Caire, 1936, табл. XXIX.

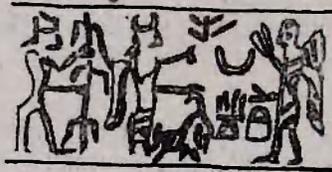
7

9

10

16

19

20

21

22

23

Рис. 22. Урартские печати.

гой с корзиной в руке. Между ними изображения дерева, полумесяца, жертвенника и козла. Отдельно помещена фигура царя (?), с веткой священного дерева в руке. Последнее изображение весьма характерно и весьма близко к изображению на каменной плитке с инкрустацией, происходящей из Топрах-кале¹. На нижней части вырезан крылатый диск, соответствующий ассирийскому знаку бога Ашура, под ним фигура козла.

20. Печать цилиндрическая, с ушком в верхней части (выс. 2,3 см). На боковой плоскости сильно схематизированное изображение крылатой человеческой фигуры и фигуры животного. На нижней части трудноразпознаваемая сложная фигура, по видимому, рогатого животного.

21. Печать керамическая, гиревидная (выс. 2,75 см), аналогичная печати № 6, найденной в 1946 г. вместе с ассирийскими цилиндрическими печатями. На нижней, несколько выпуклой части, изображение сильно стилизованной птицы или грифона, над ним полумесяц.

22. Печать каменная, коническая (выс. 2 см). На нижней части изображение животного и полумесяца над ним.

23. Печать керамическая, удлиненная, по форме близкая к конической (выс. 3 см). Нижняя часть повреждена, и знак, вырезанный на ней, не может быть определен.

В предыдущем отчете² было указано, что несколько урартских печатей было найдено в древних закавказских могильниках. В мае 1951 г., в сел. Акко, около Талина, при строительных работах, были обнаружены могилы в форме каменных ящиков. В одной из них, по сведениям, сообщенным А. У. Погосяном, были обнаружены два сосуда красного цвета, бронзовая фибула, сердоликовые бусы и две печати. Первая, гиревидная—обычной для урартских печатей формы. На нижней ее части—изображение лошади с двумя головами, встречающееся и среди мелких бронзовых урартских изделий. Вторая печать оказалась необычной формы. Она представляла собою фигурку лежащего животного (бычка) и на нижней ее части было вырезано несколько знаков: крылатый диск, две точки, звезда и внизу фигура лежащего льва.

Находки урартских печатей в могильниках указывают на их определенное культовое значение, на то, что они служили амулетами. Но наряду с этим, уже вторичным значением печатей, они имели и чисто практическое, хозяйственное назначение.

В кладовой № 25, в ее центральной части, около жертвенника, на полу помещения была найдена брошенная глиняная булла пирамидальной формы (выс. 4,5 см). Верхняя часть буллы, в которой был закреплен узел веревки, обломана, но следы ее отчетливо заметны. На двух частях буллы имеется по одному оттиску одной и той же печати с изображениями крылатого диска и двух голов животных под ним. На третьей грани имеется короткая клинообразная надпись из трех знаков, заходящая и на нижнюю грань. К сожалению, вследствие плохой сохран-

¹ С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, II, 2.

² Кармир-блур, I, стр. 72.

ности знаки не могут быть установлены с достаточной достоверностью. Повидимому, эта булла опечатывала перевязанную корзину с какими-то предметами, стоявшую около жертвенника. Возможно, что при разграблении кладовой эта корзина была унесена, а сорванная булла брошена за ненадобностью.

Сама кладовая № 25, хранившая большие запасы вина, также была опечатана. У ее двери, со стороны смежного помещения № 27, обнаружен комок глины (дл. 7 см, шир. 5 см), в которой четырьмя оттисками печати были опечатаны две веревки. Интересно, что каждая веревка, обвязывавшая, вероятно, замок, была опечатана двумя печатями, т.е. печатями двух лиц, на хранении которых находилась кладовая. Одна из оттиснутых печатей имела изображение крылатого диска и фигуры животного под ним (сходное с изображениями на печати № 2, Кармир-блур, I, рис. 46), а другая—изображение лежащего животного.

К числу предметов, связанных с печатями, относится также каменный четырехугольный брусок (дл. 16 см) с бронзовым кольцом для подвешивания. На нижней, квадратной грани этого бруска имеется несколько неглубоко вырезанных знаков: крылатый диск, фигура крылатого грифона и фигура, напоминающая ящерицу. Брусок этот был найден на полу кладовой № 28 и был признан за обычный точильный брусок, часто встречающийся при раскопках Кармир-блур. Знаки, вырезанные на нижней его части, заставляют нас предположить, что этот предмет имел еще другое назначение. Возможно, он являлся также печатью кладовщика, которую было труднее потерять, чем маленькую коническую или гиревидную печатку. Но неглубокая резьба знаков все же оставляет возможным и предположение о том, что эти знаки имели магическое значение, а предмет в целом являлся своего рода амулетом кладовщика. При рассмотрении всего этого материала мы не должны упускать из вида и того обстоятельства, что по представлениям древних обитателей раскапываемой нами цитадели города Тейшебаини ее кладовые следовало охранять не только от расхищения со стороны людей, но и от того греда, который могут принести злые силы. Именно этим и объясняется наличие жертвенника и статуэток божеств в центральной части кладовой № 25.

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ НА БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТАХ

Раскопки кладовых № 25 и 28 дали большое количество бронзовых изделий с клинообразными надписями урартских царей VIII в. до н. э.— Менуа, Аргишти, Сардури и Русы. Эти предметы попали в кладовые для вина, повидимому, во время осады крепости из храмовых кладовых, так как в большинстве случаев на них имеются посвятельные надписи богу Халду.

Выдающимся памятником урартского искусства является шлем царя Аргишти, обнаруженный в 1950 г. в одном из карасов кладовой № 28. По своей форме и изображениям он совпадает со шлемом Сардури, найденным в 1947 г. в кладовой № 10. Лобная часть шлема украшена одинадцатью изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами, у пяти деревьев стоят фигуры безбородых божеств в длинном одеянии, в головном уборе, украшенном рогами, с ведром в левой руке и священным плодом в правой. У других шести деревьев помещены подобные же божества, но имеющие бороды и крылья, иконографически совпадающие с ассирийскими керубами.

Изображения священных деревьев на лобной части обрамлены восемью фигурами змей со львиными головами, имеющими оскаленные пасти.

Височные и затылочные части украшены изображениями восьми урартских боевых колесниц и десяти всадников.

Изображения на шлеме Аргишти совершенно аналогичны имеющимся на шлеме Сардури, но несомненно, что оба эти шлема изготовлены различными мастерами. Разделка деталей изображений различна, шлем Аргишти отличается большей сухостью и менее детальной гравировкой, причем львиные головы змеев, как будто, указывают на руки двух мастеров, настолько отличаются фигуры правой части от левой.

Разновременность изготовления этих двух шлемов устанавливается также эпиграфическими различиями клинообразных надписей и иероглифическими знаками, стоящими перед клинописью. На шлеме Аргишти—знак в виде полумесяца, копьё и голова лошади, а у Сардури—круг и двойной зигзаг. На шлеме Аргишти надпись выполнена знаками, близкими к ассирийской клинописи, скорее напоминающими форму гвоздей, в то время как на шлеме Сардури они представляют короткие клинья треугольной формы. Отличается несколько и текст надписи.

На шлеме Аргишти:

^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni ku-bu-še-e ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-pu-a-ni-še [uš tū]-
ú-ni.

«Богу Халди, владыке, этот шлем Аргишти, сын Менуа, подарил».

Обращает внимание фонетическое написание слова «шлем» — kibuše (ассир. kubbū), что указывает на связанность урартских и ассирийских терминов вооружения и своеобразное написание отчества царя ^mMe-pu-a-ni-še вм. ^mMe-pu-a-ḫi-ni-še. Подобное написание встречается на шите Аргишти, найденном в 1940 г. в помещении № 3.

Надпись на шлеме Сардури:

^dHal-di-e e-ú-ri-e i-ni [ku-bu-še] ^mSAR-du-ri-i-še ^mAr-gi-iš-ti-ḫi-ni-še uš-tū-ni
ul-gu-ši-ia-ni e-di-ni

«Богу Халди, владыке, этот [шлем] Сардури, сын Аргишти, подарил жизни (здоровья) ради».

Надпись на шлеме Сардури подчеркивает посвятельный характер самого предмета.

В кладовой № 28, в проходе между двумя половинами ее, на полу, был найден бронзовый колчан, украшенный полосами с зигзагами, подобными тем, которые имеются и на шлемах. Аналогичный колчан был обнаружен при раскопках 1946 г. помещений во дворе цитадели, у северо-западных ее ворот.

На колчане 1950 года, под верхним его бортом имеется короткая клинообразная надпись: ^dHal-di-e EN ŠU ^mAr-gi-i[š ti]-še uš-tū-ni

«Богу Халди, владыке мира, Аргишти подарил».

Колчаны подобной же формы были найдены в 1940 г. в помещении № 4 и в 1948 г. в кладовой № 13. Они отличаются от найденного в кладовой № 28 украшениями. На этих двух колчанах в восьми полосах помещены изображения урартских боевых колесниц и всадников, совершенно аналогичные имеющимся на шлемах. В кладовой № 25 были найдены мелкие обломки третьего такого колчана с изображением колесниц и всадников. На колчанах, также под верхним бортом, имеются клинообразные надписи. На колчане 1940 г. клинопись сохранилась плохо: ^dHal-di-e EN ŠU i-ni[MARTE] ^mSAR-du-[ri-še uš tū-ni]

«Богу Халди, владыке мира, этот (колчан) Сардури (подарил)».

На колчане 1948 г. надпись сохранилась полностью:

^dHal-di-e EN ŠU ^mSAR-du-ri-še NIG-BA

«Богу Халди, владыке мира, Сардури подарил».

Обращает на себя внимание использование в урартской клинописи старой шумерской идеограммы NIG—BA, заменившей вследствие недостатка места урартский глагол uštuni, требовавший написания трех знаков, занимающих большое пространство.

Наиболее крупные клинообразные надписи имеются на бронзовых щитах, по форме совершенно совпадающих с богато украшенными щитами, происходящими из раскопок в Топрах-кале, в Ване.

Один из карасов кладовой № 28 был прикрыт бронзовым щитом,

диаметром около 1 метра. Щит этот был совершенно раздавлен на мелкие куски обрушившейся кровлей кладовой и базальтовыми блоками башенки. Но все же удалось полностью восстановить двустрочную надпись, помещенную по окружности борта щита:

(1) ^mAr-gi-iš-ti-[ni]-i u-ri-iš-ḫu-si-ni-e-i ^mMe-nu-ù-a-ḫi-ni-(e)-i i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-ù-a-ḫi ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-ù-i-ni ŠARRU ^{mat}Bi-i-a-i-na-u-[e] a-lu-si-e ^{al} Tu-uš-pa patari.

(2) ^dḪal-di-e e-ù-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ^{al} Ir-pu-ni-e-[di] uš-tu-ni ^dḪal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni ^mAr-gi-iš-ti-ni ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mat}Bi-a-na-ù-e a-lu-si ^{al} Tu-uš-pa patari]

(1) «(Из) Аргишти крепости (м. б. «арсенала»), сына Менуа, этот щит. Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы».

(2) «Богу Халди, владыке, этот щит Аргишти, сын Менуа (для) города Ирпуни подарил. Бог Халди великий, Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, князь города Тушпы». Привожу транскрипцию текста на щите 1940 года:

(1) ^mAr-gi-iš-ti-ni-i ù-ri-iš-ḫu-si-ni-i ^mMe-nu-a-ḫi-ni-i i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḫi ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mat}Bi-i-a-na-ù-e a-lu-si ^{al} Tu-uš-pa patari

(2) ^dḪal-di-e e-ù-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ni-še uš-tù-ni ^dḪal-di-ni-ni al-su-i[ši]-ni ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḫi ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mat}Bi-i-a-na-ù-e a-lu-si ^{al} Tu-uš-pa patari

Как видно, тексты надписей на обоих щитах весьма близки друг к другу; они отличаются лишь мелкими различиями в написании, в частности во второй надписи щита 1940 г. вместо обычной формы— ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še мы имеем ^mMe-nu-a-ni-še, так же, как на шлеме из кладовой № 28. Но надпись щита 1950 года имеет одно существенное добавление в тексте, отсутствующее в надписи первого щита. В начале второй надписи перед глаголом «подарил» стоит имя города, а именно Ирпуни, из чего можно заключить, что этот щит принадлежал городу Ирпуни и лишь потом попал в Тейшебайни.

При раскопках 1951 г. обнаружены еще четыре бронзовых щита с клинообразными надписями.

Два щита, имеющие по две строки повторяющегося текста, принадлежали Аргишти, сыну Менуа; оба щита были также изготовлены для города Ирпуни. Великолепный бронзовый щит, украшенный изображениями львов и быков, найденный в кладовой № 34, содержал следующий текст:

^dḪal-di-e e-ù-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ^{al} Ir-pu-ni-e-di uš-tu-ni ^mAr-gi-iš-ti-ni ŠARRU DAN. NU ŠARRU al-su-i-ni ŠARRU ^{mat}Bi-a-na-u-e a-lu-si ^{al} Tu-uš-pa patari.

Второй щит Аргишти имел подобную же надпись, с некоторым отличием в титулатуре:

^dḪal-di-e e-ù-ri-e i-ni a-še ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḫi-ni-še ^{al} Ir-pu-ni-e-di uš-tu-ni ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḫi-e ŠARRU DAN. NU ŠARRU ^{mat}Bi-ia-na-u-[e] a-lu-si ^{al} Tu-uš-pa patari.

По поводу города Ирпуни весьма интересные указания еще во время раскопок мне дал Г. А. Меликишвили, приведший текст одной из надписей Аргишти, происходящей из центра Урарту¹.

Привожу этот текст в транскрипции Г. А. Меликишвили:

(13) ... ^dHal-di-ni-ni ba-ù-ši-ni (14) ^mAr-gi-iš-ti-še ^mMe-nu-a-ḥi-ni-še a-li-e (15) ^{al} Ir-pu-ù-ni-ni šī-i-di-is-tù—ù-bi-e (16) ^mBi-i-a-i-pa-a-ù-e uš-ma-a-še-e (17) ^mlu-lu-i-pa-ù-i pa-a-pa-a-ḥi-i-a-i-di (18) qi-i-u-ura-a-ni-e qu-ul-di-i-ni-e ma-a-pu (19) ù-i gi-e-i i-ši-da-a-ù-ri-e iš-ti-ni (20) DAN. NU meš ar-ni-ù-ši-ni-li za-du-bi iš-ti-ni (21) VI LIM VI ^mME LV meš gu-pu-ši-ni-i e-iz-ši-du-bi (22) [i]š-ti-i-ni ^mHa-a-te-e ^mŠu-ù-pa-a-ni

«По приказу бога Халди Аргишти, сын Менуа говорит: город Ирпуни я построил для возвеличения страны Биайны и на устрашение вражеских стран... Могучие дела я совершил там, 6600 пленных страны Хате и страны Цупани я поселил там».

Так как в этой надписи сообщение о постройке города Ирпуни шло вслед за сообщением о взятии города Кихуни, находившегося на северо-западном побережье оз. Севан, то местоположение города Ирпуни устанавливалось довольно точно; он был построен на территории Закавказья, на пути из Аргиштихинили (Армавирского холма) к озеру Севан. Большой крепостью с надписью Аргишти, которая могла бы явиться этим городом, мне представлялась крепость на холме Арин-берд (Ганли-тапа), на противоположной Кармир-блуру окраине г. Еревана.

25 сент. 1950 г. при консервационных работах на холме Арин-берд К. Л. Оганесяном и А. У. Погосьяном был найден камень с 13 строками клинописного текста, который полностью подтвердил наше предположение.

(1) ^dHal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni (2) ^mAr-gi-is-ti-še ^mMe-nu-a-ḥi-ni-še (3) i-ni E GAL ba-du-si šī-di-iš-tu-ni (4) te-ru-bi ^{al} Ir-pu-ù-ni-ni ti-ni (5) ^mBi-a-i-pa-ù-e uš-ma-a-še (6) ^mlu-lu-i-pa-ù pa-pa-ḥi-a-i-di (7) ^mAr-gi-iš-ti-še a-li qi-u-ra-ni (8) qu-ul-di-ni ma-pu za-du-ù-li (9) ar-ni-ši-ni-li DAN. NU iš-ti-ni (10) ^dHal-di-ni-ni al-su-i-ši-ni (11) ^mAr-gi-iš-ti-ni ^mMe-nu-a-ḥi (12) ŠARRU DAN.NU ŠARRU ^mBi-a-i-na-u-e (13) a-lu-si ^{al} Tu-uš-pa-a-e patari.

«Бога Халди величием Аргишти, сын Менуа, эту крепость мощную построил, установил город Ирпуни имя, для возвеличения страны Биайны и на устрашение вражеских стран... Аргишти говорит... совершил я могучие дела там» (далее идет царская титулатура).

Поразительна текстуальная близость этих двух надписей, подтверждающая предположение Г. А. Меликишвили о том, что надписи центральной части Урарту и надписи в Закавказье, говорящие об одном и том же событии, имеют в основе общий текст. При сравнении двух текстов бросается в глаза и то обстоятельство, что переписчик аринбердской надписи в восьмой строке пропустил целую часть фразы (uī giēi šidaurie ištini), в Ванской надписи занимающей 19-ю строку.

¹ Corpus Inscriptionum Chaldaicarum, 112 A, 2.

Это определение местоположения города Ирпуни подтверждает мое положение о том, что предметы с урартскими надписями VIII в. до н. э. были доставлены в Тейшебаини после упразднения, в результате реформы административного управления на окраинах Урартского царства, старых административных центров, основанных царями Аргишти и Сардури.

В 1950 г. в кладовой № 28 был обнаружен второй бронзовый щит, имевший клинообразную надпись Русы, сына Сардури. Щит этот оказался прислоненным к карасу, в котором лежал шлем Аргишти, и можно предположить, что шлем первоначально закрывал этот карас, как первый щит.

Щит Русы оказался разломанным на мелкие куски, и надпись, сильно испорченную коррозией бронзы, составить не удалось, и я привожу ее транскрипцию со значительными восстановлениями текста:

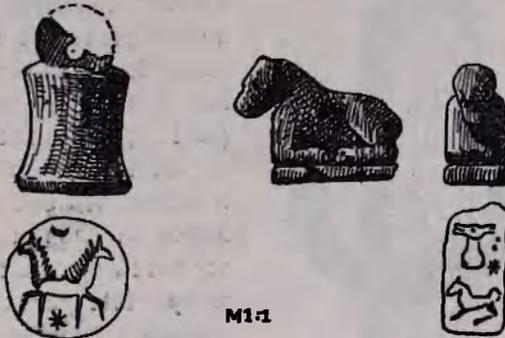

Рис. 23. Урартские печати из сел. Акко.

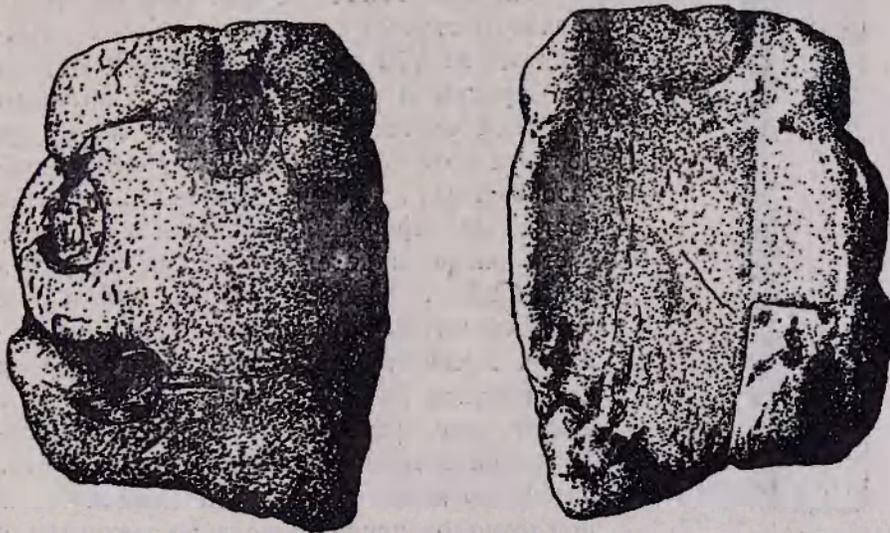

Рис. 24. Печать двери кладовой № 25.

^dHal-di-[e] EN-ri i-ni [a-še. ^mR] u-sa-a-še ^mSAR-du-ri-hi-ni-še uš-tù-ni ul-gu-ši-[ia-ni e-di-ni ^dHal-di-ni-ni] [al-su-i-] ši-ni [^mRu-sa-a-ni ^m] SAR-du-[ri-ni ŠARRU] DAN.NU ŠARRU al-su-[i]-ni [ŠARRU ^{mat} Bi-a-i-na-ù-e a-lu-si] ^{su} Tu-[uš-^{pa} patari]

„Богу Халди, владыке, это [щит] Руса, сын Сардури подарил жизни [ради. Бога Халди ве] личием, Руса, сын Сарду[ри, царь] могучий, царь великий, [царь страны Биайны, князь] города Ту[шпы]“.

В 1949 г. при раскопке кладовой № 25 в одном из карасов (№ 4) было обнаружено 97 бронзовых чаш, сложенных стопой одна в другую и прикрытых сверху деревянными дощечками. Около 40 чаш, находившихся в средней части стопы, сохранили свой первоначальный золотистый блеск и чистый звон. Чаши изготовлены из высококачественной бронзы со значительной примесью олова (до 10%).

Металлографический анализ одной из чаш, произведенный Г. Н. Козловским, показал, что она изготовлялась расковкой отлитой заготовки чаши, со многими промежуточными отжигами. Ф. Н. Тавадзе при осмотре чаш установил, что они, несмотря на большое внешнее сходство, изготовлены не только из различной по сплаву бронзы, но и различными способами. Наряду с раскованными чашами, имевшими в основе отлитую заготовку, имеются чаши с явными признаками выжимания на стенке дисковидной заготовки, способ широко распространенный в металлургии древнего Кавказа.

На всех чашах, на дне, имеются клинообразные надписи с именами четырех урартских царей VIII в. до н. э.: Менау, Аргишти, Сардури и Русы. Надписи выполнены глубокой чеканкой и размещены по кругу, центром которого служило углубление, образовавшееся в процессе полировки поверхности. Эпиграфические особенности этих надписей также свидетельствуют об их разновременности. Надписи Менау отличаются тщательностью, одна из них имеет характерную ассирийскую форму знаков, в то время как надписи Русы выполнены небрежно и имеют даже орфографические ошибки. Изображения на чашах — башенки с помещенными на них деревьями — выполнены мелкой чеканной техникой, причем отчетливо различаются руки различных мастеров. Иногда чеканка мелкая, почти точечная, на других же образцах она принимает вид тонких удлиненных клиньев, а на ряде чаш рисунки выполнены неглубокой гравировкой и, по сравнению со всегда глубоко чеканенной клинописью, кажутся легко процарапанными.

Надписи на чашах в большинстве случаев однотипны и дают всего восемь различных текстов.

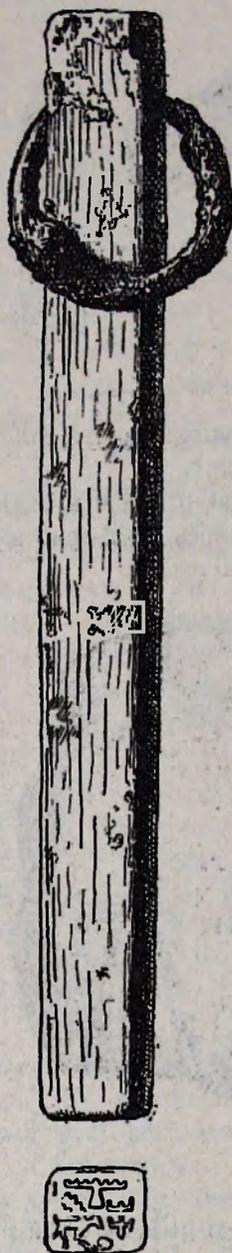

Рис. 25. Каменный брусок со знаками на нижней части.

1. Менуа. Надпись на шести чашах:
 ᵐMe-pu-a-i-pi-i (вар.-pi-e-i) ù-gi-iš-ḫu-ši-pi (вар.-pi-e-i)
 «(царя) Менуа крепости» (букв. «дома оружейного»), т. е. «чаша, принадлежащая крепости царя Менуа».
2. Аргишти. Надпись на одной чаше.
 ᵐAr-gi-iš-ti-pi ù-gi-iš-ḫu-si-pi
 «(Царя) Аргишти крепости».
3. Аргишти. Надпись на одной чаше. В центре изображение головы птицы и ромба.
 ṣṣ. ᵐAr-gi-iš-ti-e
 «(Царя) Аргишти».

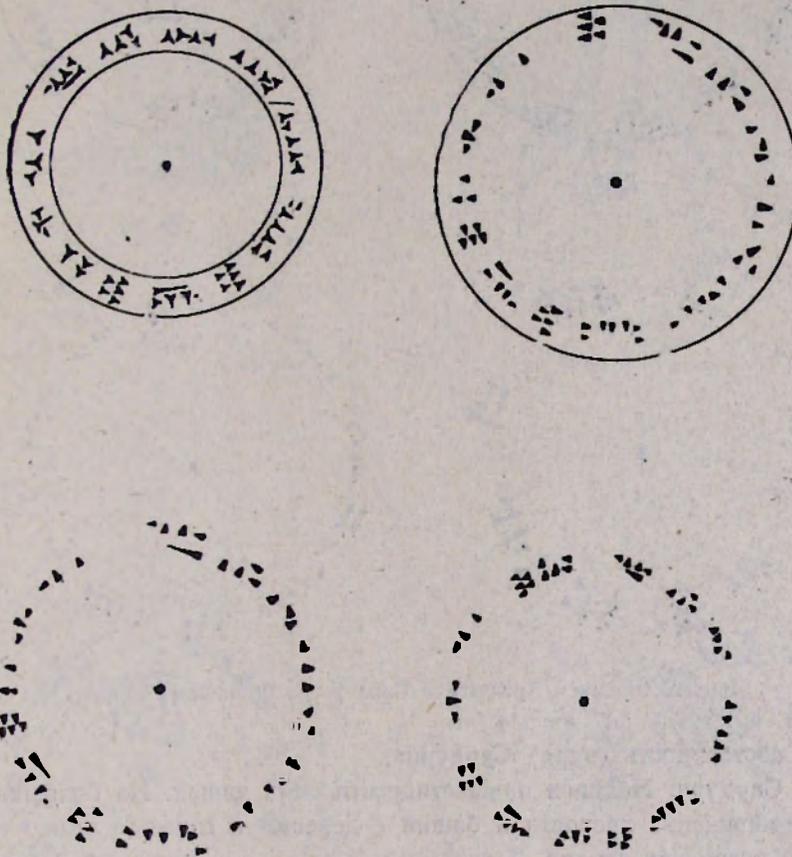

Рис. 26. Надписи Менуа на бронзовых чашах.

4. Сардури. Надписи на четырнадцати чашах.
 На большинстве экземпляров над текстом изображение крепостной башни с деревом и головы льва влево или вправо.
 ᵐSAR-du-ri-e BĪTU ù-gi-iš ḫi (вар.-hu)
 «(Царя) Русы крепости», т. е. «чаша, принадлежащая крепости царя Сардури».

5. Сардури. Надписи на двух чашах, одна из которых отличалась от всех других ложчатыми выступами. Текст выполнен знаками ассирийского типа.

NIG-GA SAR-du-ri-e-i

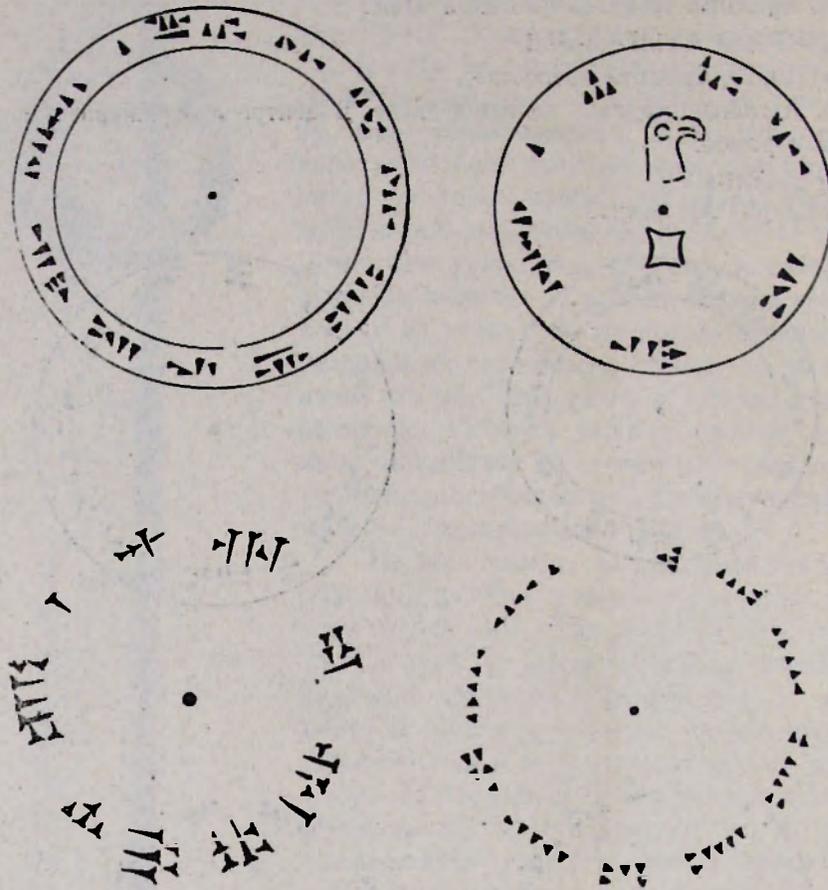

Рис. 27. Надписи Аргишти и Сардури на бронзовых чашах.

«Собственность (царя) Сардури».

6. Сардури. Надписи на шестидесяти семи чашах. На большинстве чаш изображение крепостной башни с деревом и головы льва, обращенной влево или вправо.

ša SAR-du-ri (вар.-ri-i или ri-e)

«(Царя) Сардури».

7. Руса. Надписи на пяти чашах, выполненные небрежным письмом, в одном случае имеется ошибка в написании знака BĪTU. На всех чашах изображение крепостной башни с деревом и головы льва.

Ru-sa-a-i-ni-e BĪTU ú-ri-iš-ḫu-si (вар.-ni)

«(Царя) Русы крепости», т. е. «чаша, принадлежащая крепости царя Русы».

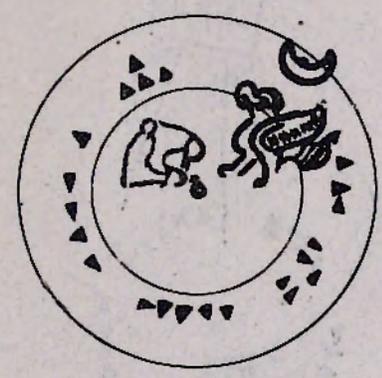
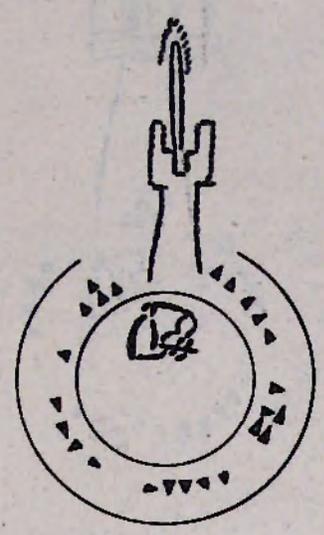
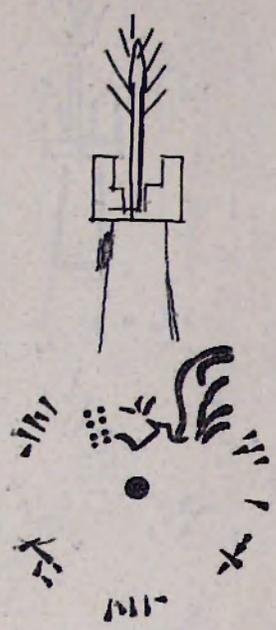

Рис. 28. Надписи Сардури на бронзовых чашах.

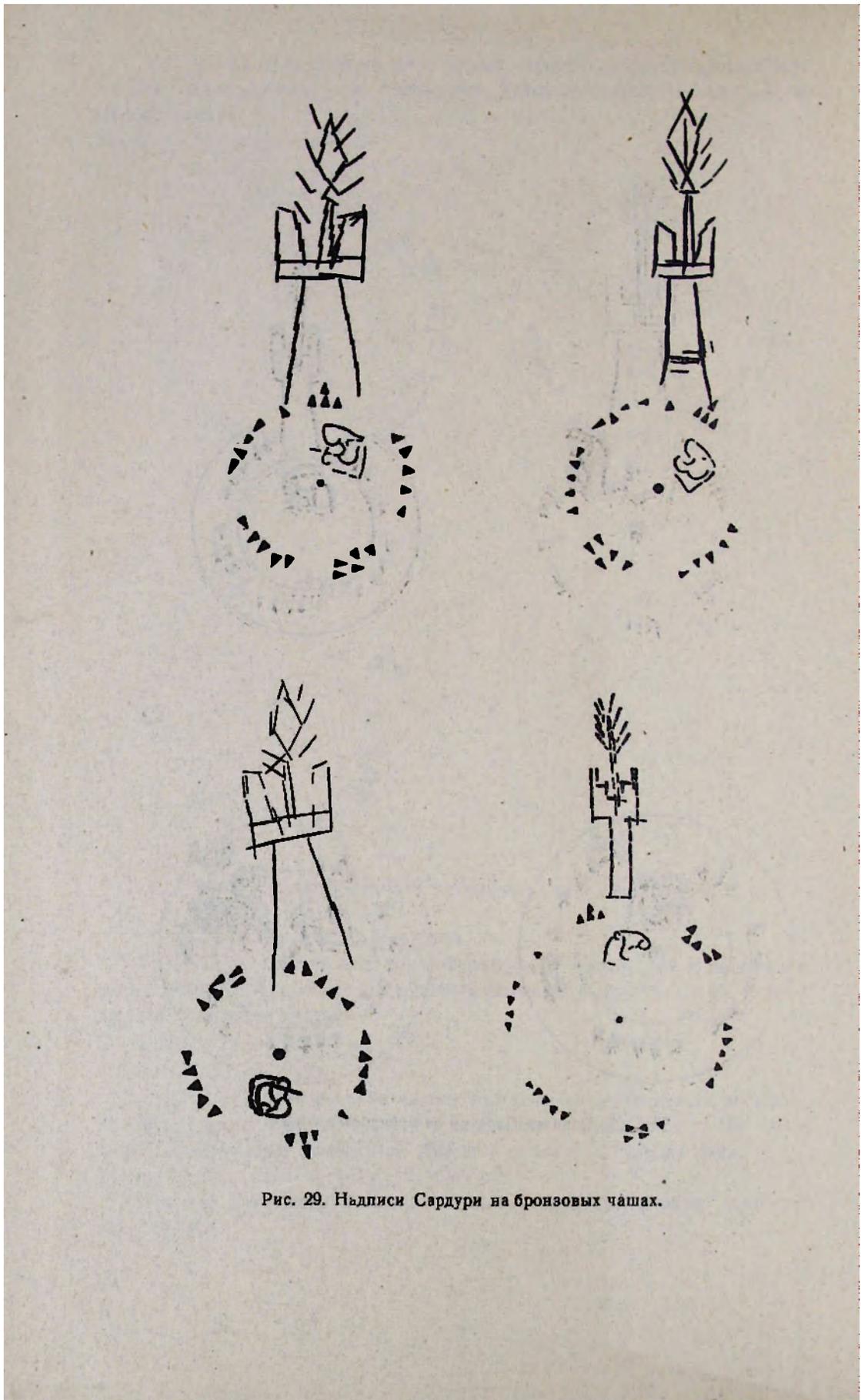

Рис. 29. Надписи Сардури на бронзовых чашах.

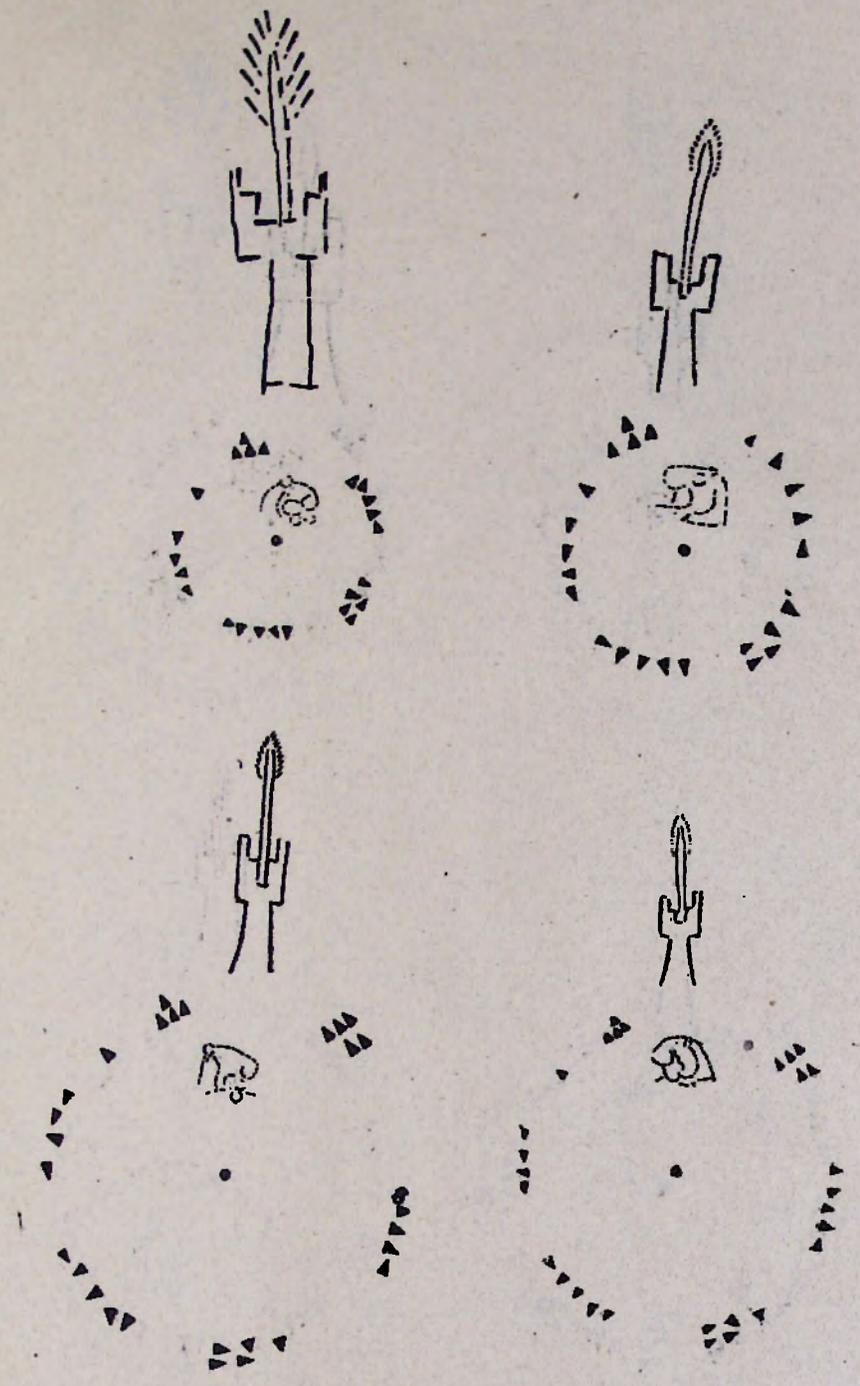

Рис. 30. Надписи Сардури на бронзовых чашах.

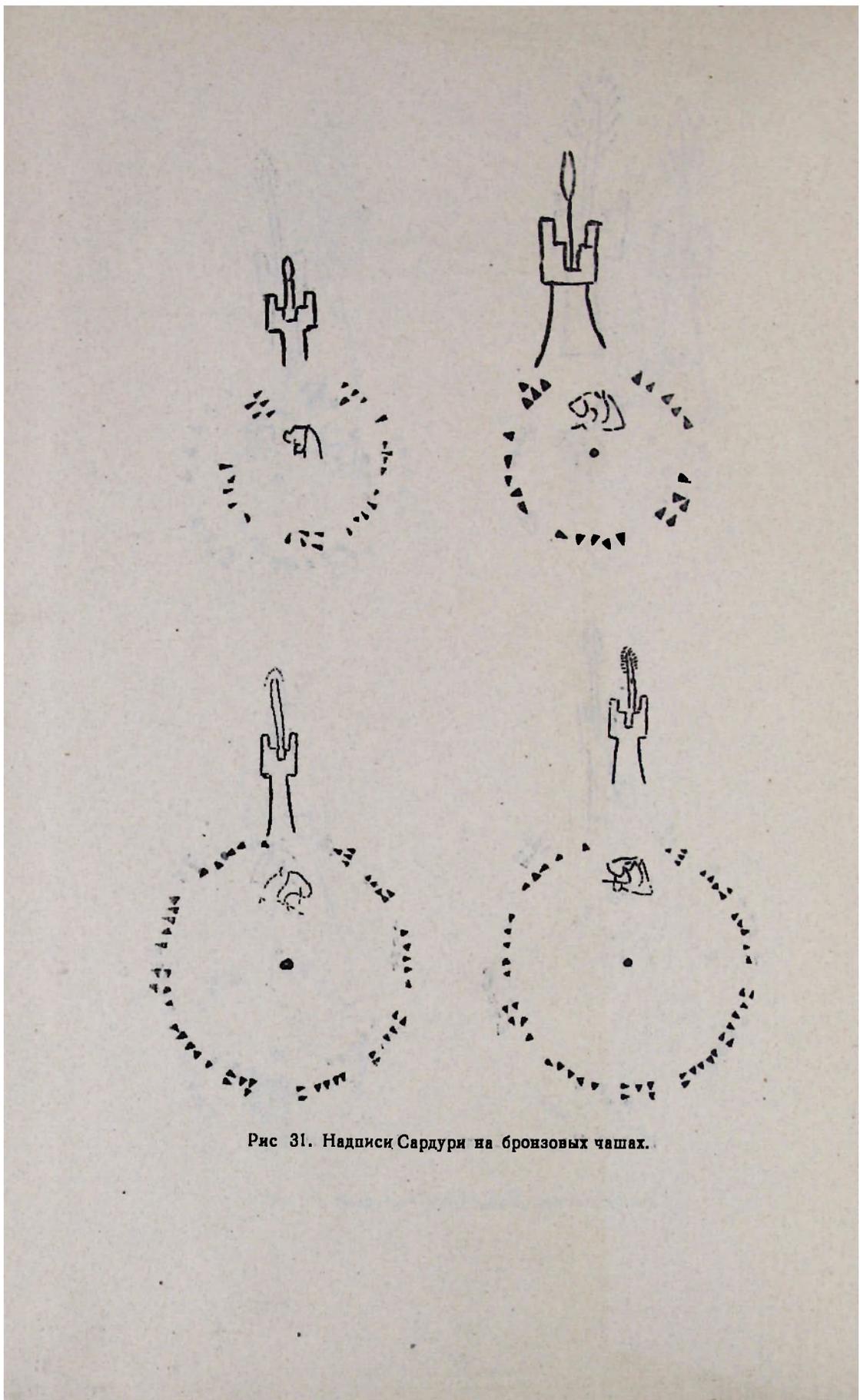

Рис 31. Надписи Сардури на бронзовых чашах.

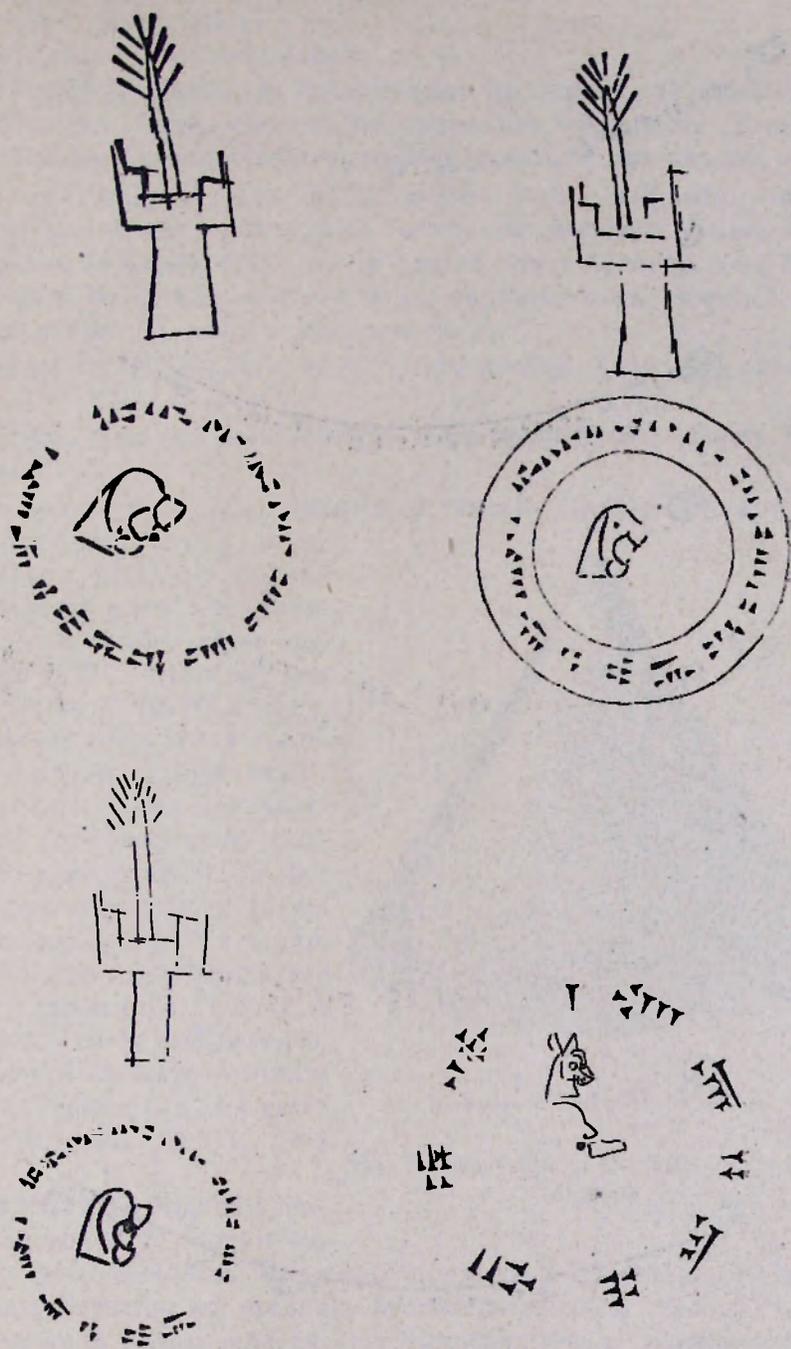
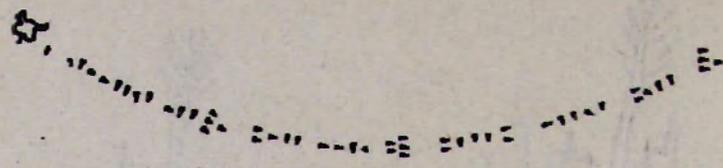
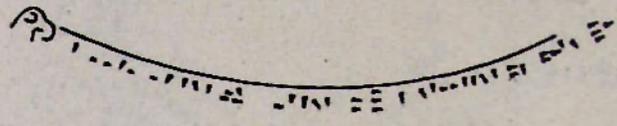

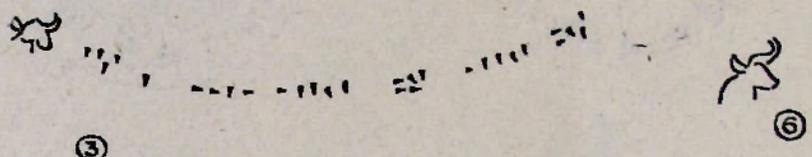
Рис. 32. Надписи Гусь на бронзовых чашах.

1

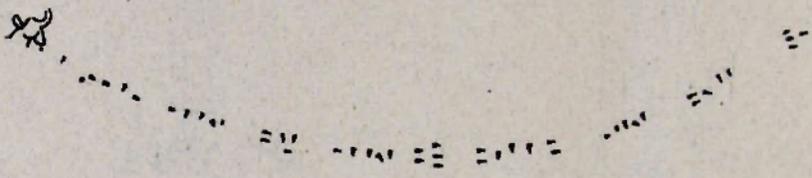

2

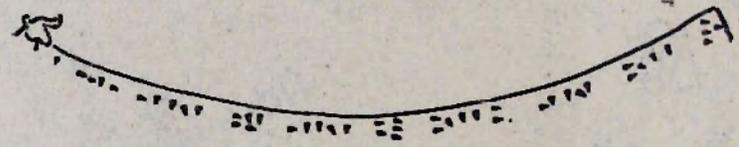

3

6

4

5

Рис. 33. Надписи на бронзовых умбонах.

8. Руса. Надпись на одной чаше, выполненная письмом ассирийского типа. В центре три иероглифических знака.

𐎲Ru-sa-a-ni 𐎠.𐎠TUR gi

«(Царя) Русы город малый».

Надписи на чашах не представляют трудностей для перевода; все они отмечают принадлежность чаш царям или же царским крепостям, так что указывают окончания родительного падежа при царских именах и словах *urīṣḥusi* или *BĪTU. urīṣḥi* (вар. *urīṣḥusi*). Надписи на чашах уточняют перевод этого слова, встреченного и на других предметах из Кармир-блур, на бронзовых щитах Аргишти, сына Менуа, и на части бронзового запора с надписью Русы, сына Аргишти, найденной в 1946 г. у двери в кладовую № 11.

𐎲Ru-sa-a-i 𐎠Ar-giš-te-ḥi-ni-i BĪTU 𐎠-ri-[iṣ-ḥu-si-ni 𐎠LU 𐎠]Te-i-še-ba-i-ni paṭari

«Русы, сына Аргишти крепость («дом оружейный») города Тейшебаини».

Слово *urīṣḥusi* выписывается в текстах Сардури II, Русы I и II с идеограммой или детерминативом *BĪTU*, в текстах Менуа и Аргишти I без знака *BĪTU*, т. е. вместо «дом оружейный» (*BĪTU urīṣḥu-si-ni*) или «Дом оружия» (*BĪTU urīṣḥi/e*) передается лишь прилагательным *urīṣḥusi*—«оружейный». Надписи на чашах доказывают, что эти слова, выписываемые со знаком *BĪTU* и без него, означают одно и то же слово «Дом оружия», т. е. «арсенал» или же, вероятнее всего,—«крепость». При таком уточнении слова *urīṣḥusi* начало надписи на щите Аргишти следует переводить «Аргишти крепости, сына Менуа, этот щит».

В 1950 г. в одном из карасов кладовой № 28 было обнаружено шесть бронзовых конических предметов, с отверстиями по нижнему краю. Вероятно эти предметы представляют собой умбоны щитов, сплетенных из ивовых прутьев. При раскопках 1946 г. жилища во дворе цитадели были найдены три таких предмета, причем на одном сохранились гвоздики и части щита из ивового плетения.

На пяти умбонах 1950 г. имеются короткие клинообразные надписи.

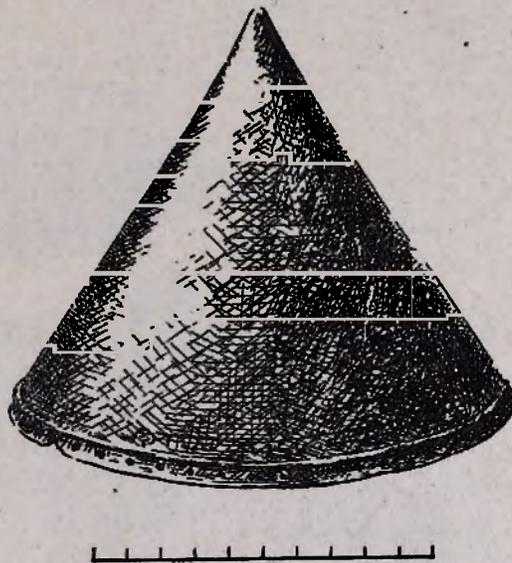

Рис 34. Бронзовый умбон щита с надписью Сардури.

Перед клинописью знаки, в одном случае голова птицы, в остальных голова быка. Голова быка имеется и на умбоне без клинописи.

1. "A1-gi-iš-ti-i u-gi-iš-ḫi „(царя) Аргишти, крепости“, т. е. „принадлежащий крепости Аргишти“.

2. "SAR-du-ri-i "Ag-giš-ti-ḫi „Сардури, сына Аргишти“.

3. šā "SAR-du-ri-e „(царя) Сардүри“.

4 и 5. "SAR-du-ri-i u-gi-iš-ḫi „(царя) Сардури крепости“.

На двух умбонах, найденных в 1946 г., заметны остатки клинообразных надписей, выполненных тем же грубым письмом, что и на происходящих из кладовой № 28. Использование вместо угловых знаков наклонно поставленных клиньев заставило меня ранее считать эти надписи имитацией клинописи. Надписи 1946 г., ввиду очень плохой сохранности, не читаются, но на одном из умбонов различима группа знаков "Me-pi-a-ḫi (или-i) в средней части текста, которая дает основание отнести этот предмет к Аргишти, сыну Менуа.

КЛИНООБРАЗНЫЕ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЕМКОСТИ НА КАРАСАХ

В обеих кладовых для вина (№ 25 и 28) было обнаружено 152 крупных сосуда-караса, до половины врытых в земляной пол и расположенных четырьмя рядами. Все эти карасы были маркированы, на них клинописью отмечалась емкость в крупных мерах «акарки» и дробных «теруси» (ранее читалось—«хируси»). Знаки наносились на плечевой части караса уже после того, как сосуды были вкопаны в землю, причем размещались знаки так, что проходящий в глубь кладовой мог свободно по обе стороны их видеть.

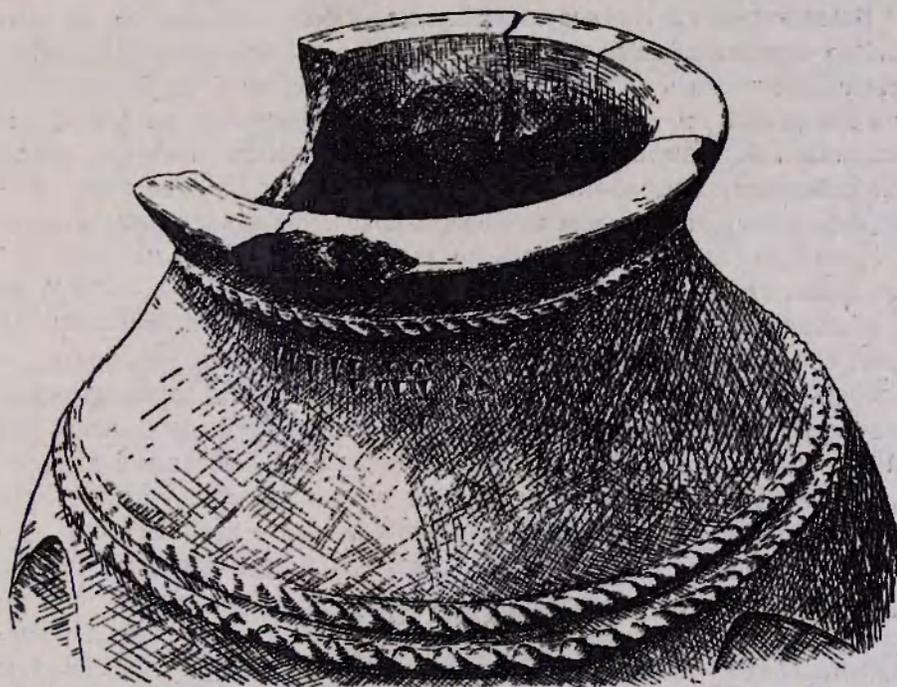

Рис. 35. Карас с клинописным обозначением емкости.

В кладовой № 25 двадцать карасов, из восьмидесяти двух, имели клинописные обозначения, причем меры емкости передавались лишь начальным знаком слов. Так, обозначение „III aqarqı IV terusi“ выписывалось „III a IV té“ (второй знак в урартской клинописи, так же

как и в ассирийской полифоничен; он читается как *pi* и как *té*. Случаи замены в слове *te-gi-si* первого знака знаком, имеющим значение *té* и *dé*, раскрывает нам действительное его фонетическое выражение). Прием сокращенной передачи целого слова лишь первым его знаком, а не идеограммой, на древнем Востоке встречается редко. В урартских крепостях на Топрах-кале и Хайкаберде найдены обломки карасов, на которых меры акарки и теруси были выписаны полностью. В Ассирии меры емкости передавались обычно идеограммами. Так, во дворце Синахусура, в Дур-Шаррукине, были найдены обломки сосудов, с обозначениями в мерах имер и сила¹.

Три караса в кладовой № 25 с клинообразными обозначениями отличались малыми размерами, от 1 акарки $4 \frac{1}{2}$ теруси до 1 акарки $5 \frac{1}{2}$ теруси. Остальные карасы имели емкость от 3 акарки 2 теруси до 5 акарки и 5 теруси.

Клинообразные надписи выполнены четкими клиньями урартского типа и только в знаке «половина» выходной клин передан, по ассирийскому образцу, чертой, а не отдельным клином. Все карасы с клинописью, за исключением лишь одного (№ 51), были сгруппированы в северо-восточной части кладовой.

Большинство же сосудов обеих кладовых было маркировано не клинописью, а иероглифами, где цифры передавались кружками. Подобные обозначения имелись на карасах кладовой, раскопанной на Топрах-кале, и на найденной там же глиняной табличке со счетными записями, выполненными иероглифами². Урартское иероглифическое письмо имело свою собственную выработанную систему, отличную от клинописи. Последовательность знаков шла не слева направо, как в клинописи, а справа налево, что можно заключить по знакам на табличке, не заполнившим целые строки, а также по расположению знаков на карасах. Цифры обозначались круглыми углублениями, размещенными вертикально в одном или двух рядах. Обозначения акарки обычно ставились справа, и не имели никаких дополнительных, кроме цифр, знаков, за исключением трех случаев, когда над вертикальным столбиком кружков помещен крест, образованный двумя вырезанными перекрещенными линиями (1, 17, 69, 70). Возможно, этим знаком отмечалось лишь число «пять акарки», являвшееся половиной какой-то еще более крупной меры. Числовые обозначения «теруси» помещались под знаком из двух линий, образующих угол и отделявших числовые обозначения теруси от акарки. Иногда под числовыми обозначениями теруси имеется еще один кружок, оторванный от всей группы, который по аналогии с клинописью можно считать знаком «половина».

В кладовой № 28 был найден один сосуд удлиненной формы с обозначением, повидимому, более дробной меры. Справа помещено изобра-

¹ G. Loud, Ch. Altman, Khorsabad, II, надписи 34—37.

² C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, II, 2, стр. 467 и 588.

жение сосуда с коническим дном и зигзагом, отходящим от венчика— изображение, имеющееся также и на обломках керамики из Топрак-кале; слева имеется цифровое обозначение—семь. Сосуды, подобные этому, служили для хранения зерна, а не жидкости, поэтому возможно также предположение, что иероглиф сосуда с высоким, расширяющимся раструбом, венчиком и коническим дном служил знаком для передачи меры емкости не жидкости, а зерна.

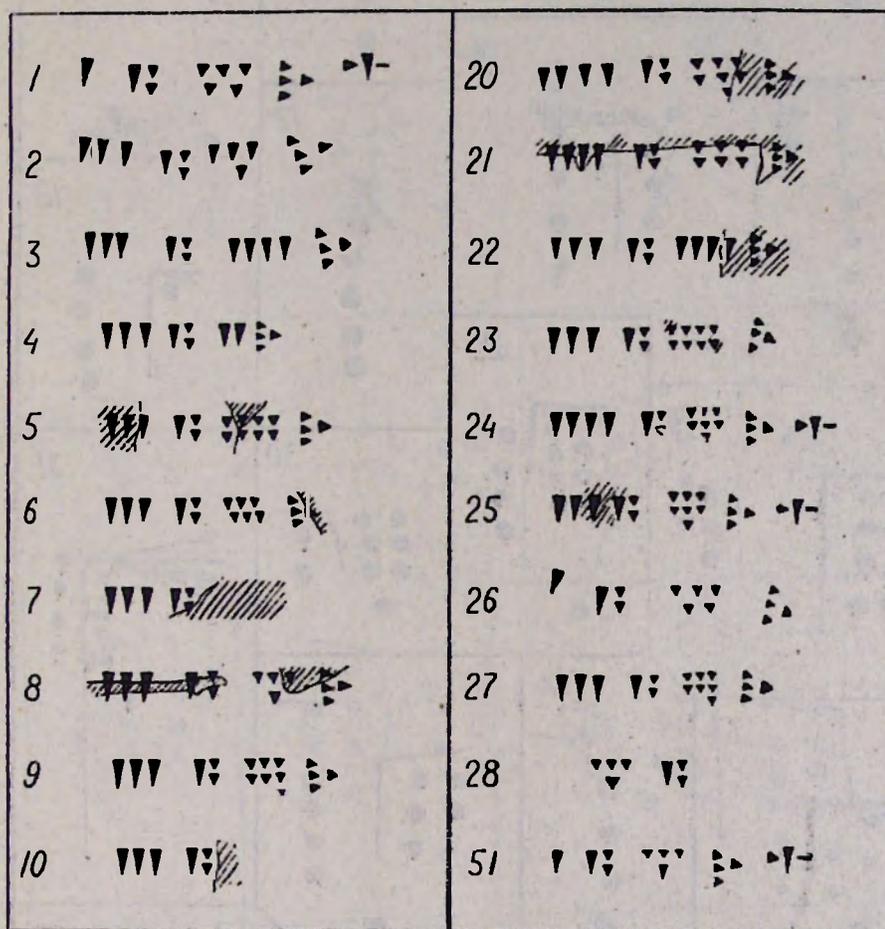

Рис. 36. Клинописные обозначения емкости (кл. № 25).

Размеры карасов в кладовой № 25 колеблются между 1 акарки 6 теруси (№ 34) до 5 акарки 6 теруси (№ 67). Несомненно, знаки на сосудах вырезались разными лицами, на что указывает разница в размерах числовых кружков и в самом качестве иероглифических надписей. На одном из обозначений емкости была допущена ошибка, выражающаяся в том, что знаки «теруси» помещены справа, а не слева (№ 37).

Все карасы второй кладовой для вина (кладовой № 28) были маркированы иероглифами; емкость их колеблется между 3 акарки и 5 акарки

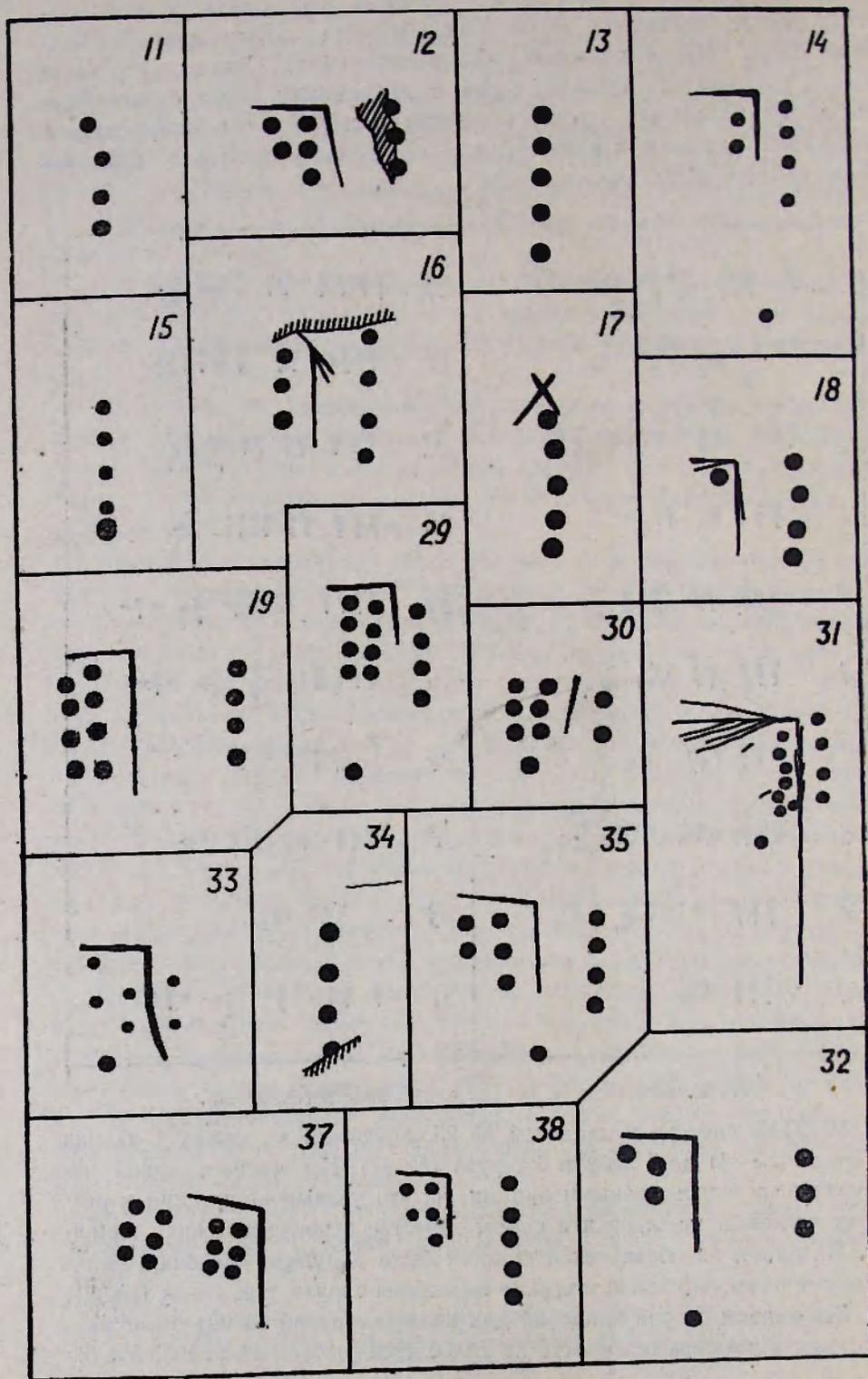

Рис. 37. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 25).

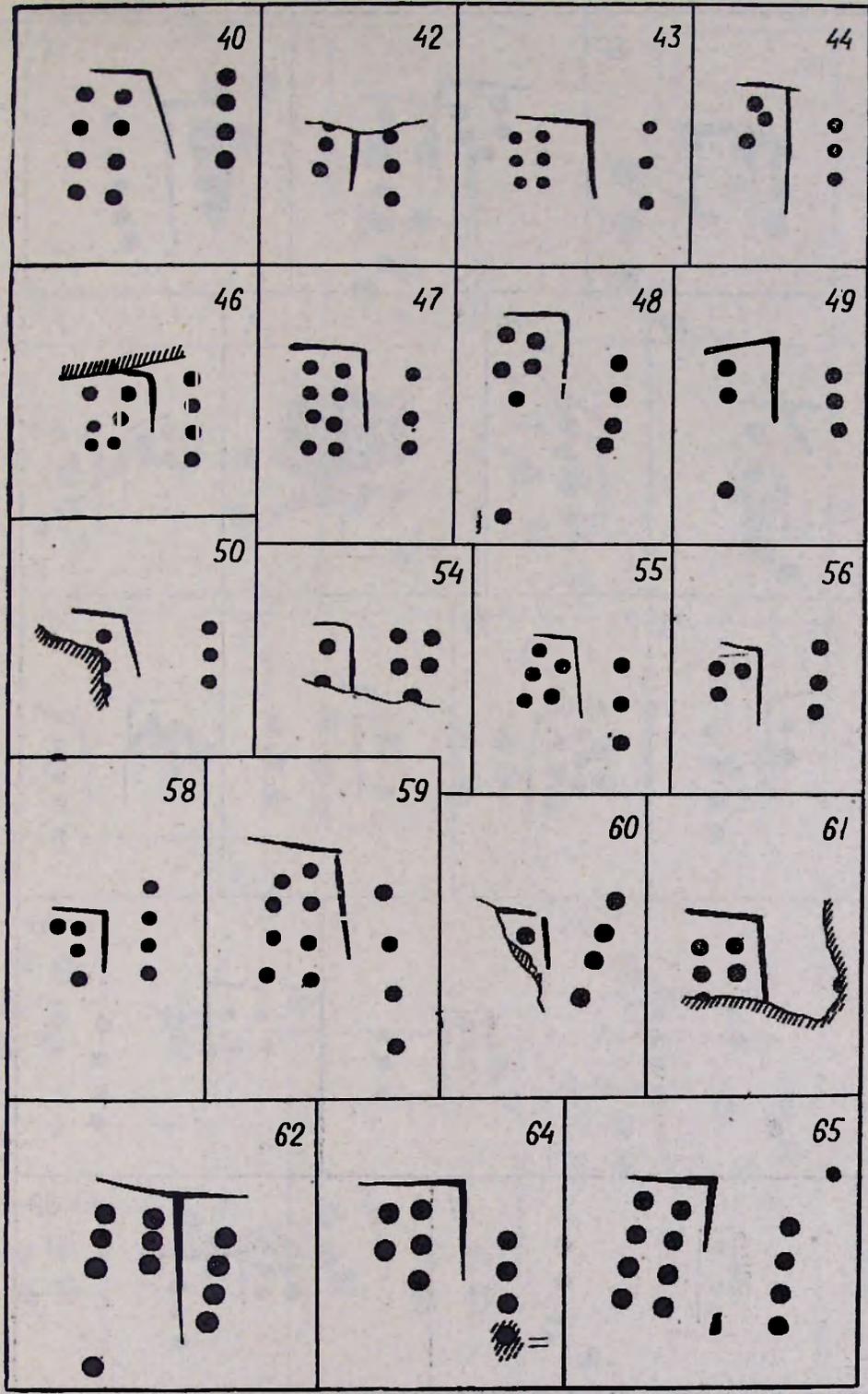

Рис. 38. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 25).

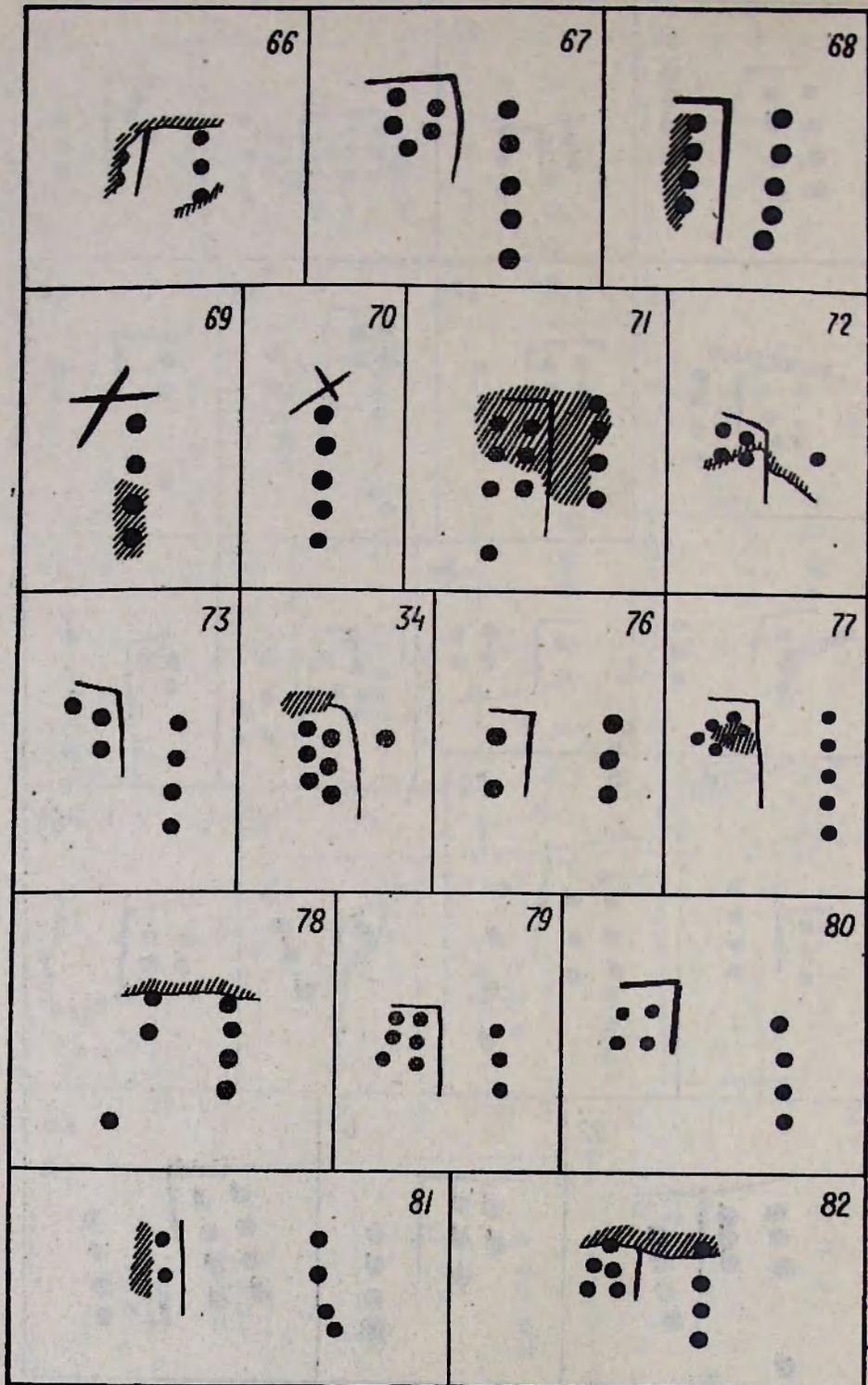

Рис. 33: Иероглифические обозначения емкости (кл. № 25).

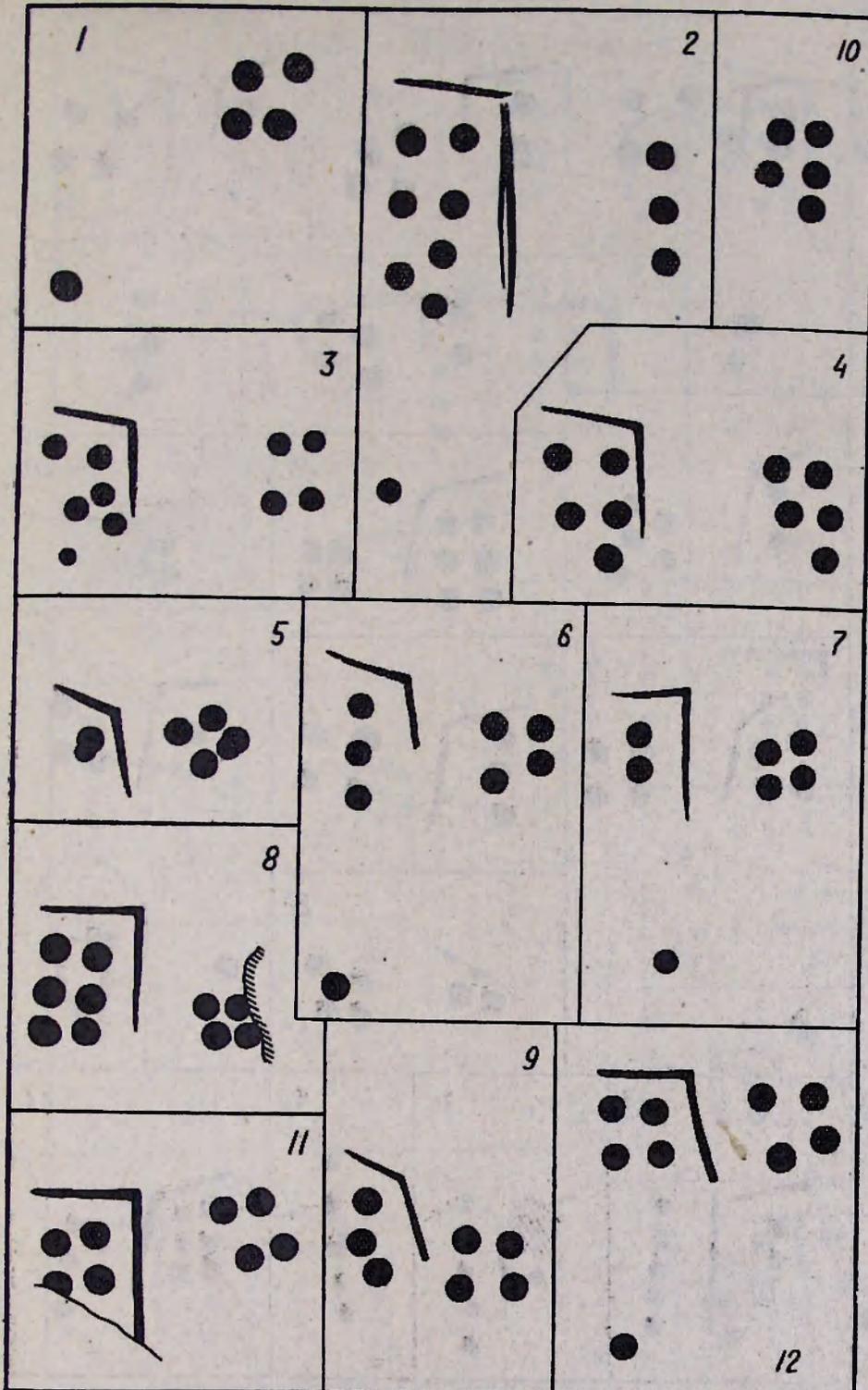

Рис. 40. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 28).

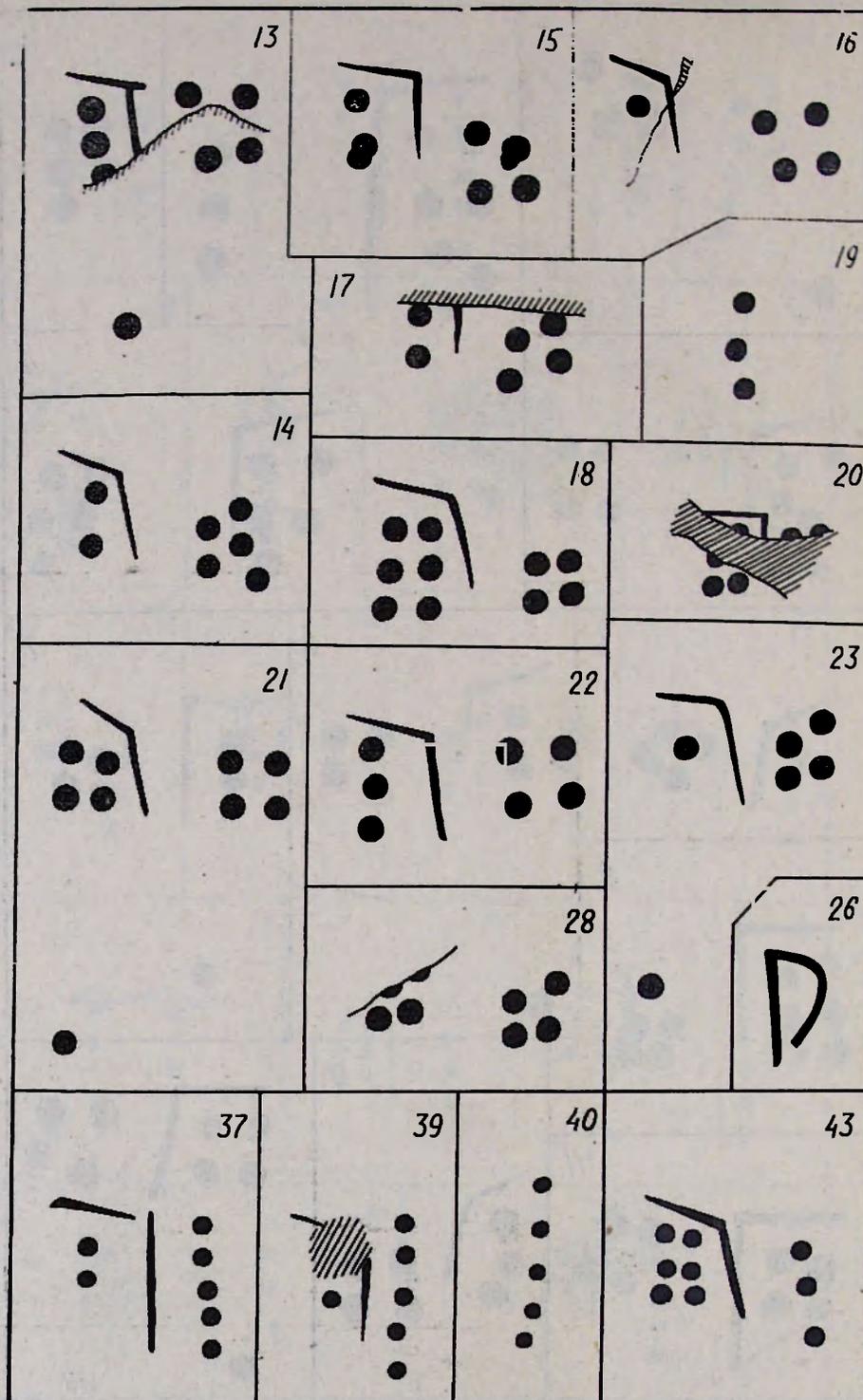

Рис. 41. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 2!).

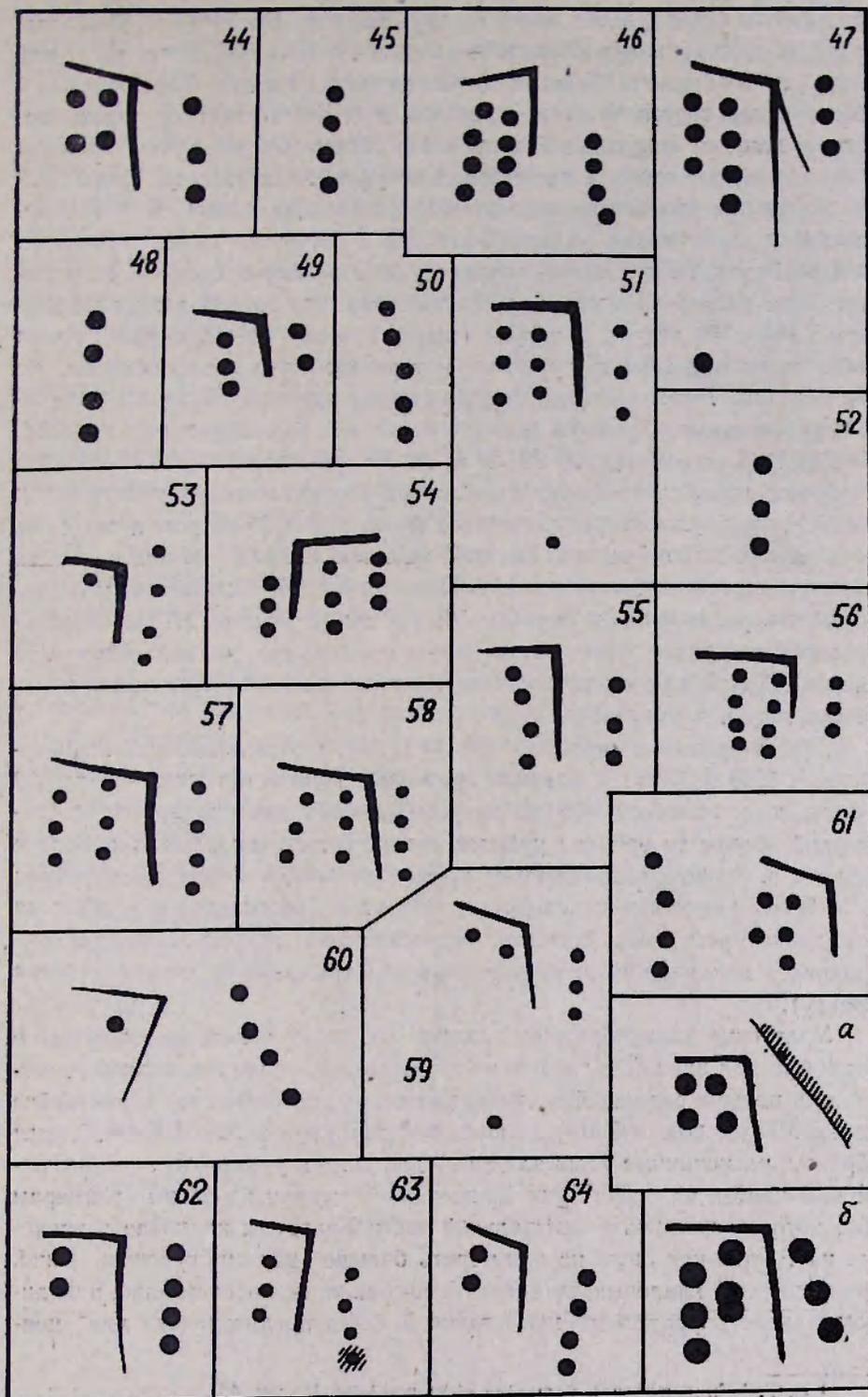

Рис. 42. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 28).

и 5 теруси. Неправильное размещение знаков, т. е. написание акарки слева, а теруси справа, имеет место на двух карасах (№ 54 и 61). Реальные размеры урартских мер емкостей—акарки и теруси—не могут быть еще точно установлены. В обеих кладовых цитадели города Тейшебаини в обозначениях теруси числа не превышают 8, что заставляет предположить о делении акарки на 9 теруси. Но Леманн-Гаупт, при описании обозначений мер емкости на черепках сосудов, найденных на Топрах-кале, указывает, что там число теруси не превышает девяти, хотя воспроизведения или точного указания отметки с 9 теруси он не приводит. Леманн-Гаупт, на основании реконструкции размеров сосудов, на которых были обозначения емкости, предполагал, что акарки равнялись примерно 120—150 литров, а теруси (хируси) около 12—15 литров¹. Наши наблюдения над кармирблурскими материалами это предположение не подтвердили. Меры емкости, отмеченные на карасах, оказались значительно большими. Промеры целых сосудов из Кармир-блур, произведенные В. Тоняном (кл. № 28) и А. М. Иерусалимским (кл. № 25), показывают, что Леманн-Гаупт значительно преуменьшил урартские меры: в действительности акарки равнялась около 240—250 литров, а теруси ее девятой или десятой части. Так как наиболее мелким обозначением в маркировке сосудов является половина теруси, то получается, что точность измерения вина в карасах была до 12 литров. В современном крупном виноделии бочки заполняются с точностью до декалитра (10 литров). Такой предел точности не дает возможности установить количество теруси в акарки.

Две кладовые с карасами (№ 25 и 28), раскопанные на Кармир-блуре в 1949 и 1950 гг., хранили громадное количество вина—около 610 акарки, т. е. примерно 150.000 литров. Развитие виноградарства в Арагатской долине во времена урартов вполне естественно, так как среднее течение р. Аракса с древнейших времен славилось своим плодородием и особенно развитием садоводства. Об этом рассказывает и текст на памятнике Русы, сына Аргишти, установленный некогда на полях, орошавшихся каналом, на противоположном Кармир-блур берегу Раздана (Заьгу).

Урартские клинообразные надписи содержат некоторые сведения о кладовых для вина. Так, надпись из Бостан-кая, около Мелазгерда, местности и поныне славящейся виноградарством, рассказывает о постройке царем Менуа, сыном Ишпуни, кладовой для вина в 900 акарки². Таким образом, раскопанные нами кладовые для вина в урартском административном центре на территории Закавказья уступали по своим размерам тем, которые имелись в центральной части Урарту, и кладовая в крепости на Бостан-кая была на одну треть больше кармирблурских. Вино, хранившееся в кладовых цитадели Тейшебаини, не представляло, повидимому, запасов урартского наместника, а было предназначено для цен-

¹ C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, II, стр. 467.

² *Corpus Inscriptionum Chaldaicarum*, № 71.

тральной части Урарту, как поступление из окраинных областей царства. Нам известно также, что вино доставлялось в столицу Урарту. город Тушпу, также и среди добычи. Так, в летописи Сардури, сына Аргишти (VI, 10), 111 акарки вина, что составляет около 27.000 литров, упоминается среди добычи, захваченной во время урартских походов.

Раскопки Кармир-блуря отчетливо показывают нам организацию хозяйства центра. Маркировка винных карасов и опечатывание кладовой для вина печатями двух лиц говорят о строгой системе учета запасов, что характерно для всех административных центров государств Древнего Востока. Об этом же говорит и наличие в Тейшебаини архива, от которого дошло до нас пока что лишь несколько обломков глиняных табличек с клинописью.

Клинописная табличка

В 1946 г. на полу кладовой № 7, в слое древнего мусора, под сосудами с зерном кунжута, были найдены три обломка глиняных табличек с клинописью. По определению И. М. Дьяконова¹ эти таблички, по палеографии весьма близкие к происходящим из центра Урарту (Топрак-кале), принадлежат хозяйственному архиву крепости, на что указывают обилие цифр, перечни имен и наличие на одном из обломков оттиска печати.

В 1949 г. в верхнем слое кладовой № 28, около камней обрушившейся базальтовой башенки, повредившей западный выступ помещения, была найдена глиняная табличка, с крупным сколом на поверхности и отбитой нижней частью (шир. 6,8 см, выс. 6,8 см).

На лицевой стороне сохранились 12 строк клинописного текста и остатки знаков тринадцатой строки.

Привожу текст таблички в транскрипции И. М. Дьяконова:

1. ^mZ(u-x-a?)-[še¹ ba-ú-še
2. šī-ú-n [i ^mx-x]-i-e
3. ^mBu-[. ^{a.n}]ētu(?) ABNU-šīPĀTU(?)
4. ^{md}Hal[-di ^a]ētu(?) ŠĀ-U(?)
5. ^mHa-lu-[ù]-a ħi-ni
6. IV-ni da[.]-gu-ni
7. I SiSU [. À]š(?) ŠĀBU-a-di
8. VI ALPU ul-da-[s] i-di-tù-bi
9. e-li-a' uš-tù-ù-bi
10. ù-i ALU-ri-še šī-ù-n[i]
11. tu (?) -bi-ni-e-di e' [. . .]
12. s[u-e]i uš-[tu?]-i-[bi]
13. a
14.

¹ Эпиграфика Востока. II, 1948, стр. 86.

Первые две строки определяют характер документа. В начале стоит мужское имя в эргативном падеже, в переводе соответствующем нашему именительному. Далее идет слово, означающее «приказ», «письмо», «слово», затем глагол «послал» и в конце второй строки сохранился суффикс дательного падежа второго собственного имени. Таким обра-

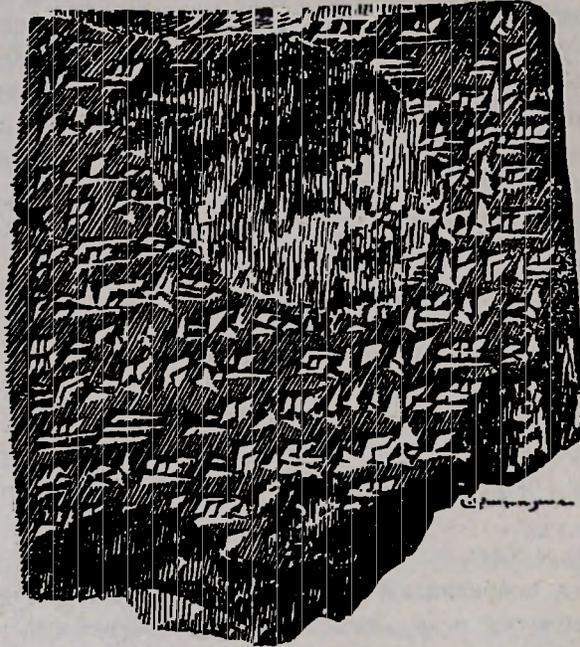

Рис. 43. Глиняная табличка с клинописью.

зом, весь текст надо рассматривать как письмо или приказ.

И. М. Дьяконов предлагает следующий перевод: „Зу...а слово (приказ) послал к...“.

Далее в строках 3—5 шли собственные имена лиц, с указанием профессий, причем одно имя было теофорным и от него сохранился первый слог имени бога Халди.

В строках 6—10: „четыре... он привел (?), одну лошадь и фураж (?) для воинов, шесть быков я отправил,

(а) не город послал“. Далее идет текст, не поддающийся переводу.

Несмотря на большие затруднения в переводе и плохой сохранности текста, смысл его все же ясен. В приказе говорится об отправке четырех поименованных ремесленников, лошади с фуражем для воинов и шести быков. На обратной стороне таблички—оттиски цилиндрической и круглой печати. На прокатке цилиндрической печати сохранились две строки клинописного текста, в верхней части и нижней. От верхней строки остался лишь хорошо различимый знак в средней части. Внизу: KUN-UKKU^{me^lua-}]-da-i, т. е. «печать» должностного лица, вероятно чиновника крепостной канцелярии.

Откатка печати в значительной части обита, и изображения не различимы. В левой части как-будто различается хвост лошади, сидящая фигурка и летящая птица. Если это так, то изображение на цилиндрической поверхности печати совпадает с изображением на ее нижней части, оттиск которой хорошо сохранился. Тут изображен мифический крылатый конь, от его груди отходят две человеческие руки, одна поднятая вверх, другая опущенная, с корзиной. Над конем летящая птица, сзади сидящая фигурка человека (?). Возможно, на цилиндрической

поверхности это изображение мифического коня было помещено перед священным деревом. Такая композиция известна на древневосточных печатях¹. На поверхности оборотной стороны хорошо заметно несколько строк затертого в древности клинописного текста.

Обстоятельства находки таблички позволяют предположить, что она происходит из архива крепости, обнаруженного скифами при разрывании помещений дворца после пожара, и была ими брошена за ненадобностью.

* * *

Раскопки Кармир-блур дали нам значительное количество урартских клинообразных надписей, являющихся надежным датирующим материалом и разъясняющих частично историю города Тейшебаини и отдельные стороны урартской культуры.

Привожу список всех надписей, найденных на Кармир-блуре (вначале стоит год находки в сокращенном виде, как, например, 36 вместо 1936 и порядковый номер надписи).

- 36—1. Обломок камня из кладки стены с остатками надписи Русы, сына Аргишти. Найден в 1936 г. А. П. Демехиным. (К. Г. Кафадарян, Известия Института истории и литературы, II, 1937, Ереван, на арм. яз.).
- 39—2. Обломок камня из кладки стены с отдельными клинописными знаками. Найден К. Г. Кафадаряном в 1939 г. в первый день раскопок (К. Г. Кафадарян, Изв. Арм. филиала Ак. наук СССР, 1940, № 3).
- 40—3. Надпись на бронзовом щите Аргишти, сына Менуа, из кладовой № 3 (М. Израелян, Труды Кабинета Н. Я. Марра Ереванского гос. университета, № 2, Ереван, 1947; Б. Б. Пиотровский, Эпиграфика Востока, III, 1949).
- 40—4. Остатки клинописного текста молитвы на бронзовом амулете в виде лунницы из помещения, примыкающего к кладовой № 21 (Б. Б. Пиотровский, Урарту, рис. 30 и Кармир-блур, I, рис. 49).
- 40—5. Надпись Сардури, сына Аргишти, на бронзовом колчане из кладовой № 5.
- 46—5. Надпись Русы, сына Аргишти, на части бронзового замка, найденного у двери в кладовую № 12 (М. Израелян, Труды Кабинета Н. Я. Марра Ерев. гос. ун-та, № 2, 1947; Б. Б. Пиотровский, Эпиграфика Востока, II, 1948).
- 46—7 и 8. Остатки двух надписей на бронзовых умбонах, найденных в жилище во дворе цитадели, у северо-западных ворот.
- 46—9. Обломки трех глиняных табличек с остатками клинописного—11. текста (И. М. Дьяконов, Эпиграфика Востока, II, 1948).
- 47—12. Надпись Сардури, сына Аргишти, на бронзовом шлеме, найденном в кладовой № 10 (Б. Б. Пиотровский, Эпиграфика Востока, III, 1949).

¹ См. W. H. Ward, The seal cylinders of Western Asia, 1910, № 795.

- 48—13. Надпись Сардури, сына Аргишти, на колчане, найденном в кладовой № 13 (Б. Б. Пиотровский, Эпиграфика Востока, III, 1949).
- 49—14 Клинописные отметки емкости в мерах акарки и теруси на —33. двадцати карасах из кладовой № 25.
- 49—34 Надписи царя Менуа на шести бронзовых чашах из кладовой —39. № 25.
- 49—40. Надпись царя Аргишти на чаше из кладовой № 25.
- 49—41. Надпись царя Аргишти на чаше из кладовой № 25.
- 49—42 Надписи царя Сардури на четырнадцать чашах из кладовой —55. № 25.
- 49—56 Надписи царя Сардури на двух чашах из кладовой № 25. и 57.
- 49—58 Надписи царя Сардури на шестидесяти семи чашах из кладовой — 124. воей № 25.
- 49—125 Надписи царя Русы на пяти чашах из кладовой № 25. —129.
- 49—130. Надпись царя Русы на чаше из кладовой № 25.
- 49—131. Глиняная табличка с клинописным текстом из верхнего слоя кладовой № 25.
- 50—132. Надпись Аргишти, сына Менуа, на бронзовом щите из кладовой № 28.
- 50—133. Надпись Русы, сына Сардури, на бронзовом щите из кладовой № 28.
- 50—134. Надпись Аргишти, сына Менуа, на бронзовом колчане из кладовой № 28.
- 50—135. Надпись Аргишти, сына Менуа, на бронзовом шлеме из кладовой № 28.
- 50—136. Надпись Аргишти, сына Менуа, на бронзовом умбоне из кладовой № 28.
- 50—137 Надпись Сардури, сына Аргишти, на четырех бронзовых умбонах щитов из кладовой № 28.
- 51—141. Надпись Аргишти, сына Менуа, на бронзовом щите, украшенном изображениями львов и быков из кладовой № 34.
- 51—142. Надпись Аргишти, сына Менуа, на бронзовом щите из кладовой А (примыкающей с западной стороны к кладовым № 19 и 20).
- 15—143. Надпись Сардури, сына Аргишти, на обломках бронзового щита из кладовой А.
- 51—144. Надпись с именем Сардури на обломках бронзового щита из кладовой № 33.

В. С. СОРОКИН

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ

Древнее поселение у Кармир-блуря занимало территорию площадью около 40 гектаров. Оно располагалось на равнине у южного обрывистого края каньона р. Раздан (Зангу) к западу и югу от холма. С восточной стороны его ограждала мощная стена, являющаяся продолжением обращенных к реке укреплений цитадели. Делая поворот под прямым углом, стена на протяжении около 300 м охватывала поселение и с юга, заканчиваясь крупной башней, возможно частью ворот. Дальше не обнаружено никаких следов оборонительных сооружений на линии их естественного продолжения и, хотя необходимы дальнейшие поиски в других направлениях, в настоящее время создается впечатление, что укрепление поселения не было закончено к моменту его гибели. Остатки стен обнаружены и на протяжении нескольких десятков метров вдоль обрыва у западных ворот цитадели, однако и здесь их продолжение не найдено.

На площади, некогда занятой поселением, заметны следы трех прямых улиц шириной около 6 метров, идущих с небольшим отклонением в западно-восточном направлении, и одной улицы, их пересекающей. Поселение было тесно застроено примыкающими друг к другу жилищами (рис. 43), стены которых сооружались без связывающего материала, из грубо обработанного, не имеющего правильной формы камня местной андезито-базальтовой породы серого цвета. Более тщательная обработка строительного материала производилась лишь в специальных случаях, например, при сооружении дверных проемов, очагов, изготовлении порогов, подпятников дверных осей или опорных баз для столбов, поддерживавших кровли. В этих случаях употреблялась мягкая порода камня—туф.

Жилища, как правило, состояли из нескольких (обычно трех) помещений, сообщающихся между собой узкими (60—70 см) дверными проемами с высокими порогами. Двери, там где их существование несомненно, были деревянными и вращались на вертикальной оси, нижний конец которой (пята) опирался на камень, вкопанный в земляной пол и имевший специальное углубление (подпятник). В помещ. 1 (48) подобное углубление было сделано в большом камне, обработанном в виде лесенки о двух ступенях. Кровли были, вероятно, плоскими и поддерживались вертикально поставленными столбами.

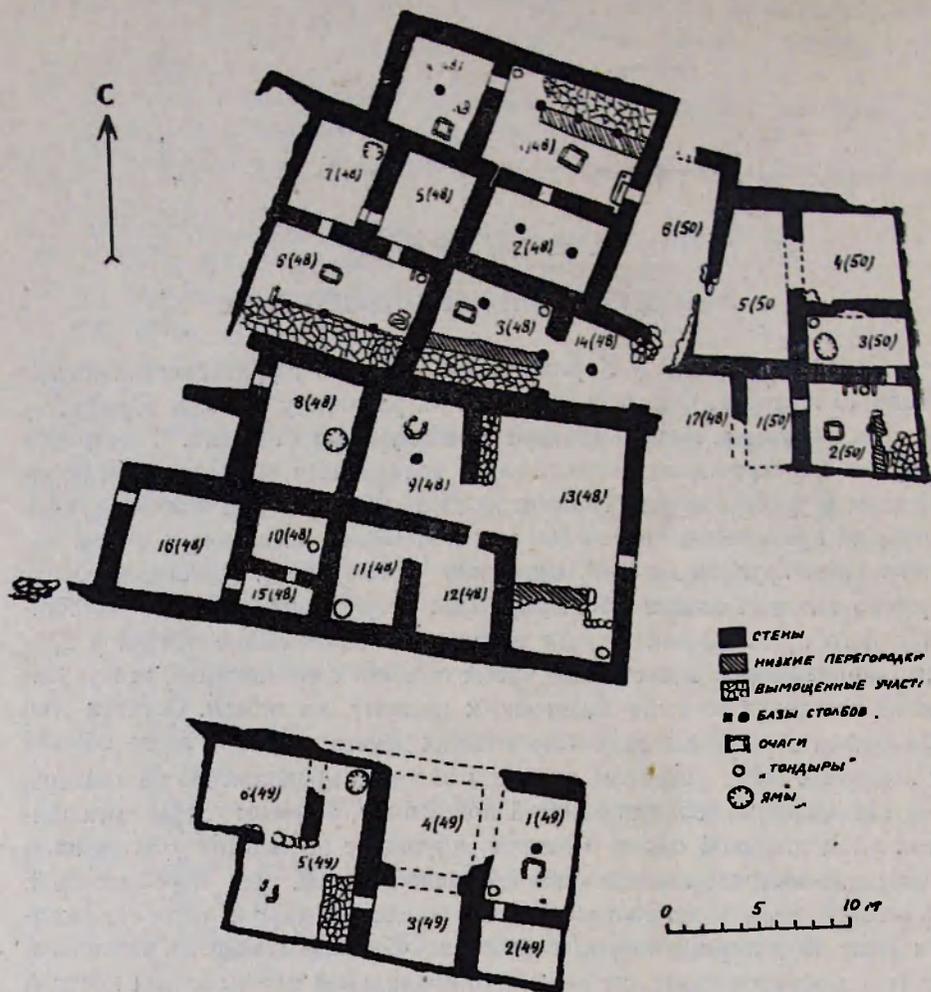

Рис. 44. План раскопанного участка города.

Несмотря на ряд существенных отклонений устанавливается тип жилища, характерного для всего поселения. Таких типичных жилищ обнаружено уже пять. Их отличительной особенностью является наличие главных помещений, хотя и не занимающих постоянного положения в отношении общей планировки дома, также не являющейся стандартной, и не повторяющих в точности один и тот же план, однако обладающих рядом весьма существенных деталей, придающих им одинаковый, совершенно определенный и своеобразный облик. Образцом такого помещения может служить помещ. 1 (48). Это—прямоугольное помещение площадью около 44 кв. метров с земляным полом. В нем на расстоянии несколько более двух метров от входной двери расположен прямоугольный очаг, сложенный из туфовых блоков, обработанных в форме прямоугольных призм. Часть помещения вдоль обращенной к северу стены

отгорожена низкой каменной перегородкой, причем отгороженное узкое пространство, пол которого ниже уровня пола остального помещения, вымощено плоскими камнями. В перегородку включены три опорные базы для столбов. В углу, у двери в помещение 4(48), стоит вкопанный в пол на небольшую глубину глиняный цилиндр без дна, назначение которого пока не установлено; несмотря на внешнее сходство, он все же, по видимому, не имеет ничего общего с характерным кавказским очагом-тондыром, служащим для выпечки хлеба. К главному помещению примыкают два второстепенных помещения 2(48) и 4(48), соединяющиеся с ним узкими дверными проемами. Точно такой же характер, несмотря на отличие в планировке и положении по отношению к второстепенным помещениям, имеют главные помещения 3(48), 6(48), 5(49) и 2(50). Во всех них мы видим прямоугольный очаг, отгороженный мощеный участок и даже «тондыр», которого, как и опорных баз столбов, не оказалось только в помещении 5(49), вообще сохранившемся значительно хуже всех остальных.

Рассматривая план всего раскопанного жилого комплекса в целом, мы видим, что жилища не могли иметь бокового освещения, т. к. подавляющее большинство помещений не имеет внешних, уличных стен, и что поэтому освещение могло быть только верхним. Естественно, что в первую очередь должно было освещаться главное помещение, так как здесь, у очага протекала основная домашняя деятельность обитателей дома. Отверстие для света одновременно служило и для выхода дыма из очага. Наличие в главных помещениях опорных туфовых баз для столбов, поддерживавших кровлю, включенных в низкую перегородку, отгораживающих вымощенный участок, указывает на то, что часть его была перекрыта. Второстепенные помещения жилищ нашего поселения освещались через двери и были полутемными.

Весьма важной особенностью раскопанных домов является полное отсутствие в них хозяйственных помещений: мест для хранения продовольственных запасов и хлевов для скота. Эта их особенность имеет существенное значение для определения социального облика жителей поселения.

Другим подтверждением урартской принадлежности описанного типа жилищ является полное совпадение вещественного материала, найденного при раскопках поселения, с материалом из цитадели-дворца. Сравнение керамики—этого наиболее массового раскопчного материала—не оставляет на этот счет никаких сомнений. Полную аналогию представляет и ряд других изделий—железный нож, серп, печать из жировища типичной урартской формы («колокольчик») и предмет неизвестного назначения в виде слегка вогнутого железного диска с прикрепленной к нему короткой железной же ручкой («жаровня»). В поселении найдены и предметы бесспорно местного происхождения, что не удивительно ввиду сравнительно длительного существования цитадели и поселения и несомненного контакта их с местной средой. В этой связи нужно прежде всего упомянуть маслобойки в виде довольно больших

керамических сосудов, выразительными особенностями которых является наличие одной горизонтально расположенной ручки в верхней части сосуда, невысокого выступа со сквозным отверстием рядом с ручкой и широко отогнутого округлого венчика, удобного для завязывания горла при сбивании масла. Подобные маслобойки были распространены в древности по всему Закавказью. Б. А. Куфтин находил их в погребениях в каменных ящиках в Триалети и относил их к ванской эпохе¹. С. М. Казиев обнаружил их в Мингечауре в грунтовых могилах с сильно скорченными скелетами и многочисленным инвентарем, особенно керамикой². Наша маслобойка, правда, отличающаяся от вышесписанных наличием заостренных, прилепленных к внутренней поверхности выступов и богатой орнаментацией снаружи, но в остальном точно такая же, относится к началу VI в. до н. э. и таким образом подтверждает широкое распространение сосудов этого типа по Закавказью в эпоху предшествующую и совпадающую со временем существования кармирблурского поселения. Добавим к этому указание С. И. Макалатиа на современное употребление подобных маслоек в Мтиулети, и их местное происхождение будет для нас несомненным. Интересно, что фрагментированная маслобойка, найденная в 1947 г. в «комнате привратника» у южных ворот цитадели, повторяет маслобойку из поселения только общей формой сосуда (поскольку можно судить при отсутствии его верхней части) и наличием приостренных налепов на внутренней поверхности, отличаясь такой существенной деталью, как вертикальным расположением ручки, отсутствием дырочки в дне, а также качеством глины и характером обжига. В то время как маслобойка из поселения изготовлена из довольно грубого теста и имеет серый цвет, маслобойка из цитадели представляет собой прекрасно сформованный и хорошо обожженный сосуд из хорошей глины с черепком ровного кирпично-красного цвета как с поверхности, так и в изломе. Всего вероятнее, техника изготовления в сочетании с нарушением непривычного расположения деталей (горизонтальная ручка) указывает на неумелое подражание урартского гончара местному образцу.

С подобным же случаем мы сталкиваемся и при рассмотрении другой группы несомненно местной керамики. Речь идет о кувшинах различных размеров, округлых, широкобоких и с небольшим дном. Эти сосуды украшались рельефом и лощением и имели весьма характерную отличительную особенность—ручку, по внешней поверхности которой проходит глубокая прорезь в виде налегающих друг на друга треугольных вдавлений. Подобные сосуды известны из раскопок могильника Шайтан-даг (на р. Дебед) и в районе оз. Севан, в частности в сел. Головино, и датируются VII—VI вв. до н. э.³ Несколько выразительных

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, стр. 57, табл. XXIX.

² Материальная культура Азербайджана, 1, С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 16—18, рис. 5.

³ Кармир-блур, 1, стр. 36.

фрагментов подобных сосудов найдено и при раскопках нашего поселения. Интересно, что и в цитадели такие сосуды довольно часты, отличаясь только высоким качеством изготовления. Однако мне известен один сосуд этого типа, хранящийся в Эрмитаже (№ 17491), обнаруживающий, подобно маслобойке из «комнаты привратника», яркие признаки изготовления его урартским гончаром. Он красный, лощеный, т. е. по технике изготовления типично урартский (местные кувшины всегда черные или коричневые), и ступенчатая прорезь на его ручке двойная, чего никогда не бывает на местных кувшинах.

Наконец, из местных предметов, заслуживающих упоминания, укажу на белую каменную бусину типа «домино», найденную в помещении 2(50), совершенно подобную бусам, которые Б. А. Куфтин датирует ванской эпохой¹.

Все эти факты, иллюстрирующие проникновение местных элементов материальной культуры в жизнь урартского поселения, ни в коей мере не затемяют полного совпадения подавляющего большинства вещественных памятников из поселения и цитадели. Но они интересны и в другом отношении. Датируясь на основании закавказских археологических данных временем никак не позднее VI в. до н. э., а в основном относясь к предшествующему времени, они выразительно подчеркивают отсутствие более поздних материалов и тем самым документируют прекращение жизни поселения в начале VI в. до н. э., что естественно связать со временем гибели цитадели-дворца вероятнее всего во втором или третьем десятилетии этого века.

Указанные черты поселения как в части архитектуры, так и в части вещественного материала не оставляют, с моей точки зрения, никакого сомнения в его урартском характере и заставляют поставить вопрос о его социальном облике и значении.

При раскапывании жилищ поселения установлено, что оно было внезапно покинуто жителями, которые уже никогда не вернулись в свои дома. Как правило, из многочисленных обломков керамических изделий удается собрать целиком только крупные сосуды, которые в спешке невозможно было захватить с собой. Мелкие сосуды почти всегда представлены лишь отдельными фрагментами—несомненно втоптаннами в земляной пол обломками сосудов, случайно разбитых при более спокойных обстоятельствах. Замечательное подтверждение тревоги и спешки при оставлении жилищ найдено в 1950 г. В помещ. 1(50) прямо против порога в помещение 2(50) удалось расчистить уроненные здесь сосуды и переносный плоский глиняный очаг, подобный очагу третьего типа, по Б. Б. Пиотровскому, из временного жилища во дворе цитадели.² Один из этих сосудов—сигарообразный кувшин—интересен тем, что клеймо, дважды оттиснутое на его боках, сделано тем же штампом, что и дважды оттиснутое клеймо на боках сигарообразного сосуда из времен-

¹ Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 56—57.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 24.

ного жилища во дворе цитадели. Крупные обломки кувшина с клеймами лежали в помещ. 1 (50) так, что если кто-нибудь захотел бы войти в дверь этого помещения, он или должен был раздавить их или убрать с дороги. Ни того, ни другого не произошло и, следовательно, после того, как кувшин был уронен, никто в эту дверь не входил. Второй сосуд—небольшая широкая чаша на полой ножке—интересен, в том отношении, что представляет собой бесспорно урартское изделие, вероятно, привезенное из центра государства (рис. 44). Помимо внешнего облика (красная, лощеная), что уже представляется достаточным основанием считать ее урартской, она является полной аналогией красной лощеной чаше, от которой сохранилась лишь ножка, найденной П. Ф. Петровым в 1914 г. в урартском могильнике у подошвы Арарата близ сел. Малаклю¹. Наконец, на

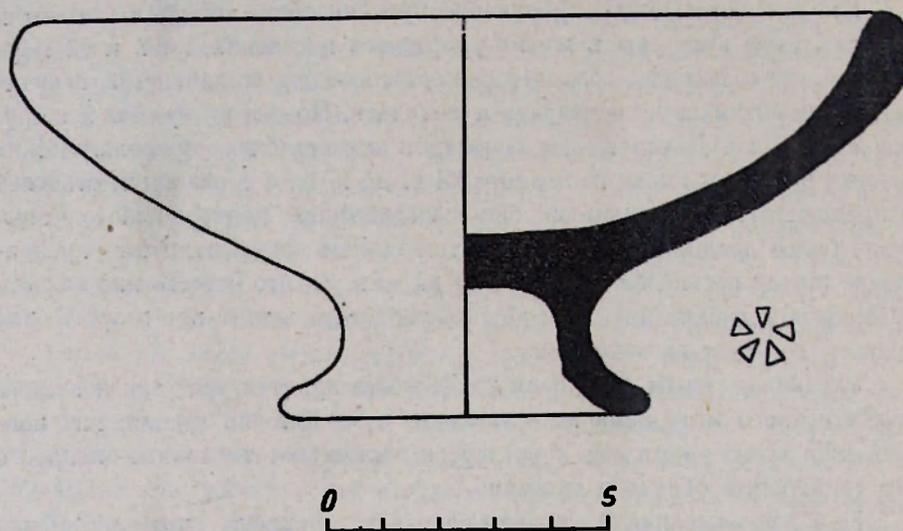

Рис 45. Красная лощеная чашка со штампом.

нашей чаше снизу, в том месте, где начинается ножка, имеются два клейма в виде розетки, образованной пятью клинообразными оттисками, расположенными по кругу остриями к центру. Подобные клейма имеются на трех хранящихся в Эрмитаже доньшках мисок из Топрах-кале, г. е. из города Тушпы, столицы государства Урарту². На одном доньшке розетка образована пятью клинообразными оттисками, на другом—четырьмя, на третьем—тремя. Несомненно, что наша чаша привезена из города Тушпы в город Тейшебаини (у Кармир-блур), как ни трудно отказаться от соблазнительного предположения, что перед нами изделие урартского гончара, переселившегося из центра государства на его окраину. Клейма на

¹ Б. А. Куфтин, Урартский „колумбарий“ у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, Вестник Гос. музея Грузии, т. XIII В, Тбилиси, 1943, стр. 20, рис. 183 и табл. 1.

² Инв. №№ 16025, 16030, 16005.

нашей чаше совершенно одиноки среди клейм керамики Кармир-блур. и это заставляет считать ее привозной. Однако она сослужит другую службу, поскольку является доказательством, что мелкую посуду и все, что можно было унести, жители поселения, поспешно оставляя дома, стремились захватить с собой.

Куда же бежали они со своим скарбом? Часть их, вероятно, скрылась в горы, другая поспешила укрыться в цитадели, так как само поселение нельзя было защитить от приближающегося врага. Вероятнее всего обнесение поселения стенами к моменту военной угрозы не было еще завершено и значительная часть его была открыта для нападения.

При раскопках цитадели обращает на себя внимание то, что в момент гибели она была перенаселена: люди жили в комнатах, на крышах

и во дворе, во временных жилищах. Эти временные жилища, не всегда даже достроенные, поражают обилием мелкой и средней по размерам легко переносимой глиняной посуды и отсутствием крупных сосудов — черта, противоположная тому, что мы видели в жилищах в поселении. Более того, если в поселении еще не найдены никакие пищевые запасы, то жилища, раскопанные во дворе цитадели, просто уставлены сосудами, полными зерна — пшеницы, ячменя, проса, гороха. Зерно даже засыпалось прямо в вырытые в земле ямы. Становится ясным, что, отправляясь за стены цитадели, в „осадное положение“, жители поселения опорожнили свои большие зерновые сосуды и перенесли зерно в цитадель, используя для этого всю пригодную посуду. Очевидно, цитадель была взята штурмом, а не в результате длительной осады. Хотя и не защитив цитадель, ее стены все же оказали сопротивление врагу. Если у подножья западных стен цитадели и даже между камней самих стен встречены скифские бронзовые наконечники стрел, то в куске обмазки крыши помещения 1(48), упавшей в очаг, удалось обнаружить наконечник урартской железной стрелы, типа хорошо известного по раскопкам в Кармирблурской цитадели. Расстояние по прямой от оборонительных стен цитадели до помещения 1(48) не превышает 130 м, что несомненно меньше дальности полета стрелы.

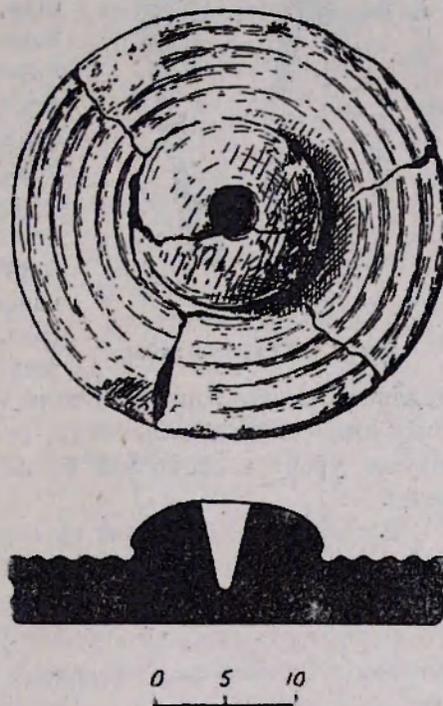

Рис. 46. Глиняный гончарный круг.

Хотя и не защитив цитадель, ее стены все же оказали сопротивление врагу. Если у подножья западных стен цитадели и даже между камней самих стен встречены скифские бронзовые наконечники стрел, то в куске обмазки крыши помещения 1(48), упавшей в очаг, удалось обнаружить наконечник урартской железной стрелы, типа хорошо известного по раскопкам в Кармирблурской цитадели. Расстояние по прямой от оборонительных стен цитадели до помещения 1(48) не превышает 130 м, что несомненно меньше дальности полета стрелы.

Устанавливается, что в кармирблурском поселении жили вонны-урарты¹. Это вполне соответствует той роли, которую призваны были играть урартские укрепленные поселения в завоеванном крае. Грабеж покоренных местных племен, осуществляемый в форме дани, грабеж непокоренных племен, осуществляемый в форме военных экспедиций, базами которых служили эти поселения-крепости, защита освоенной территории от набегов соседей—вот те задачи, которые они осуществляли, пока мощь государства оказалась для этого достаточной. Если к этому добавить, что награбленные у покоренных и непокоренных

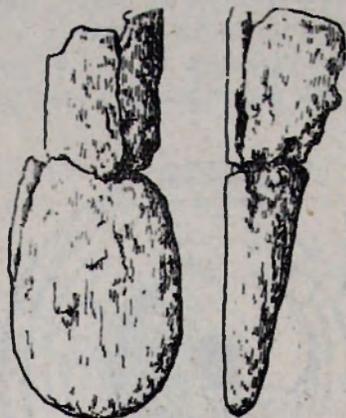

Рис. 47. Железное кайло.

варваров богатства собирались в громадных кладовых, открытых раскопками в цитадели, перерабатывались здесь и затем отправлялись в центр государства, в город Тушпу, то к урартским воинам, жившим в описанных выше жилищах, нужно добавить чиновников и ремесленников. Ремесленные мастерские, которые несомненно существовали, пока еще не открыты. Но может быть помещение 1 (49), в котором были найдены оригинальный, сделанный из глины гончарный круг (рис. 45) железный наконечник кайла для добывания глины (рис. 46), куча которой была обнаружена в соседнем помещении 4 (49), пред-

ставляет жилище гончара. Воины и чиновники были несомненно урартами. Кем были ремесленники, сказать пока нельзя. Возможно, что помимо урартов среди них были представители и иных этнических групп.

Возможно, что наиболее грубую и тяжелую работу в хозяйстве цитадели выполняли и рабы, но это не меняет совершенно ясно рисуемую картину: поселение у Кармир-блур или, вернее, город Тейшебанин, как его называли сами урарты, было урартским военно-административным центром в Закавказье в последний период существования Ванского царства.

¹ Кармир-блур. 1.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ В ТЕКСТЕ

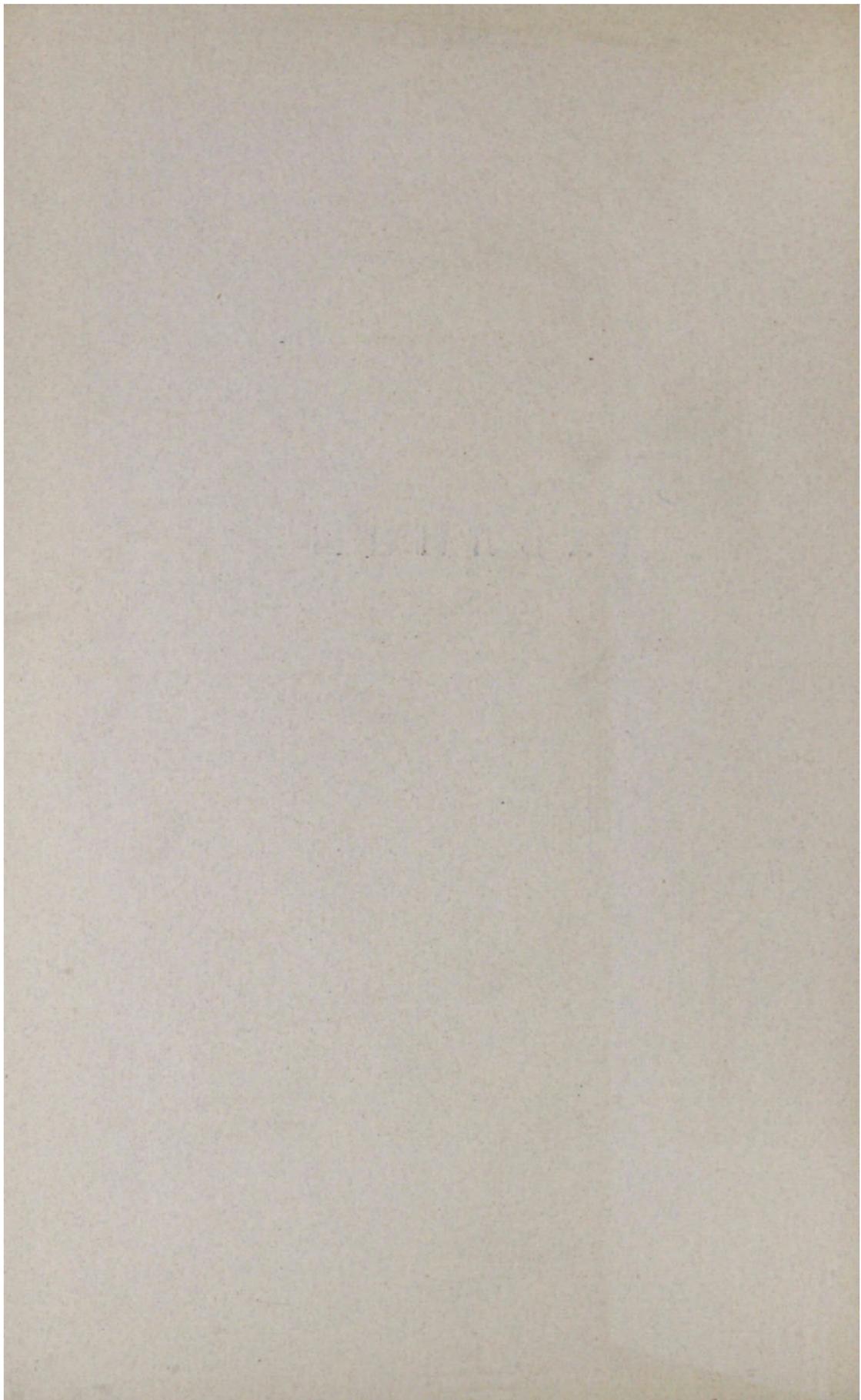
1. Общий план цитадели
2. Кладовая № 25 (схематичный план)
3. Карас с клинописью
4. Знаки на венчиках карасов из кладовой № 25 (№ 1—3) и кладовой № 28 (№ 4—6)
5. Глиняная воронка
6. Железный диск и чаша
7. Глиняный жертвенник
8. Глиняная курильница
9. Глиняные фигурки богов (кладовая № 25)
10. Глиняная фигурка бога-скорпиона (кладовая № 28)
11. Бронзовые наконечники стрел
12. Кладовая № 28 (схематичный план)
13. Глиняные светильники
14. Глиняные грузила
15. Глиняный кувшин
16. Глиняный кувшин
17. Глиняная курильница
18. Бронзовые фибулы
19. Пояс из листовой бронзы и головка барана из рога
20. Обломки бронзового колчана
21. Шлем Аргишти, сына Менуа
22. Урартские печати
23. Урартские печати из сел. Акко
24. Печать двери кладовой № 25
25. Каменный брусок со знаками на нижней части
26. Надписи Менуа на бронзовых чашах
27. Надписи Аргишти и Сардури на бронзовых чашах
28. Надписи Сардури на бронзовых чашах
29. Надписи Сардури на бронзовых чашах
30. Надписи Сардури на бронзовых чашах
31. Надписи Сардури на бронзовых чашах
32. Надписи Русы на бронзовых чашах
33. Надписи на бронзовых умбонах
34. Бронзовый умбон щита с надписью Сардури
35. Карас с клинописным обозначением емкости
36. Клинописные обозначения емкости (кл. № 25)
37. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 25)
38. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 25)
39. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 25)
40. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 28)
41. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 28)
42. Иероглифические обозначения емкости (кл. № 28)

43. Глиняная табличка с клинописью
44. План раскопанного участка города
45. Красная лощеная чашка со штампом
46. Глиняный гончарный круг
47. Железное кайло

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Общий вид на Кармир-блур с юга
2. Кладовая № 25
3. Кладовая № 28
4. Кладовая № 28
5. Кладовая № 28
6. План кладовой № 25 (обмеры К. Л. Оганесяна)
7. План кладовой № 28 (обмеры К. Л. Оганесяна)
8. Кладовая № 28 (рисунок Л. Мнацаканяна)
9. Кладовая № 28 (реконструкция К. Л. Оганесяна, рисунок Л. Мнацаканяна)
10. Базальтовая башенка
11. Шлем царя' Аргишти, сына Менуа (кл. № 28)
12. Шлем Аргишти. Деталь лобной части
13. Шлем Аргишти. Деталь лобной части
14. Шлем Аргишти. Всадник
15. Шлем Аргишти. Боевая колесница
16. Колчан с надписью Аргишти, сына Менуа (кл. № 28)
17. Обломок бронзового котла (кл. № 28)
18. Бронзовые чаши с надписями урартских царей (кл. № 25)
19. Бронзовые умбоны от щитов (кл. № 28)
20. Глиняные фигурки богов (кл. № 25)
21. Глиняные фигурки богов (кл. № 25)
22. Сосуд для зерна (кл. № 28)
23. Сосуд для зерна с иероглифическим обозначением (кл. № 28)
24. Сосуд с комками глины (кл. № 28)

ТАБЛИЦЫ

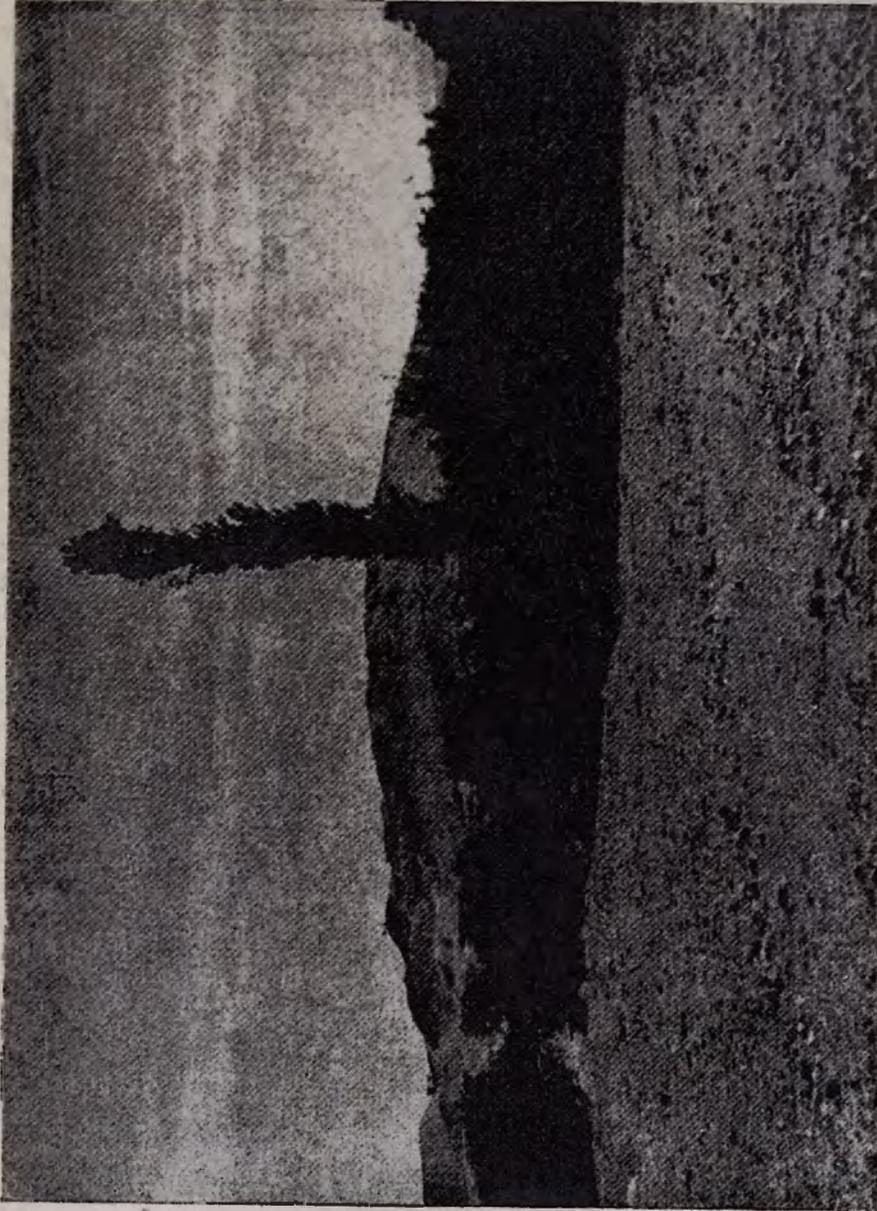

Табл. 1. Общий вид на Кармир-блур с юга.

Табл. 2. Кладовая № 25.

Табл. 3. Кладовая № 28.

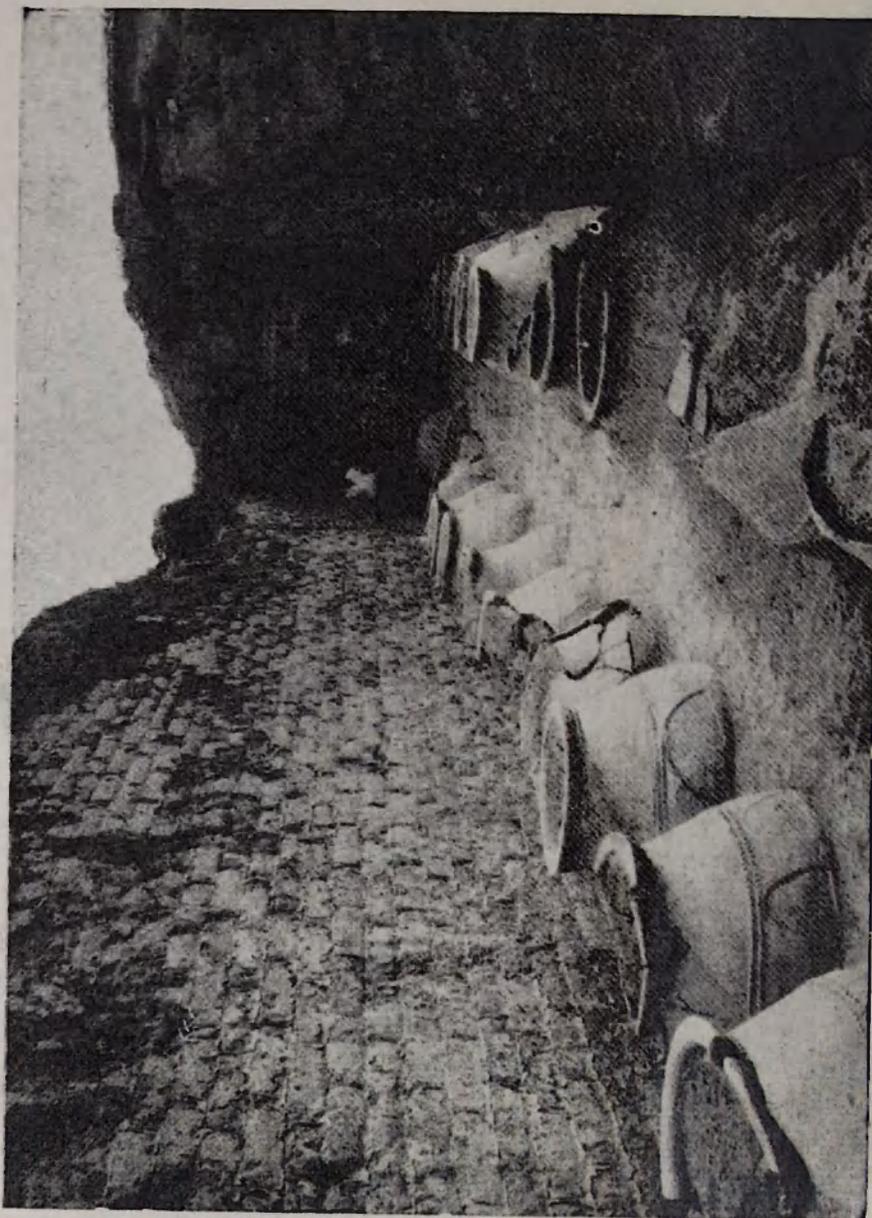

Табл. 4. Кладовая № 28.

Табл. 5. Кладовая № 28.

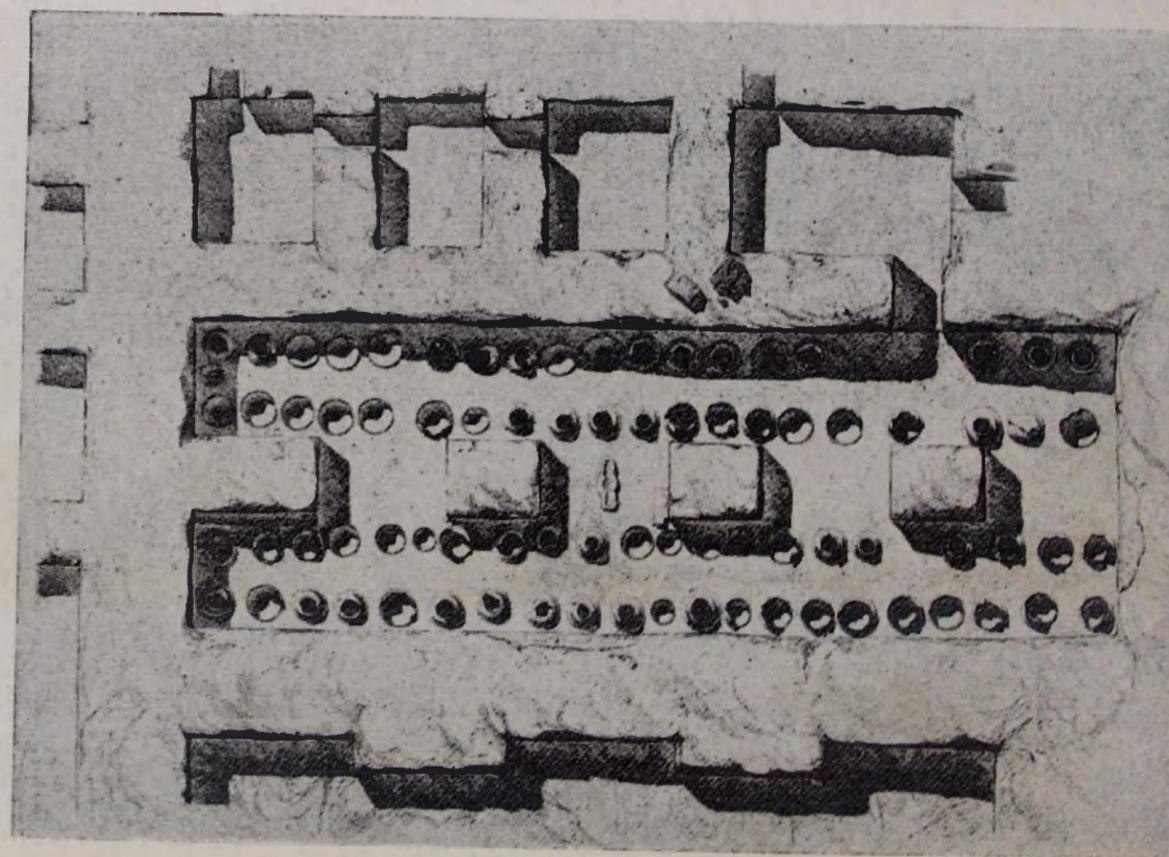

Табл. 6. План кладовой № 25 (обмеры К. Л. Оганесян).

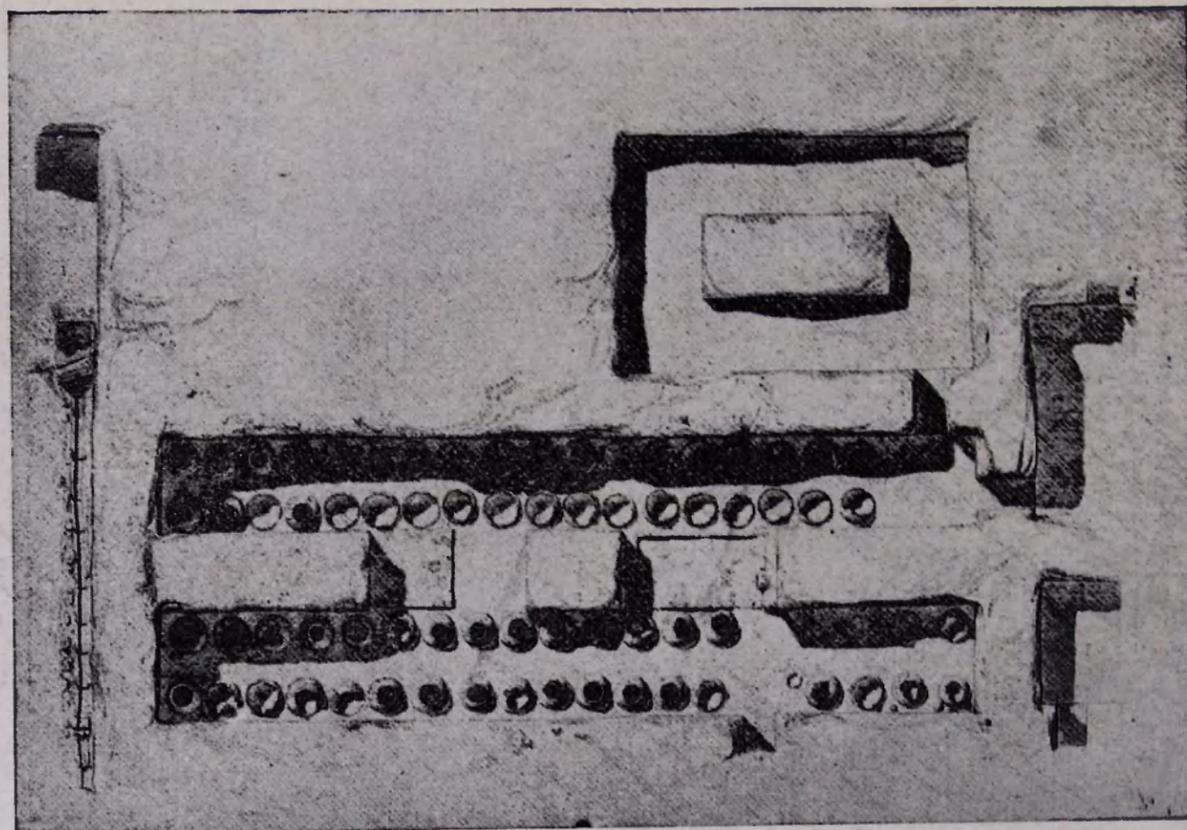

Табл. 7. План кладовой № 28 (обмеры К. Л. Оганесяна).

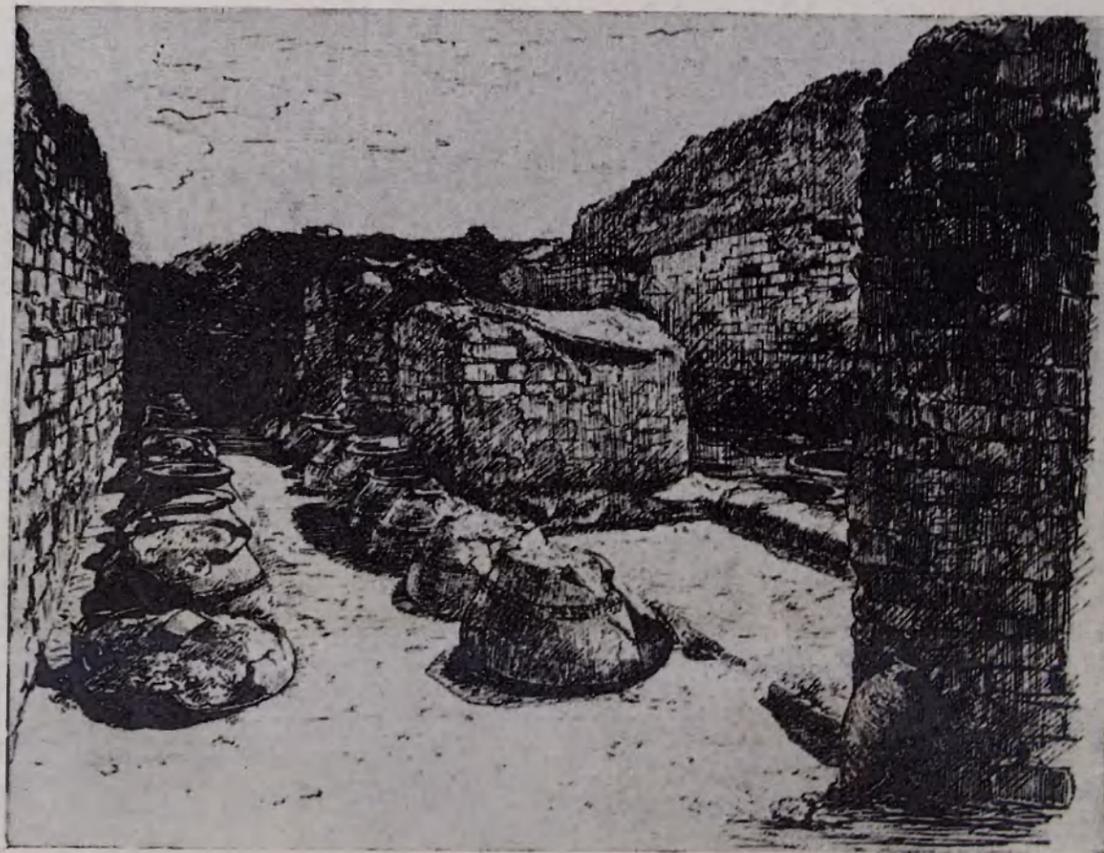

Табл. 8. Кладовая № 28 (рисунок Л. Мнацаканяна).

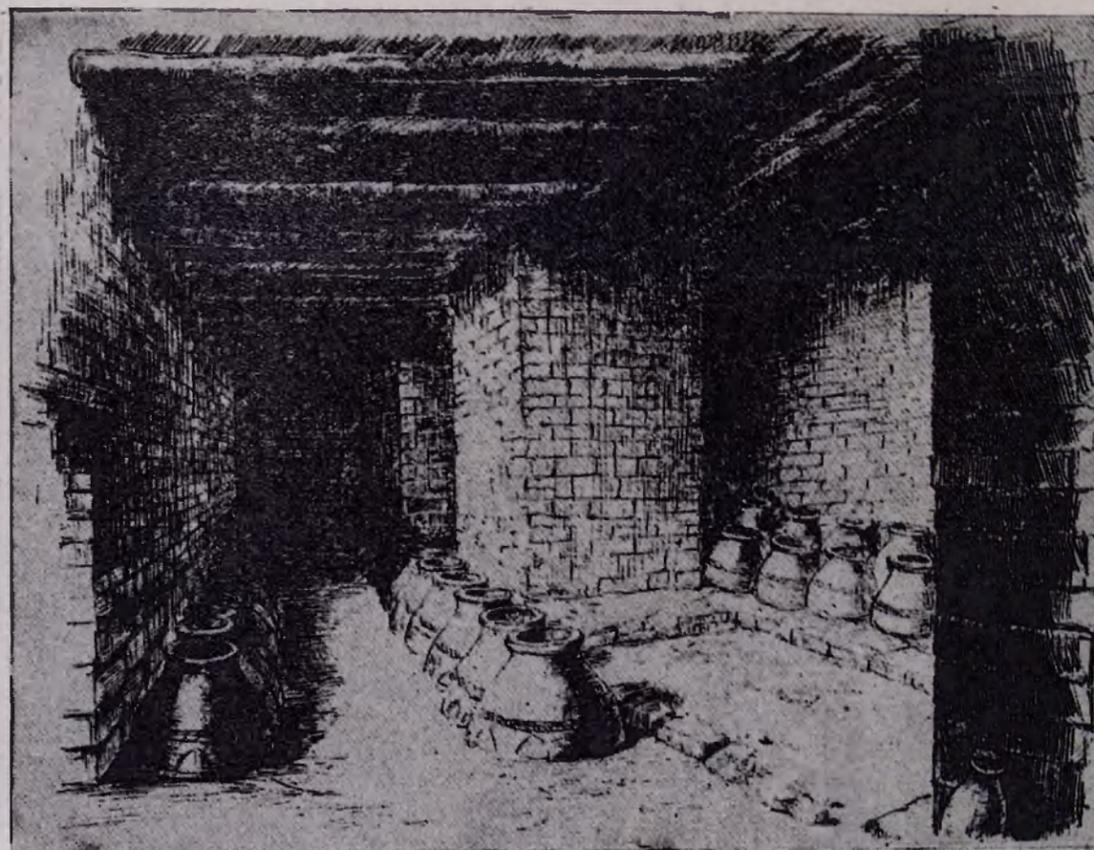

Табл 9 Кладсвая № 28 (рeкoнcтpукция К. Л. О.апсeянa, pиcунок Л. Мнaцaкaнця).

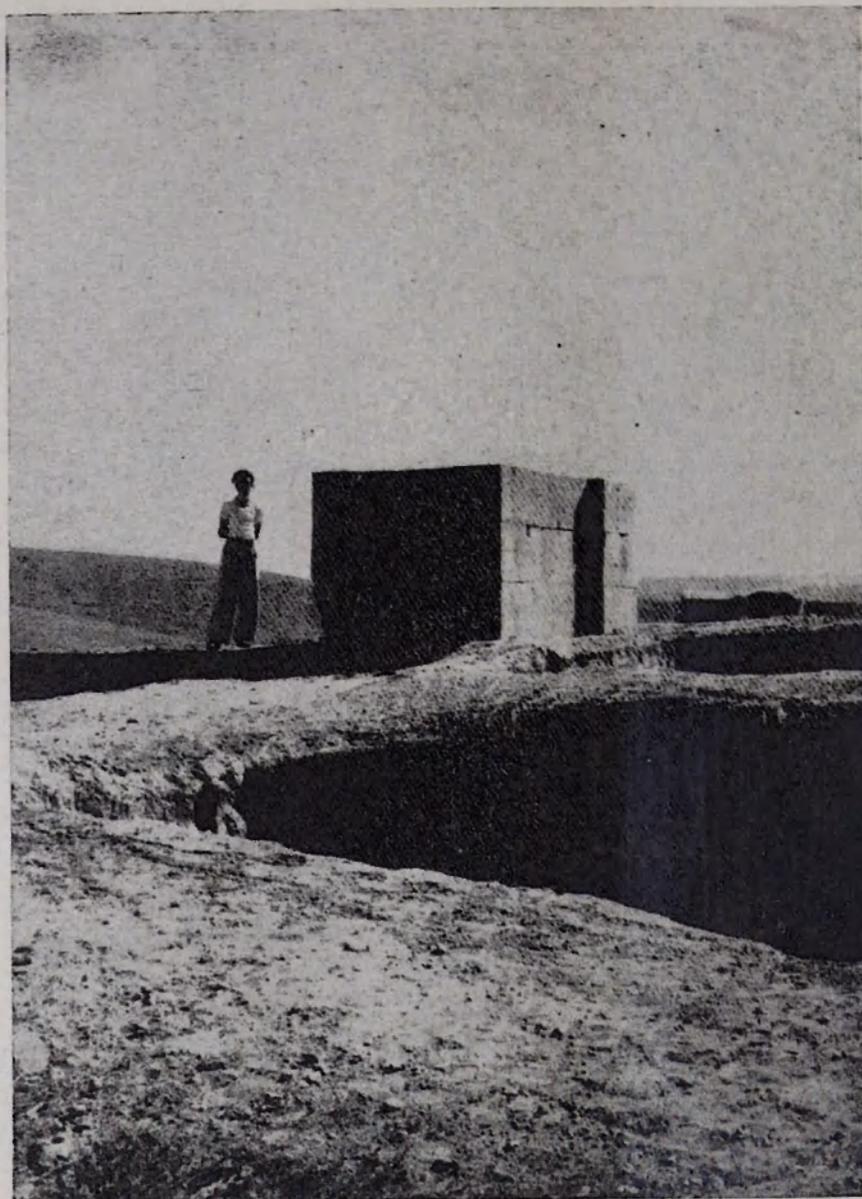

Табл. 10. Базальтовая башенка.

Табл. 11. Шлем царя Аргишти, сына Мевуа (кл. № 28).

Табл. 12. Шлем Аргшти. Деталь лобной части,

Табл. 13. Шлем Аргшти. Деталь лобной части.

Табл. 14. Шлем Аргишти. Всадник.

Табл. 15. Шлем Аргишти. Боевая колесница.

Табл. 16. Колчан с надписью Аргипти, сына Менуа (кл. № 28).

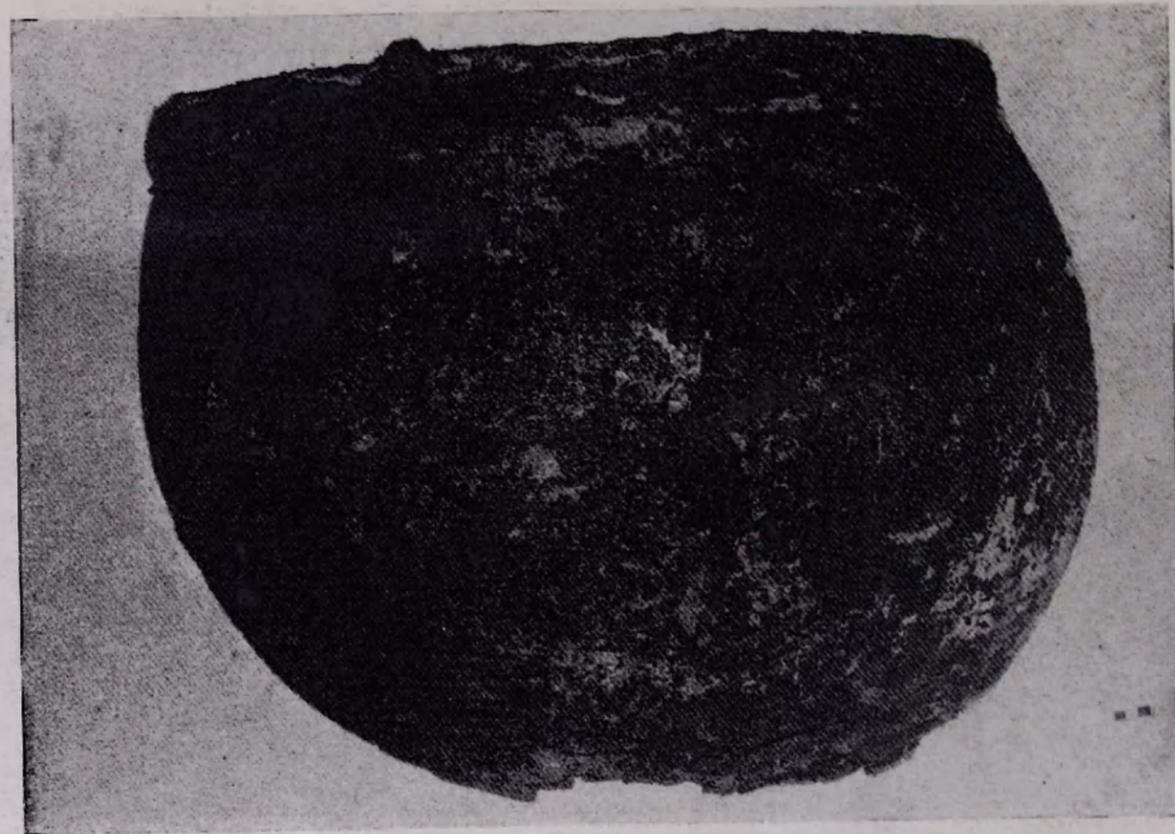

Табл. 17. Обломок бронзового котла (кл. № 28).

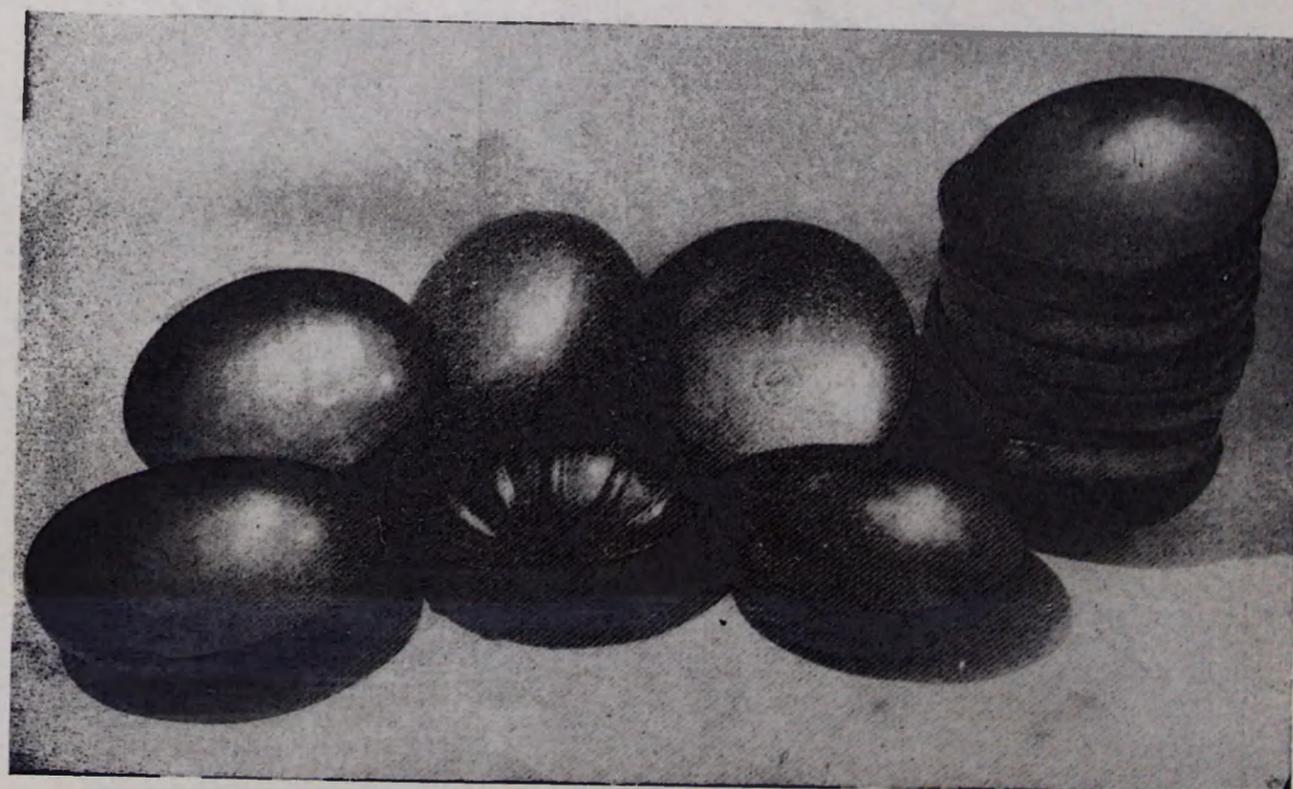

Табл. 18. Бронзовые чаши с надписями урартских царей (кл. № 25).

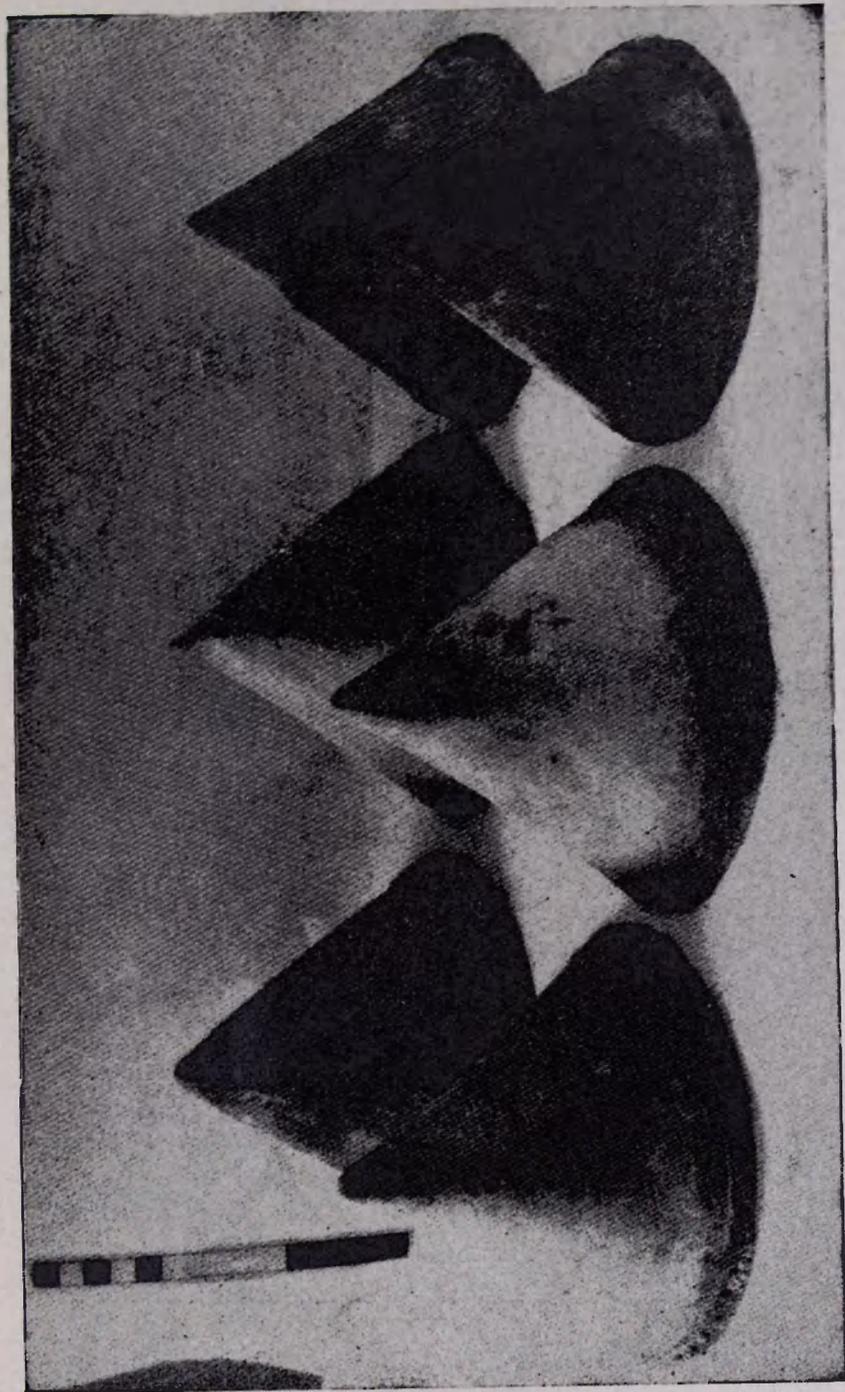

Табл. 19. Бронзовые умбоны от штыгов (кл. № 28).

Табл. 10. Глиняные фигурки богов (кл. № 25).

Табл. 21.

Глиняные фигурки богов (кл. 25).

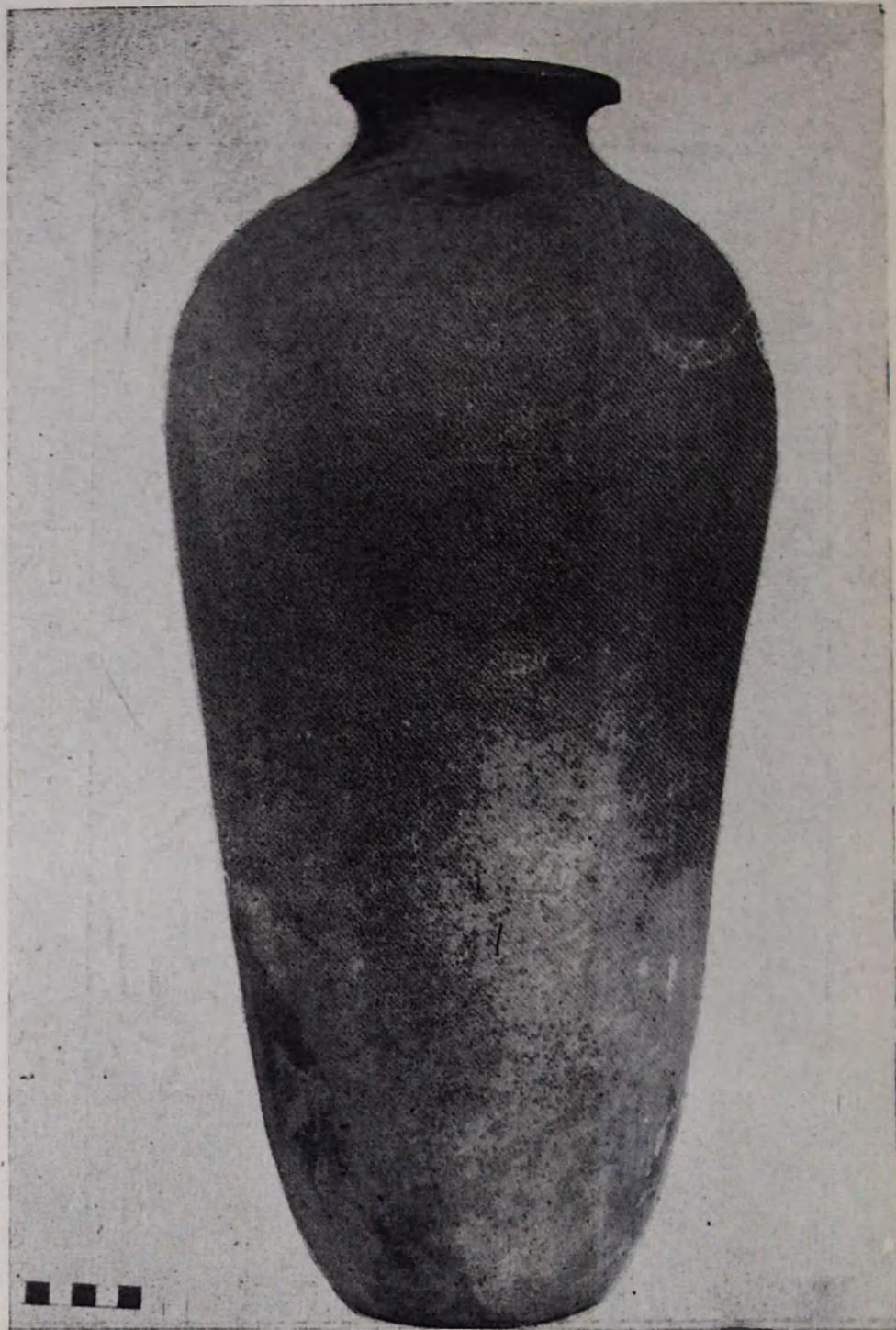

Табл. 22. Сосуд для зерна (кл. № 28).

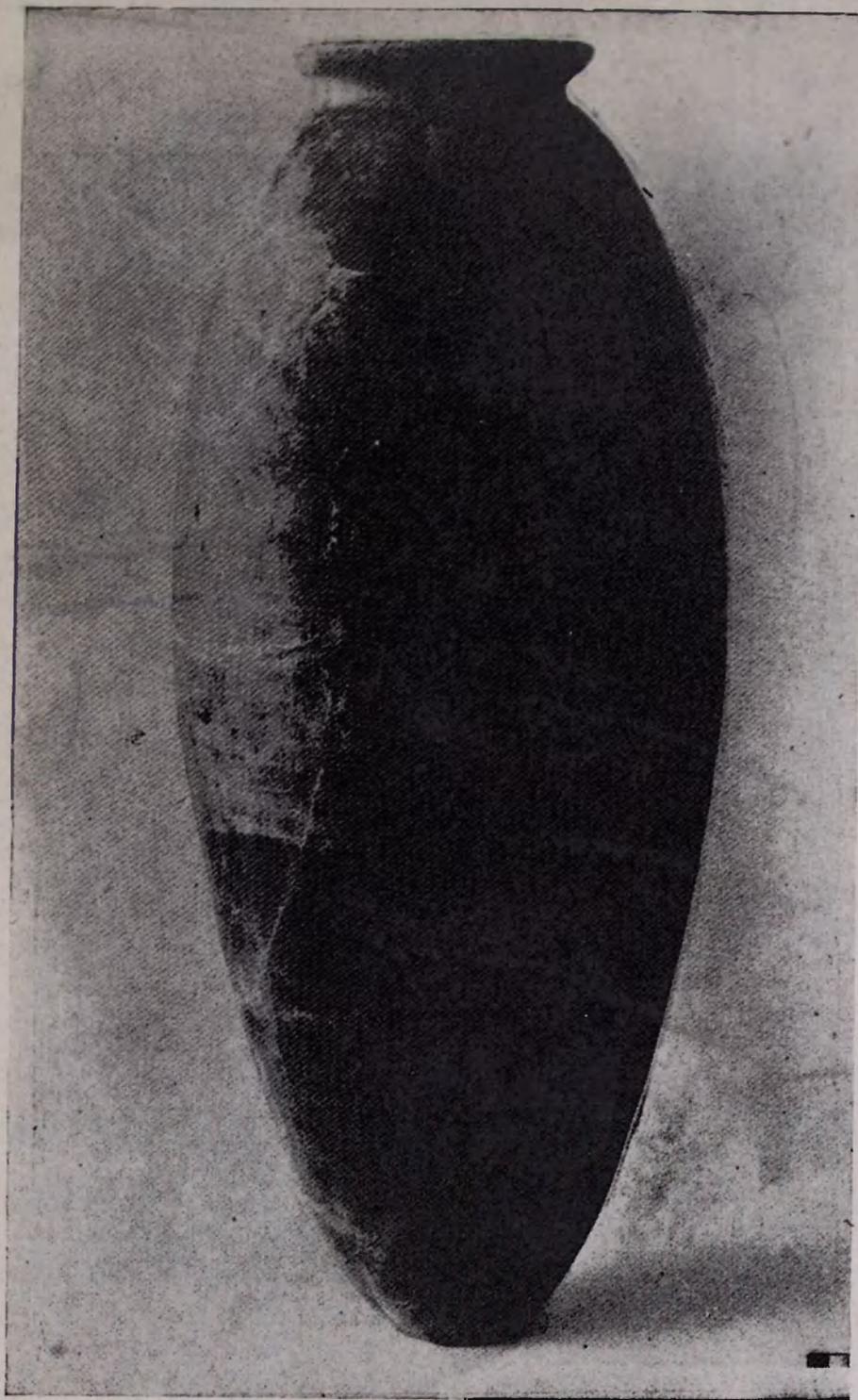

Табл. 23. Сосуд для зерна с иероглифическим обозначением (кл. № 28).

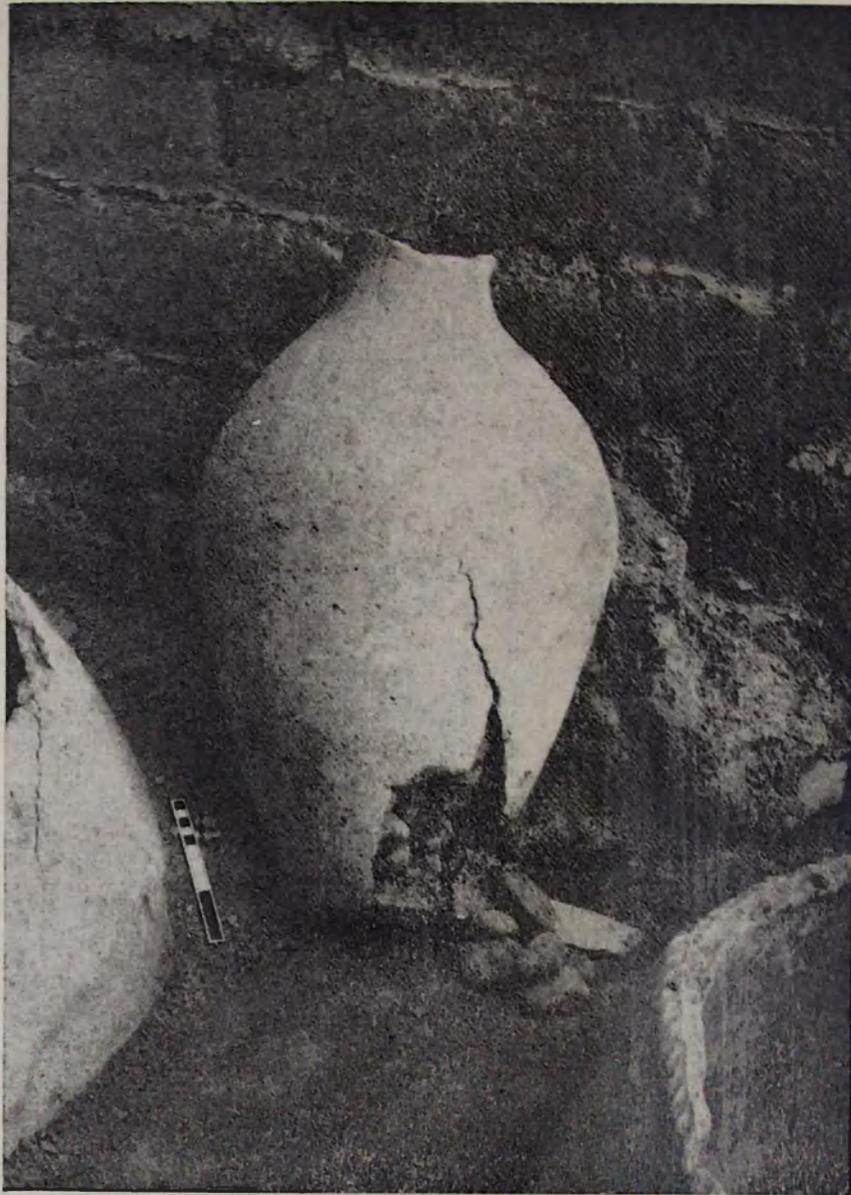

Табл. 24. Сосуд с комками глины (кл. № 28).

СОДЕРЖАНИЕ

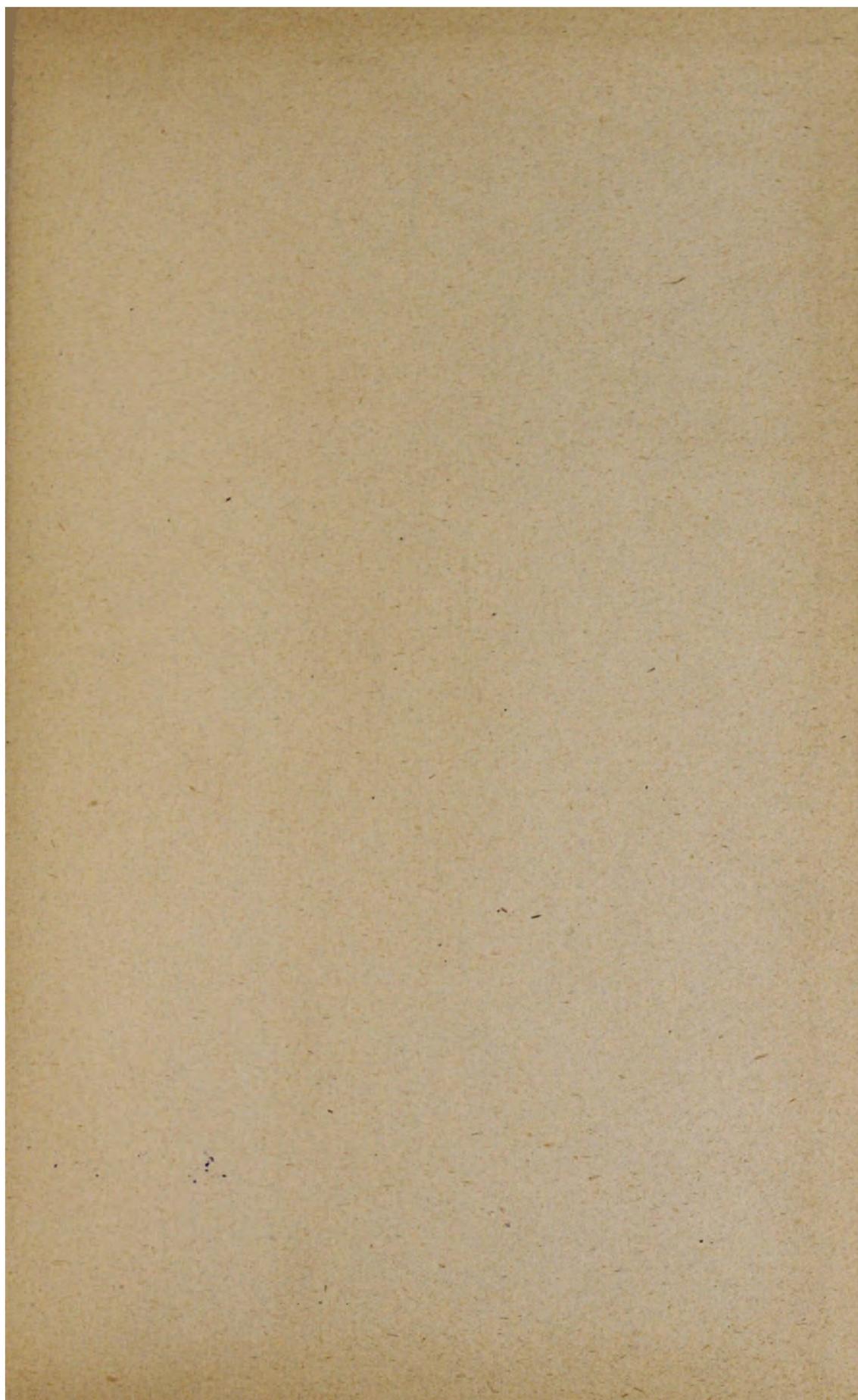
	Стр.
Предисловие	5
Основные результаты раскопок Кармир-Блура	7
Кладовая № 25	15
Кладовая № 28	28
Обломки стенных росписей	41
Урартские печати	45
Урартские клинообразные надписи на бронзовых предметах	49
Клинообразные и иероглифические обозначения емкости на карасах	65
Клинописная табличка	75
<i>В. С. Сорокин</i> —Раскопки древнего поселения	79
Список иллюстраций в тексте	87
Список таблиц	88
Таблицы	89

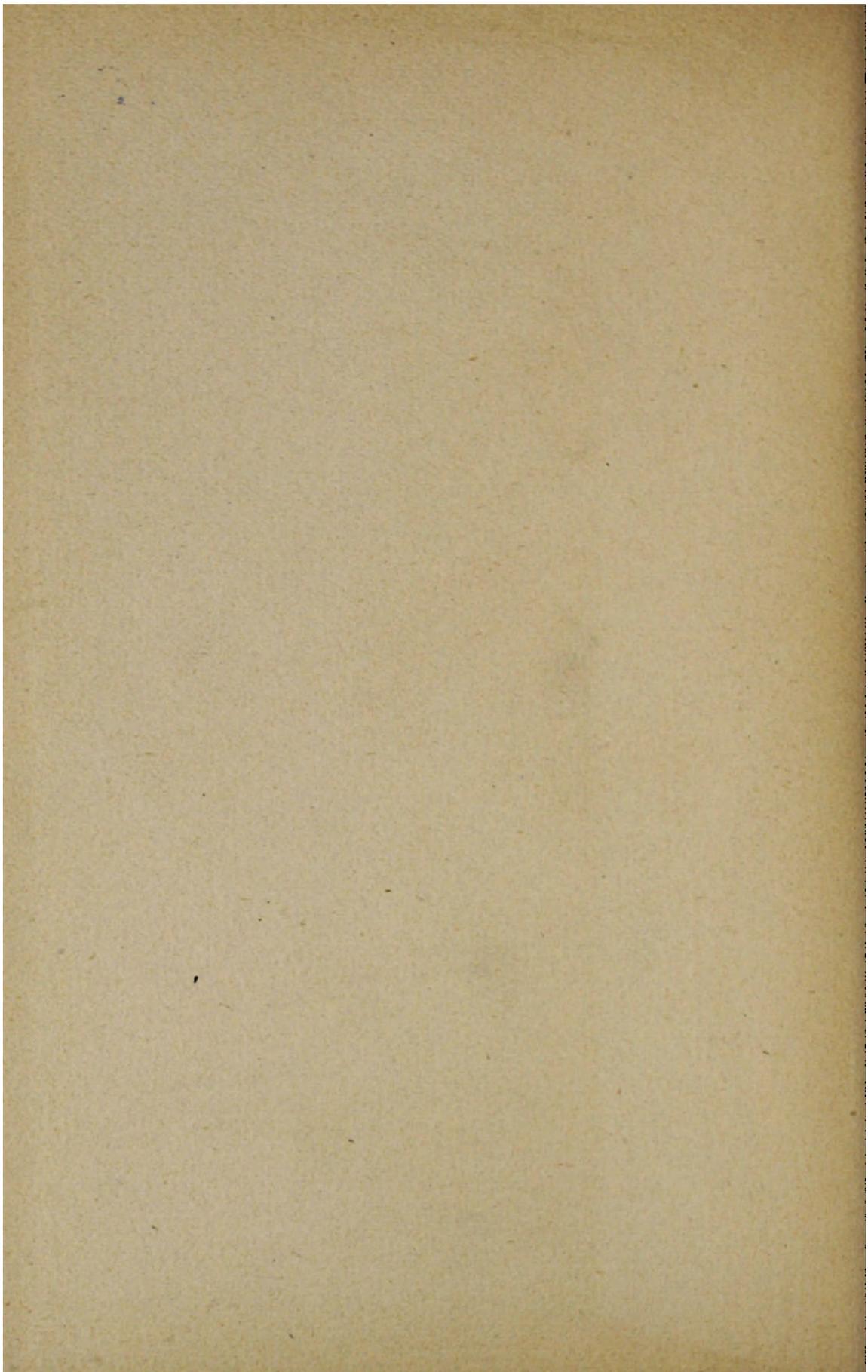
Ответ. редактор Б. Н. АРАКЕЛЯН
Редактор издательства Е. В. МЕЛИКОВА
Тех. редактор М. А. КАПЛАНЯН *7 75* Корректор А. Г. СЛКУНИ

ГИСО АН. № 111 Цена 5 р. 75 к. переплет 2 р. *50* *ЗВФ 04953*

Сдано в производство 18/1 1952 г., подписано к печати 20/VI 1952 г., изд. № 869,
заказ 17, тираж 2000, объем 7,25 печ. л.+1 вкл., уч.-изд. 9,75 л.

Типография АН Армянской ССР, Ереван, Абовяна, 124

С 1-го янв 1961г.
Цена — 78 к.